

Муниципальное казённое учреждение культуры
«Тосненская межпоселенческая централизованная библиотечная система»

Тосненская центральная районная библиотека

Из истории Тосненского района

Войной украденное детство...

Тосно
2013

ЗНАЮ

*Я знаю, что такое войны,
Не только из военных книг.*

*Был на войне. И острой болью
Вонзились в сердце: детский крик,
И женский плач, и смерть солдата,
И пепелища деревень,
Другие тяжкие утраты,
Случавшиеся каждый день.*

*И потому с благоговеньем,
Восторженно встречаю дни,
Когда другие поколения
Уже не ведают войны.*

Степан Смирнов

Предисловие

Библиотеки Муниципального казённого учреждения культуры «Тосненская межпоселенческая централизованная библиотечная система» более 30 раз становились лауреатами районных, областных, региональных, Всероссийских и Международных конкурсов. Особенностью проектной деятельности библиотек последних лет стало ориентирование на пожилых людей. Очередной проект для них «Мы не хотим, чтоб это повторилось...» реализуется в 2012-2013 гг. в рамках Программы «**Место встречи: диалог**», которая финансируется германским Благотворительным Фондом «Память, ответственность и будущее». Организационным партнёром является САФ Россия (Charities Aid Foundation).

Участник Программы – одна из старейших библиотек Ленинградской области – **Тосненская центральная районная библиотека** – основана в 1899 г. Она располагает одним из самых богатых краеведческих фондов в Ленинградской области. Библиотека в эстафете «Библиотечное краеведение на рубеже веков» заняла первое место в Ленинградской области.

Среди читателей библиотеки много пожилых людей. В их число входят ветераны и инвалиды войны, блокадники, бывшие малолетние узники, труженики тыла, дети войны. Для объединения этой группы читателей в 1998 г. создан клуб для пожилых людей «Откровение». Число его членов за эти годы увеличилось с 10 до 100 человек.

Члены клуба собираются 2-3 раза в месяц. Они – активные участники подготовки и проведения литературно-музыкальных вечеров, а также постоянные слушатели лектория Санкт-Петербургской общественной организации «Зов к культуре» имени Рериха, для них

ежемесячно проводятся вечера музыкальной студии «Классика».

Увеличению количества членов клуба в значительной степени способствовал предыдущий проект «Учиться никогда не поздно», который был реализован в 2011-2012 гг. (Благотворительный фонд «Ладога» при финансовой поддержке Благотворительного фонда «Чаритиз Эйд Фаундейшн» (Великобритания).

Участие в новом библиотечном проекте «Мы не хотим, чтоб это повторилось...» обеспечило объединение и общение группы пожилых людей в статусе бывших малолетних узников фашизма на новом качественном уровне – для активного сбора воспоминаний, совместной работы с представителями разных поколений, в том числе с юными журналистами, для создания книги воспоминаний.

Библиотека проводит множество интересных мероприятий: занятия лекториев, литературно-музыкальные вечера, краеведческие чтения, презентации, цикл выставок по материалам из семейных архивов, автобусные экскурсии.

После выполнения проекта в дальнейшей перспективе – постоянное общение пожилых людей в библиотеке, участие в работе клуба «Откровение», бесплатное пользование компьютерами и Интернет при поддержке библиотекарей, дальнейший сбор воспоминаний.

В рабочую группу вошли: Зиновьева Г.И., директор МКУК «Тосненская МЦБС», Заслуженный работник культуры РФ, руководитель проекта, Ковалевская Н.П., заведующая методико-библиографическим отделом, координатор проекта, Спроге Н.Н., методист по массовой работе, организатор массовой работы, Тихомирова Р.В.,

главный библиотекарь сектора краеведения, Почётный гражданин Тосненского района, редактор.

В реализации проекта участвовали также: Кабанова Т.А., заместитель директора по библиотечной работе, Зиновьева Н.А., заместитель директора по хозяйственной работе, Банарова Е.В., заведующая сектором справочно-библиографической работы, Шаповал Н.А., главный библиотекарь отдела комплектования и обработки литературы, Уфимцева О.А., электроник сектора автоматизации библиотечных процессов, Ермоленко Т.С., заведующая Форносовской поселковой библиотекой, Тишкина Т.Н., заведующая Нурминской сельской библиотекой, Абрамова Е.В., заведующая Фёдоровской сельской библиотекой, Аверьянова А.Н., заведующая библиотекой Нурминской средней школы.

Материалы с воспоминаниями предоставляли краеведы Слепнёва Т.Н., Киселёва Т.Ф., Чугунова О.Э.

Обучала и обеспечивала публикацию в районных газетах воспоминаний бывших малолетних узников, записанных учащимися тосненских школ, руководитель объединения «Журналист» (Дом детского творчества) Признякова М.Р.

На реализацию проекта фонд Германии выделил средства для приобретения двух закрытых выставочных витрин, проектора, экрана для проведения лекций, для организации пяти экскурсий, выпуска сборника воспоминаний «Войной украденное детство», а также для проведения презентации сборника.

Основным партнёром библиотеки в проекте стала Тосненская районная организация бывших малолетних узников фашистских концлагерей (председатель – Колесов Б.В.).

В результате кропотливой совместной работы бывших малолетних узников, библиотекарей, краеведов, учащихся школ Тосненского района появилась новая краеведческая книга «Войной украденное детство», которая поступит в библиотеки, в том числе школьные, в музеи, общественные организации и внесёт свою лепту в патриотическое воспитание молодёжи.

Авторы воспоминаний и юные журналисты получат книгу в подарок.

Библиотекари Тосненского района благодарны всем участникам проекта за предоставленные ими воспоминания, фотографии и другие ценные документы, которые пополнили краеведческие фонды.

Благодарность выражается главным редакторам и другим работникам районных СМИ за предоставленную ими возможность публиковать библиотечные материалы и освещать реализацию проекта.

Участие в проекте подарило новые яркие впечатления жителям Тосно и Тосненского района, имеющим статус бывших малолетних узников, расширило их кругозор, коммуникативные возможности, повысило жизненный тонус, за что они выражают глубокую благодарность Благотворительному фонду Германии «Память, ответственность и будущее», его организационному партнёру САФ Россия и работникам библиотек.

Проект способствовал повышению активности пожилых людей, межпоколенческому диалогу, а также поднятию престижа библиотек.

*Зиновьева Галина Ивановна,
директор МКУК «Тосненская МБЦС»,
Заслуженный работник культуры РФ,
руководитель проекта.*

«Мы не хотим, чтоб это повторилось...»

В мае 2012 г. библиотека приняла участие в очередном конкурсе по Программе «Место встречи: диалог» и вошла в число победителей. Для бывших малолетних узников был разработан план мероприятий, включающий издание сборника воспоминаний, организацию массовых мероприятий, экскурсии в пригороды Санкт-Петербурга.

После объявления результатов конкурса члены рабочей группы приступили к реализации проекта. От председателя Тосненской организации бывших малолетних узников Колесова Б.В. был получен список тех её членов, которые изъявили желание участвовать в проекте. Список дополнили работники библиотек, председатель Тосненского отделения Всероссийского общества инвалидов Седых В.А., краеведы.

После предварительных бесед по телефону с будущими участниками проекта состоялась первая встреча с ними в библиотеке. К этому дню библиотекари подготовили выставку по материалам из семейных архивов в цикле «Войной опалённое детство...». На встрече будущие участники проекта ознакомились с планом мероприятий библиотеки, обсудили маршруты экскурсий, внесли свои предложения, заполнили анкеты. Встреча завершилась дружеским чаепитием.

Большое внимание уделено распространению информации о проекте, о котором общественность района была ознакомлена через местные СМИ: Тосненские радио и телевидение, районные газеты «Тосненский вестник» и «Тосненские ведомости». Информация о проекте была размещена на сайте библиотеки, а также на многих других сайтах Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Красочные плакаты с рекламой о проекте и Благотворительных фондах вывешены в различных

общественных организациях, библиотеках. На многочисленных мероприятиях в библиотеке и вне её также рассказывалось о проекте.

Страничка о проекте вошла в «Хронику юбилейных и памятных дат Тосненского района 2013 г.» / Сост. Тихомирова Р.В.

В сентябре проведён семинар «Шаг навстречу» для библиотечных работников, на котором им подробно рассказали о проекте, после чего к сбору воспоминаний присоединились библиотекари Нурминской, Фёдоровской, Форносовской библиотек.

Библиотека провела множество мероприятий, в которых участвовали бывшие малолетние узники: праздник «Читающий Тосно», «Краеведческие диалоги», Тосненские краеведческие чтения, День пожилого человека, праздники, посвящённые 23 февраля, 8 марта, 9 мая.

Библиотекари приняли участие в мероприятиях, подготовленных Тосненской организацией бывших малолетних узников:

6 декабря 2012 г. в выставочном зале Тосненского центра досуга и отдыха состоялось праздничное мероприятие, посвящённое 20-летию образования организации, на котором Ковалевская Н.П. рассказала о проекте. Ею и Спроге Н.Н. проведены беседы у выставки из цикла «Войной опалённое детство...» по материалам из семейных архивов. На ней были представлены книги, фотографии и другие документы. В этот день библиотеке было вручено Благодарственное письмо от Тосненской организации бывших малолетних узников. Сюжет о мероприятии прошёл по Ленинградскому областному телевидению.

11 апреля 2013 г. в выставочном зале Тосненского районного культурно-спортивного центра состоялось

мероприятие, посвящённое Международному дню освобождения узников фашистских концлагерей. Библиотекари подготовили для присутствовавших уже третью выставку из цикла «Войной опалённое детство...». На ней были представлены книги, изданные областной организацией бывших малолетних узников фашизма, издания Госненской центральной районной и Любанской городской библиотек, публикации в газете Международного союза бывших узников фашизма «Судьба», в районных газетах «Госненский вестник», «Госненские ведомости», воспоминания бывших малолетних узников, фотографии из семейных архивов и снятые во время реализации проекта.

Сюжет о мероприятии был показан по Госненскому телевидению.

Встречи, посвящённые международному Дню узника, прошли также в Форносовской поселковой и Фёдоровской сельской библиотеках.

Обязательным условием участия в программе является диалог поколений, поэтому к участию в проекте привлечены ребята из объединения «Журналист» при Доме детского творчества г. Госно, а также учащиеся Красноборской и Нурминской средних школ.

Юные журналисты встречались с узниками на дому и в библиотеках, записывали воспоминания на диктофон, затем набирали их на компьютере. Далее эти материалы редактировала руководитель объединения Признякова М.Р. и передавала в библиотеку для дальнейшей работы краеведу и редактору книги Тихомировой Р.В. Статьи ребят были опубликованы в газетах «Госненский вестник» и «Госненские ведомости», а затем включены в сборник воспоминаний.

В ходе проекта было собрано более 30 воспоминаний и 200 фотографий. В сборник вошло 26 воспоминаний, 136

фотографий. Остальные материалы будут храниться в фонде краеведения и использоваться для дальнейшей работы. Среди них: интервью, взятые у бывших малолетних узников Головиной В.А. и Захаровой Н.С. юными журналистами, учащимися школ г. Тосно Ситниковой А. и Марченковой В.; Орлова Э. и Балбасова Е. – учащиеся 6 класса Красноборской средней школы – заполнили вопросники о жизни Стадниковой М.Н. и Павловой А.В. От жительницы Тосно Василевской Г.В. получены фотографии и описание жизни в стихах, в котором она рассказывает и о том, как её семью вывезли в Прибалтику.

При сборе воспоминаний частично был использован вопросник, разработанный любанским краеведом Чекуром Г.Ф.

Яркой страницей проекта стало посещение его участниками экскурсий в города Пушкин, Петродворец, Ломоносов, Юсуповский и Константиновский дворцы.

Жизнь бывших малолетних узников Тосненского района стала содержательнее и интереснее.

Сбор воспоминаний стал для них стимулом и к творчеству, и к упорядочению семейных архивов. Расширились возможности общения.

Участники проекта высказывают тёплые отзывы о проведённых мероприятиях, многие из них пожелали участвовать в будущих проектах библиотеки.

*Ковалевская Наталья Петровна,
заведующая методико-библиографическим отделом,
координатор проекта.*

О проекте

Огромной ценностью всегда и везде считалось то, что хранят в своей памяти люди старшего поколения. История – в их лицах, история – в их глазах. Ветераны, дети войны, малолетние узники, люди, привлекавшиеся к принудительному труду в годы Великой Отечественной войны, пережили так много тяжёлых дней, вынесли столько испытаний, что теперь просто не могут забыть ни дня.

Очень важно рассказывать детям, что ветераны сделали для нашей жизни. Однако нельзя забывать о главном: пожилые люди нуждаются во внимании, общении и доброте.

В прошлом году в Тосненской районной библиотеке родилась отличная идея: создать проект, благодаря которому бывшие малолетние узники смогут рассказать юному поколению обо всём, что знают сами, поделиться опытом прошлых лет. Малолетние узники, другие пожилые люди, чьё детство выпало на время Великой Отечественной войны, теперь имеют возможность собраться вместе и пообщаться. Их слушают и поддерживают подростки.

Школьники взяли на себя выполнение важной задачи: записать воспоминания малолетних узников. К сотрудничеству были привлечены воспитанники объединения «Журналист» Дома детского творчества города Тосно под руководством Марии Признякавой.

Юные журналисты помогают собирать истории в единое целое, ведь некоторые из бывших узников уже не могут самостоятельно записать то, что хранится в их памяти. Ребята приходят к ним на встречи в библиотеку или берут интервью дома у ветеранов.

Полевая практика

Несколько юных журналистов уже успели поработать в этом проекте. Елизавете Кильдибековой довелось пообщаться с Михаилом Николаевичем Семёновым. Впечатления от встречи стали для неё незабываемыми.

– Было приятно увидеть улыбающегося человека, пережившего такую страшную войну, – говорит Лиза. – Я услышала его историю и смогла представить по его словам всю жестокость фашистов. Меня поразило то, что Михаил Николаевич никогда не рассказывал обо всём этом своим детям и внукам. А мне кажется, что если бы он кому-то из детей всё же рассказал, ему было бы легче...

Другая юная журналистка, Анна Кошелева, навестила Нурию Арифовну Бекжанову.

По словам Анны, несложно понять, что жизнь у Нурии Арифовны была непростой.

А Вячеслав Киселёв пообщался с бывшими узниками – супругами Ниной Михайловной и Василием Павловичем Бибиковыми.

– Было интересно с ними. Я как бы попал на время в прошлое, слушая их. Я мысленно представлял картины и поражался тем событиям. Я понимал, что им было трудно, и не хотел бы это пережить, – рассказывает Слава.

И по тому, как он говорит, заметно его сочувствие семейной паре. Люди прекрасные, но доля им досталась тяжёлая.

Последний этап

Библиотека планирует издать книгу – очередной сборник воспоминаний тосненцев о скитаниях на чужбине. Воспоминания девяти узников из Тосненского района вошли в книгу «Мы родом не из детства – из войны», изданную ранее Ленинградской областной организацией бывших малолетних узников фашизма.

Для участников проекта были организованы экскурсии в город Пушкин и в Юсуповский дворец, а также и другие мероприятия.

Тосненская районная библиотека вошла в число победителей в конкурсе проектов в рамках благотворительной Программы «Место встречи: диалог» (Благотворительный фонд Германии «Память, ответственность и будущее» и САФ Россия).

Прививать молодому поколению патриотические чувства, показывать, что нужно заботиться не только о тех, кто спас Родину, но и о тех, кто пережил те страшные годы в скитаниях, важно, как и хранить свою историю, своих героев и с уважением относиться к каждому из них.

*Бойцова Ольга,
член объединения «Журналист».*

Спасибо за поездку

Нас, пожилых тосненцев, пригласили в библиотеку на встречу бывших малолетних узников. Собравшись за круглым столом, мы узнали о предстоящей интересной работе в проекте «Мы не хотим, чтоб это повторилось...». О ней нам рассказали директор библиотеки Зиновьева Г.И., методисты Ковалевская Н.П. и Спроге Н.Н. Мы

заполнили анкеты, разработанные сотрудниками библиотеки, получили вопросники для облегчения работы над воспоминаниями.

Воспоминания о нашем тяжёлом детстве, конечно, вызвали душевное беспокойство, но тёплая атмосфера приёма нас покорила, и нам захотелось участвовать в новом проекте библиотеки.

И вот уже 15 октября мы отправились на первую экскурсию в г. Пушкин. Нам, людям пожилого возраста, было намного легче сесть в комфортабельный автобус сразу же в нашем городе. Возможность взять сопровождающего оказалось весьма уместной, так как некоторым из нас уже более 80 лет и есть проблемы с передвижением.

Экскурсия началась уже при выезде из города. Экскурсовод сразу заинтересовала нас сведениями о нашем городе и интересно рассказывала об истории создания архитектурных ансамблей г. Пушкина на протяжении всего пути.

Екатерининский дворец покорила нас не только красотой, но и новизной. В прошлые посещения не было, например, Янтарной комнаты, и, конечно, она произвела на нас неизгладимое впечатление. Перед посещением залов работники библиотеки помогли нам, неумелым, надеть наушники для прослушивания экскурсии и всячески опекали нас на протяжении всего времени.

Сердечная атмосфера царила и за обедом в уютном кафе «Дюк». Меню было составлено с учётом наших пожеланий. К сожалению, из-за сильного дождя нам не удалось погулять в парке, но экскурсовод компенсировала это своим интересным рассказом о нём на обратном пути.

От имени всех участников экскурсии хочется выразить глубокую благодарность работникам библиотеки и

Благотворительным фондам Германии «Память, ответственность и будущее», САФ Россия за доставленные светлые минуты приобщения к прекрасному.

*Колесов Борис Васильевич,
председатель Тосненской районной
организации бывших малолетних узников
фашистских концлагерей.*

Нас восхитил Юсуповский дворец!

Раннее утро... На площади стоит комфортабельный автобус. В него весело, с шутками садятся очень немолодые люди. Их остроты, молодые голоса как-то не вяжутся с неторопливыми движениями, тросточками и всеми другими признаками почтенного возраста.

Это пенсионеры, бывшие малолетние узники, хлебнувшие на своём веку всякого, собрались на очередную экскурсию в Санкт-Петербург, которую организовала Тосненская центральная районная библиотека.

Библиотека участвовала в конкурсе «Место встречи: диалог», организованном САФ Россия для поддержки и развития активности людей, пострадавших от национал-социализма. Проект библиотеки получил финансовую поддержку германского фонда «Память, ответственность и будущее».

На средства, выделенные фондом, уже состоялась замечательная поездка в город Пушкин и вот в преддверии Нового года мы получили в подарок ещё одну.

Все усаживаются, всех пересчитывают под реплики: «А вы нас верёвочкой свяжите, как в детском саду». Кому-то делают последние звонки по телефону, и автобус трогается. Всех нас ждёт увлекательная экскурсия в

Юсуповский дворец, что находится на Набережной реки Мойки, 94.

По дороге сотрудница библиотеки Наталья Петровна Ковалевская взяла на себя роль гида. Она великолепно знает Санкт-Петербург, интересно и с юмором рассказывала о местах и исторических зданиях, мимо которых проезжали, так что мы едва успевали вертеть головами. А ещё она рассказала о большой краеведческой работе, которую проводят библиотеки района, о трёх проектах для пожилых людей, которые удалось реализовать за последний год.

В автобусе царило приподнятое настроение, все слушали с большим вниманием, подавали интересные реплики.

Наконец, мы едем по набережной Мойки и останавливаемся перед строгим, величественным зданием. Этот особняк, построенный в 1770 году Ж.-Б. Валлен Деламотом для графа А.П. Шувалова, принадлежал в 1830 году статс-даме и обергофмейстерине графине Александре Браницкой. Она его получила в 1795 году в подарок от Екатерины II.

Мы входим во дворец. Тема экскурсии: «Интерьеры дворца». Мы уже побывали во дворцах Петербурга и его пригородах и не ожидали увидеть что-то сверх того, что уже видели. И приятно ошиблись.

Мы двигаемся по дворцу, поражает и восхищает всё – библиотека, которая выглядит очень компактно, но вмещает тысячи книг, от неё на второй этаж ведёт встроенная совершенно незаметно выдвигаемая лестница, дворцовый театр, который восхищает позолоченными ярусами, необыкновенно красивыми стульями, великолепным занавесом и прекрасной акустикой, в чём мы убедились, прослушав а-капелла мужской квартет, исполнивший песню «Однозвучно гремит колокольчик». Мы проходим через зелёную, синюю, красную гостиные. Красная – такая тёплая, уютная, что не хочется уходить. Удивляемся столу с тончайшей флорентийской мозаикой,

смотрим на сохранившийся чудом старинный шёлк на стенах, любимся огромными хрустальными люстрами, особенно мы были поражены люстрами и скульптурой из папье-маше. Если бы экскурсовод не обратила наше внимание на эти чудеса рук человеческих, то мы бы приняли люстру за бронзу, а скульптуру за мрамор.

Мы проходим по галерее, где вместо картин висят их фотографии и только 2-3 скульптуры от всего великолепия. Грустно! Поражает отделка потолков, можно рассматривать их, как произведение искусства, а узоры паркета из редких пород дерева! Неохотно мы покидаем дворец, душа просится ещё и ещё побывать здесь, почувствовать ту эпоху.

Перед глазами стоит прекрасный портрет хозяйки дворца, красавицы, человека образованного, артистичного, доброго – Зинаиды Николаевны Юсуповой – работы В.А. Серова.

Садимся в автобус, чуть притихшие, делимся впечатлениями, их через край. Снова катим вдоль реки Фонтанки, Наталья Петровна продолжает свой рассказ об архитектурных шедеврах города. Обедаем в уютном ресторане «Чайковский». Как всё вкусно, а в кругу хорошо знакомых людей, в дружеской атмосфере вкусно вдвойне.

Отдохнувшие, разомлевшие после сытного обеда, выходим на набережную, кормим уток, чаек, голубей... Хорошо!

Автобус везёт домой, в Тосно. Кто-то подрёмывает, кто-то продолжает говорить о дворце, а на прощанье путешественники поблагодарили всех организаторов проекта за доставленное удовольствие и пожелали успехов в их интересной и такой нужной людям работе.

*Ильина Инна Тимофеевна,
участница проекта*

«Мы не хотим, чтоб это повторилось...».

*Воспоминания
бывших малолетних
узников фашизма*

**БЕКЖАНОВА
НУРИЯ АРИФОВНА,**

родилась в 1937 году в Любани. Большая часть её трудовой деятельности связана с Любанским фанерным заводом.

Сейчас Нурия Арифовна живёт в Тосно, принимает активное участие в деятельности татарского общества «Изге Юл», посещает группу здоровья.

Когда земля уходила из-под ног...

Порой задумываешься, как во время войны люди выживали, даже когда в буквальном смысле земля уходила из-под ног, да ещё, если этот человек – маленький ребёнок. В жизни героини моего интервью, Бекжановой Нурии Арифовны, был именно такой эпизод. Мы встретились с ней в Тосненской центральной районной библиотеке.

– Расскажите об этом, Нурия Арифовна.

– Моё раннее детство прошло в Любани, – начинает свой рассказ моя собеседница, – мама моя, Нафиса Гиреевна Мусина работала пирожницей в железнодорожном ресторане и часто брала меня с собой, а ведь это целый рабочий день, так что мои самые ранние воспоминания связаны, в основном, именно с вокзалом, а

уж пирожки, которые пекла мама, мне не раз вспоминались в голодном детстве.

Когда началась война, мне было всего 4 года, моей сестре Розе – 10 лет. Мама растила нас одна, снимали мы тогда в Любани комнату в частном доме.

Летом 1943 года к хозяйке приехала её сестра с сыном и тремя дочерьми. Ночь. Все уже легли спать, кроме взрослых. Мы слышали страшный вой и грохот – это бомба упала в огород, и у дома оторвался угол. Множество осколков полетело в разные стороны. Дочь сестры хозяйки погибла, остальные дети были ранены. От взрывной волны маму подбросило вверх. Помню, как она ползала по полу, все руки исцарапала и только спрашивала: «Вы живы, живы?!» Надо было спасаться. Очень было страшно.

– *Как сложилась ваша жизнь в Любани при немцах?*

– Мама, чтобы заработать на кусок хлеба, стирала на немцев, которые жили в хозяйском доме. Бывали моменты, когда так хотелось есть!.. Заберёшься под стол, за которым ели немцы, крошки соберёшь... Мама дома иногда пекла лепёшки из картофельных очистков и лебеды, без соли, после которых все мучились от изжоги.

Иногда в Любань приезжал немецкий санитарный поезд за своими ранеными. Немки-санитарки меня жалели, а мама пользовалась этим. Оденет меня в нарядное платье, на кудрявые волосы бант прицепит, и я иду к поезду. Там меня поднимут в вагон, хлеба, масла дадут, оттуда выхожу с полными руками; сестра меня уже ждёт. Женщины мне предлагали: «Поехали с нами в Германию», а я им отвечала: «Если маму с сестрой возьмёте – поеду, а не возьмёте – не поеду».

– *Но вас всё же увезли из родного дома?*

– Да, в 1943-м, вскоре после того как разбомбили наш дом. Нам даже не дали собраться, сажали в товарные

вагоны. Куда мы едем, зачем, никто не знал. Привезли нас на какой-то луг, выгрузили и так и оставили. Через какое-то время стали подъезжать хозяева и забирать нас. Как оказалось, нас привезли в Латвию.

Нашу семью поселили у семейной пары в деревне. Мать с сестрой управлялись по хозяйству, а я для таких работ была ещё мала.

Так мы прожили полгода-год, а потом нас перевезли в город Сабиле. Поселили в кирпичном доме, и тут приключилась беда – мама заснула летаргическим сном, думали, она умерла. Мы с сестрой плакали, не могли себе места найти, соседей звали. На четвёртый день мама проснулась, и мы не могли поверить в своё счастье.

*Нурия (6 лет) и её тётя
Рая в Латвии. 1944 г.*

– *Что Вы помните ещё из этого периода?*

– Мама рассказывала, что работала на картофельном заводе: сушила для немцев картошку, крахмал делала. Та женщина, у которой мы жили, устроила мою сестру-подростка на ближний хутор. Ну, а я оставалась одна, слонялась по улицам. Хозяйка учила меня определять время по часам, но я так и не смогла разобраться в этом. Помню тусклый свет в

маленькой комнатке, где спали 4 человека, здесь же стоял обеденный стол.

– *А когда вы узнали, что война закончилась?*

– Узнали мы об этом не сразу, только когда нас в Ригу в комендатуру отвезли, и оказалось, что после Победы здесь решали, кого отправлять в Россию, а кого – в Германию. Нас могли отвезти в Германию. Чтобы этого не

случилось, решили схитрить – попросили у многодетной матери маленького ребёночка. Когда мы зашли в комендатуру, мы волновались, как бы ребёнок не закричал, что к маме хочет, но у нас все получилось – именно благодаря тому, что с нами был малыш, нас отправили в Россию. А вот другую мать с девочкой, такой же, как я по возрасту (они тоже из Любани были), хотели отправить в Германию. Тогда моя сестра предложила: «Поехали с нами, мы вас чем-нибудь укроем, и вас никто не увидит». Нас погрузили в товарные вагоны, в которых мы добирались долго. При проверках мы женщину с девочкой опять тряпками закрывали, их никто и не увидел. И вот вернулись мы в Любань, где все сначала прошли через санитарную обработку в бане.

– *Что же было после?*

– Нас приютила в своём доме одна бабушка, хорошая знакомая нашей мамы. После приезда я долго болела, поэтому в школу пошла только с десяти лет. Так в школе и училась – день хожу, два не хожу. Перенесённая тяжёлая болезнь давала о себе знать.

*Нурия на танцплощадке
в Любани. 1957 г.*

В шестнадцать лет я пошла работать в первую Ленинградскую художественную литографию, которая находилась на десятой линии Васильевского острова, там же работала моя сестра, которая меня туда и устроила. В офсетном цехе печатали картинки для коробок с шоколадом. Картинки были красивые, но сколько же здоровья они у меня унесли, ведь работа была очень вредная, потому что в печатном

Нурия (посередине в первом ряду) с подругами на территории Любанского фанерного завода. 1960-е гг.

производстве использовали цинк. Проработала я там два года, потом устроилась на Любанский фанерный завод, трудилась там десять лет, замуж вышла, уехала с мужем в Казань, дочь родила, но так сложилась судьба, что через десять лет вернулась в Любань и пришла на ту же работу.

Сейчас я на пенсии, живу в Тосно с дочерью Бекжановой Наиле Вильевной. Она у меня научный сотрудник библиотеки Академии наук, кандидат педагогических наук, автор многих печатных работ.

А то время вспоминать страшно: ни детства, ни юности у меня не было.

*Записала Кошелева Анна,
член объединения «Журналист».*

**БЕЛЯЕВА
ТАМАРА ПЕТРОВНА,**
*медик по образованию,
работала в детской больнице и
госпитале в Ленинграде, в
Тосненской центральной
районной больнице и других
медицинских учреждениях.*

Я помню: началась война...

Я родилась в 1934 году. Мама Ковалёва Пелагея Ивановна, 1911 г.р., была домохозяйкой, отец Ковалёв Пётр Васильевич, 1909 г.р., работал на заводе в Стекольном. На начало войны мы жили в Нурме. В сентябре я должна была идти в школу, но не пошла из-за войны.

Помню бомбёжку, когда несколько бомб упало в Нурме. У бабушки осколки бомбы повредили дом. Первые немцы приехали на мотоциклах, в деревне уже никого не было. Все ушли в лес, выкопали там землянки, моя бабушка осталась в деревне, она болела. Вскоре немцы узнали, что жители в лесу, и приказали, чтобы все выходили, иначе будет обстрел. Пришлось вернуться в деревню, но немцы стали выселять из домов. Мы спрятали все вещи в подвал, на чердак, по сундукам. Зимой на санках переехали на другой конец деревни, к другой бабушке, но здесь были очень частые обстрелы.

Зимой 1942 г. перебрались в деревню Пендиково, там находился дом наших дальних родственников. Когда выезжали из деревни, немцы разрешили взять столько вещей, сколько сможем увезти, мы даже корову с собой взяли. Всех беженцев поселили в один дом. Есть было нечего, кругом антисанитария, вши. В семье было трое детей, в 1943 г. родился ещё братик.

Нас немцы заставляли работать: из брёвен делать дорогу до Тосно. У мамы было опущение желудка, она болела. Однажды мама спряталась на чердак, чтобы не идти на работу. Пришёл немец, у него была плётка, он спросил бабушку, где мама, но та ничего не ответила. Тогда он избил её этой плёткой. Один раз мама собрала от людей еды, но домой не донесла: ей навстречу попались два партизана, и она им всё отдала.

Весной возвратились в Нурму, везде был тиф. В нашем доме жили немцы, все вещи они забрали себе. Мама заходит в дом, а там немец сидит за швейной машинкой, она поняла, что немцы все вещи нашли.

Напротив нас немцы переделывали три дома. Они сильно боялись партизан, поэтому делали окна очень маленького размера. Сделали там ремонт, обшили всё.

Мы вселились в дом, где только кухня была пригодна для проживания. В Нурме оказалась еврейская семья, так её расстреляли. Очень тяжело было. В Ленинграде осталась тётя с детьми, бабушка из-за этого очень переживала. Однажды пришла из Ленинграда девушка, как-то она выбралась из города и пришла, её задержали. Она рассказала, как там живут. Только от неё мы узнали в подробностях, что такое блокада, ведь радио у нас не было. Потом она осталась в комендатуре работать переводчицей.

Немцы разные встречались, они же тоже люди. У немцев была кухня, ребятишки с бидончиками ходили туда, им наливали суп, и они обратно шли домой. Так делал и мой четырёхлетний брат Олег. У немцев были карточки. По ним давали еду тем, кто работал, и детям, которые ходили в начальную школу, открытую немцами. Это были баланда, заправленная костной мукой, с кониной, жёсткий хлеб с опилками, перепадало иногда понемножку масла и сахара. Мы радовались и этому.

В 1943 году нам сказали, что эвакуируют в Германию. Погрузили всех в состав для скота. В вагоне по стенам всё забито мешками с вещами, а посередине вагона стоят люди. В Тосно была остановка, началась страшная бомбёжка. Обстреливали наши же, хоть и видели, что там мирное население. Неподальёку от вагона стоял деревянный туалет. Двоюродная сестра была рядом с ним. Она

схватила меня за рукав, и мы упали к лежащим на земле людям, чтобы нас не заметили. Все остались живы, никого не убило, но в вещах оказались осколки от бомб.

Нас привезли в Нарву, там – опять остановка. Перед нами прошёл в Нарву состав, его полностью разбомбили, выносили людей, мёртвых, окровавленных. Нам тогда очень повезло, что не наш состав оказался первым.

*Мама Пелагея Ивановна, братья:
Олег, Володя, Лёня и Вера
Кондратьева. Латвия,
Зиемупенская волость. 1944 г.*

Привезли нас в Латвию в августе, выгрузили в болотину. Ночью же перевезли в Лиепаяу, поселили в барак за колючей проволокой. После отправили уже по узкоколейке на станцию Плоце (Pļoše), где ждали латыши с подводами и разбирали себе работников. Нас никто не выбрал: кому нужны четверо детей и старая бабушка?

Нас, а позже ещё одну семью с детьми, поселили в центре волости Зиемупе, в богадельне. Папу определили в работники на ближайший хутор. Здесь тоже давали карточки, но мы, маленькие, ходили по хуторам и просили поесть. Жили мы здесь до 1944 г.

После повезли нас к линии фронта в Латвии, за сто километров от волости Зиемупе. Отвели нам сарай: длинное помещение, с двух сторон ворота. Слева лежали зерно и солома, справа – необмолоченное

*Семья Ковалёвых и Кондратьевых.
Латвия, Зиемупенская волость. 1944 г.*

зерно, а мы – в проходе. Кроме нас было ещё несколько семей, все сидели на вещах. Ели конину (убитых лошадей). Посылали рыть траншеи. Помню, шли мы с братиком Лёней, и вдруг неожиданно начался обстрел. Я увидела в скирде лаз, мы и спрятались там. Обстрел закончился, а мы всё сидим в сене: страшно было. Мимо проходил мужчина и вытащил нас. Мы оказались со своими земляками, семьёй Кондратьевых. Они пошли к своим бывшим хозяевам в Зиемупе, за сто километров, просить подводу, чтобы вернуть семью туда, подальше от линии фронта. Когда они приехали на подводе, забрали и нас обратно, но уже к хозяину. В хозяйстве латыша пололи, таскали лён, выкапывали картошку. Мне было уже девять лет. Хозяина звали Ян, хозяйку – Эмилия, мать хозяйки – Сальма, работницу – Эмма. У них было три коня, четыре коровы и овцы. Мы с братом Олегом пасли коров в загоне у хозяина. Папа загонит, а мы пасём. Вечером нас забирали. Хозяева хуторов в больших работах объединялись, помогали друг другу: шинковали капусту и складывали в бочки, молотили зерно. Наш хозяин был назначен полицаем и старостой, но ничего плохого населению не делал. Потом его и других латышей отправили по Балтийскому морю в Норвегию.

9 мая 1945 года нас освободили наши войска.

В июне нас вывезли из Латвии в пассажирском поезде.

С 1944 г. в нашем нурминском доме помещалась школа, и мы стали жить в одной из комнат, пока школа не переехала в отремонтированное здание. Занимались по два класса вместе. В первом классе я училась в Латвии, в Нурме пошла во второй класс, была переростком (одиннадцать лет).

*Нурминская школа. 1-4 классы. 1947 г.
Ковалёва Тамара – первая слева
в третьем ряду.*

В лесах после войны находили трупы людей, их собирали и закапывали. В лес приходилось ездить за дровами, освещались керосиновыми лампами. Нас учили: Наталья Фёдоровна, Валентин Кузьмич, Мария Григорьевна. Мы очень любили Марию Григорьевну:

она во время войны служила на Ладогe, водила машины, она пела песни с нами, даже домой отправляла нас строем и с песнями. С пятого класса я училась в Тосно и закончила семь классов, после школы поступила в медицинское училище. Потом работала в Эстонии, в Силламяэ, в закрытой зоне. Из-за вредных условий работы через три года я уехала обратно в Нурму. Работала в больнице имени Раухфуса, а потом в госпитале рядом со Смольным. Когда в Тосно построили новую больницу, я устроилась в инфекционное отделение, трудилась там десять лет, потом перешла на медицинские склады в Шапках, оттуда через семнадцать лет ушла на пенсию.

С мужем познакомилась в Нурме, у нас две дочери: Виктория и Светлана. Я ветеран труда, имею юбилейные медали в честь годовщин победы.

Вся жизнь моя связана с Нурмой и Шапками. Отчасти любовью к этим местам я обязана моему двоюродному брату Владимиру Григорьевичу Яковлеву, шапкинскому краеведу.

*Записала Булыгина Татьяна,
учащаяся 10 класса Нурминской средней школы
имени генерал-майора В.А. Вержбицкого.*

**БИБИКОВ
ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ**

И

**БИБИКОВА
НИНА МИХАЙЛОВНА**

*проживают в Тосненском районе с 1960 г.
Василий Павлович работал механизатором, а Чина
Михайловна – в торговле. Она 20 лет возглавляла
Тосненское отделение Союза бывших малолетних
узников фашистских концлагерей.*

Из истории жизни супругов Бибиковых

Василий Павлович и Нина Михайловна Бибиковы – бывшие малолетние узники. Я встретился с ними в Тосненской центральной районной библиотеке, и разговор наш зашёл о том, что было пережито ими в далёкое военное время. Много общего в прошлом у этих супругов. Война застала их детьми в Новгородской области, в деревнях, расположенных недалеко от Старой Руссы. Оба они в 1943 году были вывезены в Литву, оба впоследствии из-за этого испытали сложности в мирное время.

Во время беседы они дополняли друг друга, так как часто между собой говорили о тех далёких событиях. И вот какой я услышал рассказ.

История из жизни Василия Павловича

– «После того как начались бомбёжки, в садах были вырыты укрытия, в которых мы прятались, – вспоминает Василий Павлович. – Немцы пришли быстро. Они передвигались на велосипедах, мотоциклах, танках. Они,

конечно, заняли дома, а хозяева ютились в сараях, в землянках».

В 1943 году немцы вывезли большинство жителей в Прибалтику и Германию в качестве рабочей силы.

Отвезли их на железную дорогу, подогнали товарный состав, погрузили и отправили.

Это был товарный поезд, спали кто на полу, кто на вещах, которыми всё было забито под самую крышу. Поездка растянулась на две недели, так как пропускали военные составы, к тому же часто ремонтировали дорогу, после того как её взрывали партизаны.

Во время остановок разводили костры, а когда поезд трогался, догоняли бегом. По приезде в Литву всех выгрузили из вагонов и оставили ждать будущих хозяев.

В хозяйстве Старкуса

Семья Бибиковых оказалась в Паневежском районе. Василию тогда было 8 лет, и он многое помнит.

Их хозяина звали Старкус. У него было четверо детей. Младшие сын и дочь занимались дома по программам второго и третьего классов, а два старших сына учились в Паневежисе и приезжали домой лишь на каникулы.

Старкус, в общем-то, уважительно относился к рабочим. Кормили работников хорошо – первое хозяева варили и себе, и им, на второе мать что-то сама готовила, как правило, картошку, бывало и с мясом.

У Старкуса был большой надел земли, пятнадцать коров, пять лошадей, свиньи. Взрослые члены семьи работали много: световой день длинный, и с утра до вечера всё работа была – приходилось пахать, сеять, ухаживать за скотом, рубить дрова, полоть грядки. Хозяйство велось экономно, ничего не выбрасывали, например, когда собирали хворост, то даже мелкие веточки собирали в

пучки и все складывали вдоль стены с обратной стороны амбара.

Василий вместе с другими детьми пас гусей, овец, а дети постарше пасли коров.

Так, в ежедневных трудах, проходила жизнь семьи у Старкуса.

Известие о Победе и возвращение домой

– «Мы спали на полу в амбаре, – вспоминает Василий Павлович. – Ночью дверь распахнули «лесные братья» с автоматами в руках. Было страшно – кто знает, что у них в голове: дадут очередь – и всё, нас никого уже нет, но всё обошлось, а на утро просыпаемся, смотрим – на хуторе уже целое отделение наших. Так мы узнали о Победе.

Вскоре я с отцом поехал домой, пересаживаясь с товарняка на товарняк, а мать с тремя ребятишками осталась в Литве.

В дорогу хозяин дал нам шпик и буханку хлеба. С этим и поехали. Когда наконец добрались до Новгородской области, то от поезда до дома мы шли 25 километров босиком, пришли, а в нашем доме уже живут чужие люди.

Перед отправкой в Прибалтику, когда только собирали вещи, чтобы уехать, то, что не брали с собой (а разве много возьмёшь?), зарывали в землю. Так все эти ямы, в которых были зарыты вещи, были раскопаны. Вытащили и швейную машинку, которой так дорожила мама. В общем, приехали, а ничего из домашнего скарба нет. Кто остался, тот всё выкопал, спрятанные вещи себе забрал. Время было голодное, перебивались, кто как мог».

Чтобы как-то поправить положение семьи, отец Василия в 1946 году поехал снова в Литву на заработки к Старкусу, который позвал его как хорошего работника.

Эта поездка стала для него и семьи роковой: отец пропал. Возможно, это случилось из-за того, что, как потом оказалось, Старкус был связан с «лесными братьями», за что и был отправлен после войны в Сибирь. Может быть, отец догадался об этом, и его как ненужного свидетеля «убрали». Подавали в розыск, но безрезультатно. Вот и осталась мать с четырьмя детьми. Она работала в колхозе, помощи не от кого было ждать, всем было трудно, Василий, сам тогда ещё ребёнок, стал опорой для матери.

Работать ему приходилось много и тяжело, а ведь надо было ещё учиться. В школу Василий пошёл не сразу. Ходить до неё было далеко – четыре километра туда и обратно. Василий отучится, придёт домой, а там дел невпроворот по хозяйству, поэтому и окончил он всего шесть классов.

Получить профессию Василию было тяжело из-за того, что он был в Литве, но, преодолев многие трудности и формальности, все же выучился на тракториста. Служил на флоте, потом работал в колхозе, когда были сокращения при Хрущёве, остался без работы и он.

Василий продал родительский дом и в 1960 году приехал в Поповку вместе со своей больной матерью. Долго не мог устроиться на работу.

На Металлострое ему сначала отказали из-за того, что он был в Литве, но все же нашлись хорошие люди, которые помогли ему туда устроиться.

История из жизни Нины Михайловны Бибиковой (Савушкиной)

В 1943 году семья Савушкиных из семи человек (отец – инвалид, мать с младенцем, прабабушка, бабушка и две несовершеннолетние сестры отца) после длинного тяжёлого пути попала в Литву, в город Паневежис. Поскольку в их семье не было трудоспособных работников, то хозяева-литовцы их не взяли, и оттуда они были вывезены в Германию, где прошли через ряд пересыльных лагерей и в конце концов оказались в концлагере Шутенплац (г. Брауншвейг).

Лагерь был трудовой, крематориев там не было. В нём находилось двадцать жилых барачков, двадцать первый – штрафной. Людей строили колоннами и отправляли на работу на авиационный завод. Охрана, собаки, колючая проволока... Маленькой Нине было очень страшно и очень голодно, да ещё она там тяжело переболела корью. Много семья пережила: и бомбёжки, и смерть близких людей. Всё это время с ними была вывезенная из дома Тихвинская икона Божией Матери, которая хранила семью на чужбине.

*Нина Савушкина (3,5 года)
с тётёй Фаиной в лагере
г. Брауншвейг. 1945 г.*

Еда в лагере была такая: баланда из листьев шпината, варёная брюква. Детям перепало ещё соевое молоко. Хлеб выдавали по норме.

Перед освобождением вокруг лагеря сыпались бомбы, казалось, горело всё: и земля, и небо. Освобождали семью Нины американцы. Они предлагали советским людям уехать в Америку, Канаду, Австралию. Были такие, что соглашались. Большинство же освобождённых

передали Красной Армии, и в июле 1945 года, пройдя через фильтрационные проверки, они вернулись домой. Это было очень трудное и голодное время.

В хлеб добавляли лебеду, клевер, ели сныть, которая казалась очень вкусной. Как только появлялись плоды на яблонях и кустах, они тут же сметались. Хорошо ещё, что рядом было озеро – ловили рыбу. Потом уже стали сеять лён, а ведь это ещё и семечки, и масло, вот тогда стало посытней. Любимая еда детства – картошка в мундире с ароматным маслом и солью! Конфет не было, их заменял постный сахар: это, когда в сахарный песок вливали кипящее молоко, песок плавился, его разливали по тарелкам, а уже застывший, кололи и ели как конфеты, а если ещё добавляли свёклу, тогда эти конфеты становились красными.

Семья Нины жила в колхозе, работали за трудодни. Жили бесправно.

– «Никакой даже справки не было, что мы жители вот этой деревни, – говорит Нина Михайловна. – Если надо было, например, к врачу, в город, то выдавали справку на несколько дней с колхозной печатью. Только после 1960 г. начали уже давать паспорта, и молодые стали уезжать из сёл, оставались старики, да на лето приезжали дачники. Света белого в колхозах не видели, ничего не получали, никуда не могли выехать. Если кто-то пытался съездить в город, чтобы продать рыбу или ещё что-то, это считалось спекуляцией, за это можно было понести наказание».

После окончания семилетки, а потом и десятилетки, в которую Нине приходилось ходить за 8 километров, она работала счетоводом-кассиром в колхозе.

Последствия неволи

Конечно, на судьбах тех, кто во время войны не по своей воле оказался за пределами Советского Союза, события тех лет сказались сильно. Среди бывших малолетних узников мало кому удалось получить высшее образование. Их, как правило, не брали в институты, были большие трудности и при оформлении на работу. Например, на Ижорском заводе их тоже не принимали на работу. Многим, в том числе женщинам, пришлось трудиться на самых тяжёлых работах на железной дороге в Тосно. А сколько унижений пришлось вытерпеть из-за бесконечных проверок, при оформлении гражданства и выдаче паспортов.

– «Мы всей семьёй ещё долго ездили в Старую Руссу, где у нас брали отпечатки пальцев, – вспоминает Нина Михайловна. – Когда мы вернулись, мне было почти пять лет, но даже мне надо было получить справку, которая подтверждала, что я против Родины ничего не совершила. А что я могла сделать плохого Родине в таком возрасте?..»

Общая история супругов Бибиковых

С 1960-го года, после свадьбы они живут в Тосненском районе. Василий Павлович работал на Металлострое, Нина Михайловна сначала училась в Ленинграде на курсах продавцов, после их окончания устроилась в один из промтоварных магазинов в Колпино, окончила Ленинградский институт советской торговли.

Со временем супруги купили кооперативную двухкомнатную квартиру в Тосно, тогда у них уже было двое детей.

Потом Нина Михайловна устроилась главным бухгалтером в Госненское сельпо, а далее – директором универсама № 2, в котором и работала до пенсии.

За плечами Василя Павловича 45 лет трудового стажа, из них 35 лет он работал в Главзапстрое. За свой труд имеет награды, среди которых знак «Лучший механизатор Главзапстроя», медаль «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», медали к юбилеям Победы. Оба супруга – ветераны труда, оба отмечены памятной медалью «Непокорённые. 1941–1945 гг.», которую вручали бывшим узникам, а также награждены юбилейными медалями.

Было в их дружной семейной жизни и счастье, и горе. В 40 лет умер их сын.

– «Видно, потому, что здоровью многих из нас во время войны был нанесён ущерб, – считает Нина Михайловна. – Ведь там, в лагере, нам давали какие-то добавки, испытывали на нас что-то. Все это и сказалось потом на нашем здоровье и на здоровье наших детей. Мой сын «дальнобойщик», будучи ещё молодым, скоропостижно умер ночью в кабине.

Сегодня наше утешение в дочке и внуках. Есть у нас любовь и поддержка на старости лет. В радость нам и дачные хлопоты, а ещё я с удовольствием занимаюсь рукоделием».

Супруги Бибиковы участвуют в общественной жизни района. Нина Михайловна организовала в 1991 году Тосненское отделение Союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей (второе в Ленинградской области) и двадцать лет возглавляла его, многое сделала для повышения пенсий этой категории населения и предоставления льгот инвалидам и участникам войны.

Образцы её рукоделия представлялись на многих районных и областных выставках. Она имеет сертификат как номинант международной премии «Филантроп».

*Записал Киселёв Вячеслав,
член объединения «Журналист».*

**ВАСИЛЬЕВА
Лилия Михайловна,**

окончила швейный техникум и работала мастером на фабрике «Большевичка» в Ленинграде, позже освоила профессию парикмахера и трудилась в Любани 20 лет.

Нас лишили всех радостей детства...

Я родилась 5 июня 1932 года в деревне Костуя Тосненского района Ленинградской области. Война, эвакуация, голод на несколько лет лишили меня детства. Забыть это невозможно. Многие я помню сама, что-то осталось в памяти от рассказов родителей.

Мои родители – Петров Михаил Петрович (1891 г.р.) и Петрова Наталья Ивановна (1901 г.р.) до коллективизации были крестьянами – середняками, вели натуральное хозяйство. У нас была корова, лошадь, овцы, свиньи, птица. Сами обрабатывали землю, сеяли рожь, сажали картофель, капусту, репу и другие овощи.

По рассказам моей мамы, в 1930-е годы в деревне создали колхоз (название не помню), землю изъяли, скот, кроме коровы, отобрали. Родители стали работать в колхозе: отец овощеводом (агрономом), а мама – разнорабочей – на прополке, сборе урожая, дойке коров.

Во время моего детства жили бедно. Кроме меня в семье было ещё пятеро детей – два брата и три сестры. Все мы с малых лет помогали родителям, работали в огороде, ходили за грибами и ягодами, сестры шили и вязали.

Сестра Катя, я (вторая слева), брат Виктор. д. Костуя, 1936 г.

С мамой (первая слева). д. Костуя, 1937 г.

К началу войны я успела окончить 1-й класс, мне было восемь лет, сёстрам – Марии – 18 лет, Вале – 16, Кате – 14, братьям – Виктору – 12, Володе – 3 года.

О начале войны в деревне говорили, ходили слухи. Военнообязанных вызывали в Тосно, причём, не сообщали, что отправляют на войну. Скоро в деревне остались одни старики, инвалиды, женщины и дети. Моего отца не взяли по возрасту.

В августе 1941 года председатель сельского Совета сообщил жителям деревни о скором приходе немецкой армии. Было решено уйти всем жителям в лес за речку Чудлю. Прожили мы в лесу 7-10 дней, спали кто в землянках, кто под самодельными навесами, бегали домой за водой и картошкой.

Немцы, вскоре занявшие деревню, застали пустые дома и по громкоговорителю призывали всех вернуться в течение двух дней, иначе – расстрел. Возвращаясь домой, я в первый раз увидела немцев. Они ехали со стороны деревни Шапки на мотоциклах, грузовиках, везли пушки.

Вернуться в свои дома смогли не все, многие были выселены. Немцы отбирали и резали скот, кур, выкапывали овощи. Наступил голод.

К нам поселили немца – портного, во двор завезли поросят на мясо. Помню, портной иногда подзывал нас, детей, и угощал толокном, которым кормили поросят.

Через две недели нас выгнали из собственного дома, и мы оказались в другом, где уже ютились восемь семей. Каждый день в определённый час ходили отмечаться в немецкую комендатуру.

Взрослых гоняли на работу: разбирать разрушенные здания, заготавливать лес, ремонтировать и мостить дорогу для продвижения военной техники. Женщины стирали солдатское белье, убирали в домах. Нас с сестрой немцы иногда отправляли в лес по ягоды.

Мой отец работал на дороге. Там давали паёк – 200 граммов хлеба, иногда крупу. Бывало, мама покрошит хлеб в тёплую воду – вот и вся еда! Также «лопатали» огород, докапывали старые овощи.

Детей иногда подкармливали на военно-полевой кухне. Мы подходили с котелками и ждали в сторонке, пока немцы поедят. Повар разбавит остатки еды водой и – нам. Мы и этому были рады.

Были и такие, которые добровольно работали на немцев, мама рассказывала, как один местный житель забирал себе пайки, предназначенные для работающих. Немцы его отдали на самосуд односельчанам, и он понёс заслуженное наказание.

Костюю очень часто бомбили русские самолёты. Иногда мы наблюдали воздушные бои. Было очень страшно, вначале прятались в подвал, потом привыкли. Однажды ночью во время бомбёжки выбило все стёкла, а

моя сестра Катя кричала: «Мама! Раздели на всех хлеб, а то умрём, так и не поедим!»

*Брат Володя. Эвакуация
в Латвию, зима 1942 г.*

В таких тяжёлых условиях мы прожили в своей деревне с немцами почти полтора года. А зимой 1942 года нам сообщили о скорой эвакуации. Брали с собой что-то из одежды, какую-нибудь еду, бидон или ведро, кружки, ложки – сколько можно унести. Даже у детей на спине висели маленькие мешочки.

На грузовых машинах нас доставили на железнодорожную станцию Любань и разместили в вагонах для перевозки скота. Из-за бомбёжек поезд отправился в путь только через неделю, всё это время мы жили в вагоне. Сидя на своих котомках или просто на полу, в битком набитом вагоне, под постоянными бомбардировками и с вынужденными остановками, никто не знал, куда мы едем и что будет дальше. Люди болели, мучились от голода и холода, грязи и вшей, многие умирали.

На остановках нас охраняли полицаи (жандармы) с собаками, из вагонов выходить запрещалось, только за водой и по нужде.

Примерно через месяц нашего путешествия мы прибыли на станцию латвийского города Митау (Митава, Елгава). Ночевали на вокзале под открытым небом, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замёрзнуть. Затем всех построили в шеренги и повели в «вошебойку» (баню) на санобработку.

Запомнилось, как одна местная жительница пожалела нас, «беженцев», измученных голодом и длительным переездом, и буквально всовывала нам сдобные булочки в виде восьмёрки из очень красивой корзинки! Одни ели, другие боялись брать. Мама тоже запретила нам брать булочки, говорила, что они отравленные. Как я тогда плакала!

После санобработки приезжавшие латыши выбирали работников в свои хозяйства. Нашу семью из восьми человек долго никто не брал, потом нас разделили – двух сестёр забрали на другой хутор. Долгое время мы о них ничего не знали.

Так мы переехали жить к зажиточному помещику на хутор, в 25 км от Митау. Помещик вёл хозяйство, имел несколько гектаров земли, стадо лошадей, ферму с коровами, много свиней и всякой птицы. На хуторе также жили его жена, дочь Оля, зять Бейка и их дети Ундыня и Байбиня. Как звали хозяина, я не помню.

Поселили нас в отдельном бараке с печкой и земляным полом. По соседству уже жили русские из Смоленска. Вставали в пять утра и работали до позднего вечера. Мама делала работу по хозяйству, кормила скотину, занималась садом, огородом. Отец трудился в конюшне, убирал навоз, косил и заготавливал сено. Мы, дети, работали наравне со взрослыми в огороде, в саду, пасли коров, зимой рвали пух из перьев. Я дружила с хозяйской дочкой Ундыней, мы даже вместе пасли коров.

В праздники хозяин давал нам марки и отпускал в город. Ходили в церковь. Помню, покупали сладкие таблетки для причащения. Через полгода встретили в городе своих земляков. Они видели моих сестёр, которые, оказывается, жили неподалёку. Мы часто потом ходили к ним на хутор.

Несмотря на загруженность работой, условия проживания были более-менее терпимыми, главное – была еда! Питались мы «с барского стола», хозяйка приносила картошку, бобы, молоко, крупу, муку. Мама варила суп и кашу. В волости выдавали талоны на крупу и мыло.

Иногда хозяин всё же вёл себя агрессивно по отношению к нам. Мне очень нравились цветы, которые выращивала хозяйка. Если обычно я только ими любовалась, то однажды не стерпела и сорвала красивый цветочек с хозяйской клумбы. Хозяин увидел и замахнулся кнутом. За меня заступился мой отец. В другой раз мы с сестрой работали в саду и не удержались от соблазна – искупались в хозяйском пруду. И тоже нам попало. Конечно, сами виноваты, но ведь мы были детьми, лишёнными всех радостей детства!

В 1944 году с фронта стали доходить слухи о наступлении наших войск, мимо хутора часто проходили или проезжали немцы, иногда заезжали к хозяину.

Летом 1944 года подступили советские войска, проходила пехота, регулярные части, техника – танки и пушки. Часто шли бои. До полного освобождения хутор несколько раз занимали то немцы, то наши.

Хозяин до наступления наших войск нагрузил подводы, забрал семью и уехал. Своё хозяйство оставил на управляющего.

После освобождения мы ещё месяц жили на хуторе, ждали разрешения на выезд. Вскоре на железнодорожной станции стал формироваться состав для отправки «беженцев» в Россию. Было много людей из Ленинграда, Тосно, Любани. На станцию нас отвёз управляющий, в дорогу напекли хлеба и лепёшек, с собой дали мешок зерна.

Через две-три недели мы возвращались на Родину в битком набитых товарных вагонах, сидя на полу. На остановках запасались водой, варили в котелках картошку, крупу – у кого что было припасено.

Родные края встретили нас полнейшей разрухой, по пути следования видели полу- или совсем разрушенные вокзалы, воронки от бомб, сожжённые деревни, где от домов остались одни трубы. В родную деревню сразу вернуться не удалось, так как там шло разминирование. Устроились в деревне Вериговщина в половине дома, уцелевшего от бомбёжки.

Родители со старшей сестрой работали в местном колхозе, я стала ходить в четвёртый класс в соседнюю деревню Новинка. Братьев взяли на учёбу минёрами. Катя и Валя по направлению колхоза грузили дрова на станции Любань, там и жили. В мае 1945 г. Виктор, работая в деревне Бабино по разминированию, погиб, подорвавшись на mine. Отец поседел за один день...

Летом 1945 года переселились в свою деревню. Костуя была сожжена почти полностью, осталось несколько домов. Кругом окопы, воронки от снарядов и бомб, траншеи. Они, заросшие лесной растительностью, до настоящего времени сохранились вокруг деревни в лесу и напоминают об ожесточённых боях на оккупированной местности.

К сожалению, наш дом тоже не уцелел. Пришлось жить в землянке, ранее построенной немцами. Было тесно, пол земляной, спали на нарах на соломенных матрасах. Отец смастерил стол, скамейки, печку из кирпичей. Уезжая в эвакуацию, родители закопали в яму чугунок, ведра, жёрнов, швейную машинку, что-то из одежды, семена, садовый инвентарь. Всё это очень пригодилось после возвращения.

В землянке прожили почти два года. К 1947 году в свободное от работы время родители построили новый дом из бывшей немецкой конюшни. Сами разбирали брёвна, таскали их на себе, вручную пилили из брёвен доски. Этот дом, уже несколько раз переделанный, сохранился до настоящего времени.

*Я – слева.
Ленинград. 1946 г.*

В 1946-1947 гг. сильно голодали. Скота не было, заставляли работать в колхозе, ничего не платили. Были рады каждому кусочку хлеба. Очень пригодились семена, припрятанные до эвакуации, сажали и выращивали овощи: капусту, свёклу, репу, брюкву. Также ловили в озере рыбу, ходили за грибами и ягодами, собирали съедобные травы. Грибы, ягоды и щавель возили в Ленинград на продажу. На вырученные деньги в коммерческом магазине покупали овсянку, «из-под полы» отцу удавалось приобрести зерно. Так как был жёрнов, мололи муку, пекли хлеб, из овсянки варили кашу – «затируху». Второй брат Володя, как и Виктор, трагически погиб: он с деревенскими ребятами раскопал мину, а она взорвалась.

Родители и сестра Валя опять стали работать в колхозе, Мария на торфоразработке, Катя уехала учиться на текстильную фабрику в Ленинград, устроилась в общежитие.

Сестра Валя в послевоенное

Ленинград. 50-е гг.

время ездила на хутор в Латвию, встречалась с хозяевами. Приняли радушно, в обратный путь дали хлеба и зерна. В течение двух-трёх лет велась переписка, затем связь оборвалась: хозяин с женой умерли, а дети уехали в Ригу.

В 1946 году меня забрали в Ленинград дядя Юра и его жена Рагнеда. Дядя работал в ленинградском театре служащим, а тётя преподавала в музыкальном училище. Там я окончила школу, затем швейный техникум. Работала на швейной фабрике «Большевичка» мастером, получила комнату в общежитии. В комнате жили одиннадцать человек, но, как говорится, «в тесноте, да не в обиде»! Жили дружно и весело, работали, ходили в театр, в кино, на танцы.

*Я – слева.
Ленинград. 1952 г.*

В Ленинграде я прожила 12 лет. Иногда приезжала домой в родную деревню навестить родителей и помочь по хозяйству, особенно во время весенних посадок и сбора урожая.

В 1956 году счастливо вышла замуж, остались жить с мужем в деревне Костуя с моими родителями. Муж устроился на работу прорабом в местный колхоз, я не работала, помогала родителям по хозяйству.

После рождения старшего сына Саши в 1957 году переехали жить в совхоз «Любань». Вскоре родила младшего сына Олега. Окончила курсы парикмахеров в Тосно. Трудоустроилась в г. Любань мастером, где проработала двадцать лет. Имею много грамот и благодарностей за добросовестный труд. Награждена медалью «Ветеран труда».

*Мама.
д. Костуя, 1959 г.*

*Папа.
д. Костуя, 1966 г.*

*С мужем и детьми.
д. Костуя, 1969 г.*

*г. Любань.
70-е гг.*

*Костуя.
2010 г.*

ГРИГОРОВА
ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА,
окончила Ленинградский
финансово-экономический
институт, работала на
предприятиях Ленинграда и
Тосно, в финансовом отделе
Тосненского горисполкома и в
налоговой инспекции.

Испытания войной

К началу войны мне было четыре года, брату Николаю – годик. Мы оба родились и выросли в Тосно.

Моё довоенное детство запомнилось каким-то одним светлым днём, взрослые нас любили и баловали. В доме всегда было многолюдно: наша семья, бабушка, мама, папа, его сестра с мужем и часто гостившие у нас родственники.

Вообще наш род шёл от кучера Фадея Гончарова. Его двухэтажный дом, где жили мои предки, бабушка и дедушка, их родня, стоял в Тосно, где сейчас школа № 1 (на пр. Ленина). Усадьба с огородами тянулась от самого тракта Санкт-Петербург–Москва до Трудовой улицы. За домом амбар и навесы для сена, рядом – мягкие, пушистые грядки, куда меня отправляли за укропом и луком.

Папа Михаил Владимирович Гончаров работал электромонтёром на Ижорском заводе. Его отец Владимир Фадеевич и мама Агриппина (моя бабушка Груша) занимались хозяйством: на своём наделе сеяли, пахали, косили, у них был и небольшой кусочек леса. Всё это должно было содержаться в надлежащем порядке, за это строго спрашивал староста Тосно. По этим местам отец

водил нас с братом после войны. Всё заросло лесом, кустарником, высокой травой – это в районе улицы Энергетиков, за СЭС.

*Отец Михаил
Владимирович
Гончаров.
20-30-е гг.*

В семье дедушки, кроме папы, было ещё две сестры, одна из них умерла до войны, а другая тётя – Александра Владимировна – стала для нас с братом после смерти родителей опорой и поддержкой.

Мама Клавдия Васильевна тоже работала на Ижорском заводе, она родом из большой дружной семьи Сулягиных, где было четыре сестры и брат.

И вот когда приходили мамини сёстры с мужьями, да приезжала из Питера родня, у нас было весело и шумно, помню, как папа пел свою любимую песню «Гори, гори, моя звезда».

Моя тётя Шура работала счетоводом в РОНО. К ней в гости приходили её друзья, которые мне запомнились, и я любила бывать у неё и слушать их рассказы: Мария Ивановна Демидова – санитарный врач, крупная, яркая, красивая женщина, учительница Елена Михайловна Смолина, похожая на королеву – высокая и статная.

Муж тётки дядя Ваня Агеев работал на железной дороге стрелочником, ему перед войной на станции Навалочная отрезало ногу, но он был ловкий и умудрился на своей деревянной культяшке построить дом на улице Крупской

*Мама
Клавдия Васильевна
Сулягина-Гончарова.
20-30-е гг.*

*Тётя Александра
Владимировна
Гончарова с мужем
Иваном Васильевичем
Агеевым. 20-30-е гг.*

(эта улочка тянулась за нашим домом). Домик маленький, на два окна, он сам покрыл крышу дранкой, только командовал сверху тётёй Шурой: «Шурка, подай молоток, Шурка, подай рубанок, Шурка, подай гвозди». Всё это вместе с матерком разносилось по всей округе. Детей у них не было, ребёнок умер ещё маленьким, но нас дядя Ваня любил и привозил с работы какие-нибудь гостинцы или сладости.

Начало войны не помню, только постоянный ужас от страшных бомбёжек, пожаров, воя самолётов – бомбили станцию и железную дорогу.

От этих всполохов и взрывов я пряталась под длинную бабушкину юбку и утыкалась в её колени, если мы не успевали спрятаться в окопе, который был вырыт во дворе дома. Во время очередного налёта самолётов (а они летали так низко, страшно воя и пикируя!) мы оказались в огороде, и мама бросила нас в канаву, сверху накрыв своим телом.

У нас и соседей окопы были вырыты и в лесу, и у домов.

Мама с тосненскими женщинами рыла противотанковые рвы, папа до прихода немцев до последнего дня работал на заводе – у него была бронь.

Поезд, в котором ехали рабочие с Колпино, разбомбило, и они пришли

*Лена с мамой и братом
Колей в Тосно.
40-е годы.*

домой пешком, папа нашёл нас в лесу. А когда 28 августа 1941 г. немцы захватили Тосно, они под угрозой расстрела выгнали всех из леса. Так мы оказались в оккупации. Тётя с мужем и бабушкой успели эвакуироваться.

Наш дом заняли немцы, распорядившись в нём как хозяева: на втором этаже они жили, а в амбаре и даже на первом этаже дома стояли лошади. Поначалу мы жили в окопе. У дома родителями были приготовлены брёвна для ремонта дома, приехала машина с солдатами и офицером, стали нагружать брёвна и увозить со двора. Увидев это, мама выскочила и закричала, чтобы ничего не трогали. Офицер оттолкнул маму, выхватил оружие и направил на неё. Мама, поднявшись и подходя к нему, кричала: «Стреляй, стреляй, гад». Но он убрал пистолет и уехал на нагруженной машине.

От этого военного времени осталось на долгие годы чувство холода, голода и страха. Мама подбирала очистки от картошки на помойке немецкой кухни, летом собирала крапиву, лебеду, иногда приносила мелкую картошку от сестры. А ещё она ходила к бойне, где немцы резали скот и прямо в лицо женщинам бросали кишки.

Папу немцы гоняли работать на железную дорогу, он приносил хлеб с опилками, сам ходил опухший, еле переставлял ноги.

От войны у меня осталась отметина на руке. Как рассказывала мама, на скамеечке удобно расположился немец, разложив продукты, и ел, отрезая хлеб и намазывая слоями масло, мармелад или джем. Я стояла и жадно смотрела, как он ест. Заметив это, он поманил меня и дал кусочек хлеба, но я не ушла, и тогда он ударил меня ножиком по руке. Я прибежала к маме вся в крови, она решила, что у меня нет пальца. Но в результате на руке остался только шрам.

Играть не хотелось, а только спать, спать и, конечно, есть. Иногда слышали разговор родителей о повешенных около универсама жителей, об отравившихся какой-то немецкой отравой тосненских мужиках.

Увозили нас немцы из Тосно 22 января 1944 г. в товарных вагонах. Привезли сначала в Латвию, в г. Либава. На работы нас выбрал какой-то хозяин, мама трудилась у него в поле, а папу угоняли на вагоноремонтный завод. 22 июня 1944 года нас увезли дальше, в Польшу, в лагерь Бромберг. Мы жили в длинных холодных бараках, на нарах: наверху мы с братом, внизу родители.

Взрослых гоняли работать. Мы оставались одни, кормили нас какой-то белой жидкой баландой, в которой попадались черви. Играли мы у металлических баков или цистерн, там, по крайней мере, было на солнышке тепло. С нами вместе в этом бараке жила и семья Калининых: мама, дочь и сын. С сыном Мишей мы потом, после войны, учились вместе в школе, а его сестра Нина Владимировна Белугина преподавала в нашей школе № 1.

Брат заболел и чуть не умер, лежал в госпитале, был худой, бледный, кожа да кости, живот большой и кривые ножки, говорили – рахит.

Перед наступлением наших войск нас всех заперли в бараки, положили перед входом соломы, видимо, собирались поджечь, но прорвались наши танки. Запомнилось, как все радовались, обнимались и плакали, а папа сидел с танкистами, пили из толстых стеклянных белых кружек и пели: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина».

Отец сразу же ушёл воевать, а вернулся, раненый, только после Победы с двумя медалями «За победу над

Германией» и «За взятие Берлина». Медали у нас не сохранились, мы с ними постоянно играли.

Домой мы возвращались с мамой в теплушках. Когда проезжали Поповку, её никто не узнавал. До войны это был красивый зелёный дачный посёлок, а теперь – израненная земля, сожжённые и обугленные деревья, ни одного дома.

*Лена с тётёй Шурой
возле тополя у дома
в Тосно.*

Подъезжая к Тосно, все переживали, остался ли дом, не сгорел ли, не разбомбило ли. Увидев старый тополь и наш высокий дом, я закричала: «Наш дом жив, жив!».

Но в доме было всё поломано, перевёрнуто, не сохранилось никаких вещей, посуды, изо всех дыр дуло, текло с крыши. Каким образом маме удалось нас с братом сохранить, не знаю. Но так в то время жили все.

Мама как-то вскоре умудрилась приобрести маленькую козочку

Мирку. Мы с ней играли, пасли её у сгоревших домов, здесь же играли с разноцветными осколками. Потом радовались, что она стала нашей кормилицей.

Приехали из эвакуации тётя Шура с мужем и бабушкой Грушей. Стало легче. Мама пошла работать. За хорошую работу её наградили галошами.

Вернулся с войны папа, он тоже пошёл в свой цех электромонтёром.

У тополя. 1958 г.

Света в доме не было. Вечерами зажигали керосиновую лампу, и все сидели в одной комнате, в основном, на кухне. Здесь же я делала уроки, когда училась в первом классе. Ходить за керосином было нашей обязанностью. Он продавался на стадионе (у домов №№ 46, 48 по пр. Ленина). Надо было выстоять очередь, как и в баню: нас отправляли рано утром, а попадали помыться только к вечеру.

Тёте Шура с Прибалтики пригнали корову Кутти, и приходилось рано утром занимать очередь за отрубями (склады в районе пожарного депо).

Взрослые задумали наш старый разрушенный дом продать. Бабушка Груша умерла. Тётя Шура с дядей Ваней уже построились на улице Крупской, и родители купили дом на улице Шолохова. Угол дома разбили во время войны. Папа привёл его в божеский вид, построил из жердей худенький сарайчик для козы и кур.

Дом был холодный, утром не хотелось вылезать из-под одеяла, в вёдрах замерзала вода. Но надо бежать в школу, а это с конца улицы Шолохова до белой школы (теперь Дом юного техника). От мороза трещат углы домов и заборы, света на улицах и в домах нет, только луна, да далеко в морозном воздухе разносятся с почты звуки радио, которое говорило с утра до вечера.

В школе тоже нет ни одного огонька, мы в валенках и пальто пробираемся в свой класс, а там уже затоплена круглая печка, и мы окружаем её, грея руки и ноги.

Входил учитель с керосиновой лампой, и мы рассаживались по местам. Многие из нас были переростками. Я пошла в школу в 1945 году. Запомнились первые учителя: Татьяна Васильевна Шаляпина, Галина Львовна Сплюхина, любили историка Холдина Анатолия Алексеевича, он за учительским столом не сидел, присаживался

«верхом» на первую парту и в темноте просто разговаривал с нами о жизни.

Все учителя жили, в основном, в двухэтажном деревянном учительском доме, рядом со школой, в небольших комнатах. Но некоторые приезжали к нам из Ленинграда. Это любимая учительница русского языка и литературы Белла Михайловна Левина, она нас влюбила в Пушкина, особенно в «Евгения Онегина». Приезжали к нам с Питера и классный руководитель Сучкова Зинаида Васильевна, и преподаватель французского языка Эсфирь Израйлевна, которая любила заниматься только с несколькими учениками, а с остальными была строга.

Учитель химии Семён Ильич Лифшиц спрашивал нас всех почти каждый день, он бегал по классу, поворачивался неожиданно и вызывал с места первого попавшегося ему на глаза ученика, не заглядывая в журнал. Все формулы мы зубрили и знали наизусть.

Мы его любили, а родители нет, так как он всем ставил «тройки». У него было прозвище Чита.

Класс был дружный, мы встречались друг с другом спустя и десять, и двадцать лет. В выходные все вместе убирали картошку в Шапках, а потом катались с песчаных горок. Зимой на уроках физкультуры с Сергеем Михайловичем Румянцевым ходили на лыжах за Тосно и катались сверху с берегов реки Тосны, нисколько не боясь. Стояли в громадной очереди в 1955 году, чтобы посмотреть на только что открытое в Ленинграде метро, в 1953 году плакали, когда передавали сводки о здоровье Сталина, и в день его похорон: как мы будем жить без него?

Вместе с тем сталинские репрессии коснулись и нашей семьи: на 10 лет был осуждён и сослан в Магадан родной брат дяди Вани – курсант военного училища, кто-то донёс, как они с друзьями обсуждали арест Тухачевского.

Мы выросли. На танцы в ДК – бывшую церковь – мама не пускала, на её стенах долго сохранялись расписные изображения святых и иконы.

Основные наши танцульки были на «сковородке», у памятника Кирову, на пересечении пр. Ленина и Корпусного шоссе (ныне Барыбина). Мы собирались там или на такой же «сковородке» на стадионе. Кто-то из ребят играл на гармошке или гитаре, танцевали прямо на дороге: машины ходили редко.

Летом главным образом развлекались купанием в воронках, их было много. Искупавшись в торфяной, мы вылезали из воды, облепленные кусочками торфа. А если купались в глиняной – то после купания у нас на солнышке появлялась корочка из глины, которая быстро трескалась, нам нравилось.

Только когда мы немного повзрослели, нам разрешили купаться на речке Тосне или на Сериковых прудах.

Но и обязанностей у нас было много. Зимой возили на больших санях в бочке воду. Колодцы были далеко, бочка падала, приходилось возвращаться, летом я носила воду на коромысле.

Ездили на санках в лес за дровами – сушняком, за сырые жерди лесники отбирали пилу и топор. Возвращаться в сумерках по тёмному лесу было страшновато, хоть мы обычно ездили с соседскими мальчишками. После войны в лесу водились волки, и нам чудились в кустах огоньки их глаз.

Все заботы об огороде лежали на нас, правда, весной огород копали вместе со взрослыми. Нам это так нравилось: все переключались с соседями и шутили друг с другом. Всё остальное: прополка, окучивание картошки, заготовка травы и веников для козы, – это наше дело. Не

сделаешь – гулять не пойдёшь. Друзья или помогали нам, или дожидались, сидя на канаве.

Ходили в лес за ягодами, пешком, за Строение. Когда возвращались усталые, нам везло, нас подсаживали на машину из Лисино. Любили ходить в лес с нашей дорогой соседкой тётёй Таней Коваленко, великой труженицей и лесовичкой, выросившей в одиночку четверых детей. В лесу с ней не было страшно. Когда у нас вконец замерзали ноги, она заставляла на них писать, и мы снова оживали. В лесах иногда встречалось оружие, оставшееся от войны. Некоторые мальчишки – ровесники становились инвалидами: они находили оружие и разбирали его. Нашим соседом был красивый, умный Игорь Жуков, он лишился руки по локоть, и всё равно у него не было отбоя от девчонок. Папа стал часто болеть, его беспокоил осколок, оставшийся с войны, заболел желудок, и через три года, в 49 лет, он умер, я училась в 10 классе. Мы втроём стали жить на мамину инвалидную пенсию да за счёт картошки с огорода. Нарядов и новых вещей не было, только перешивалось на нас из старого, даже с папиной шинели, обувь чинил сосед – сапожник Циркун, из старья мама шила бурки.

Через три года от туберкулёза умерла мама, мы с братом остались в доме одни. Брата Николая звали работать учеником в папин цех, но он решил самостоятельно пробиваться в жизни и уехал вместе с приятелем Геней Берулей в Мурманскую область.

После он вернётся домой, закончит техникум и институт и всю жизнь будет работать энергетиком, как отец.

Без родителей было тяжело, я втихомолку плакала и завидовала тем, у кого они были. Но нас опекала наша тётя Шура. Она иногда подбрасывала нам денежку из своей

скудной бюджетной зарплаты (когда совсем было туго), проверяла порядок в доме, не болтались ли мы, ведь мы в этом возрасте могли бы пойти и направо и налево.

Она была современной, принимала наших друзей, могла сходить в кино и поохотиться с нами, любила романсы, а в церкви горячо и со слезами молилась. Она старалась наши семьи объединять, в прощёное воскресенье всегда собирала нас на блины, помогла нам растить наших детей.

Окончив школу, я сначала работала в Тосненской электросети обходчиком, одновременно поступила на заочное отделение института с обязательным посещением лекций. Но я не выдержала, не пошла на зачёты и «вылетела» из института. Вскоре, через 10 месяцев, меня приняли на машинно-счётную станцию Октябрьской железной дороги. Уезжала из Тосно в 6 утра, приезжала поздно, электрички не ходили. Добираться до нашей улицы Шолохова в темноте было страшно. Однажды меня остановил парень с ножом в руке и потребовал часы и деньги. Вытряхнул всё из моего маленького портфельчика. Ни того, ни другого у меня не оказалось, он ударил меня кулаком и убежал.

Работать статистиком мне было интересно, я обрабатывала документы, по которым перевозились грузы. Шифры грузов и станций назначения помню до сих пор. По железнодорожному билету можно было поехать куда угодно, чем многие и пользовались.

У меня такой возможности не было, но все же мне удалось съездить в Москву. Правда, по неопытности приобрела билет на поезд, который стоял на каждой станции, и я смогла пробыть в Москве только два дня. Побывала в Мавзолее Ленина-Сталина (он ещё там находился), выстояв громадную очередь, посидела на

скамеечке перед Большим театром, надышавшись запахом сирени, побродила по ВДНХ и по улицам Москвы, удивляясь ещё сохранившимся деревянным домам с заборчиками и садиками. Такого в нашем строгом Питере не было. А вечером, перед отъездом, побывала в парке Сокольники.

Уезжала довольная собой и гордая, что побывала в самой Москве. Когда в вагоне пассажиры ели, я уходила в тамбур: у меня оставалась только пачка сухарей.

Хотелось учиться, тем более, что об этом мечтал когда-то отец.

Мне понравился Финансово-экономический институт, его атмосфера, стоял он в красивейшем месте, у Банковского мостика. В тот период в его коридорах было столько китайцев, что мы там казались чужими. В вестибюле стояла высоченная статуя Сталина, но потом всё это: и китайцы и Сталин, – быстро исчезло.

Сдав все экзамены, имея производственный стаж, а это было преимуществом, я поступила снова учиться. Проживала на крохотную стипендию, да выручала картошка из дома.

Годы учёбы пролетели быстро, теперь я стала старательной и дисциплинированной, ходила на все лекции, занималась лёгкой атлетикой, участвовала в общегородских соревнованиях. Каждую осень почти на 2 месяца уезжала убирать картошку в Волосовский район. Летом на каникулах работала в Госненском ДЭУ, сажала деревья и цветы по шоссе Москва–Ленинград: земля после войны украшалась. Зимой работала в прачечной, где большими гладильными прессами гладили постельное бельё для воинских частей.

Проходила практику в Вологде – зелёном старинном городе – и в Колпино; нам с Рудиком Власовым

приходилось бывать и на Ижорском заводе, это был целый город, там работало 15 тысяч человек.

После сдачи госэкзаменов меня направили в августе 1962 г. в родной Тосно в финансовый отдел райисполкома. Так я осталась на всю жизнь там, где родилась.

Вначале было трудно. Ведь институтские науки – политэкономия, история марксизма-ленинизма, разные утопические учения – в жизни совсем не были нужны. В коллективе меня приняли по-доброму, помогали становиться настоящим специалистом. Сколько добрых слов хотелось бы сказать моим первым наставникам, от которых что-то хорошее досталось и мне. Некоторых из них уже нет. Первыми, кто меня встретил, были Нина Васильевна Щечак, Полина Александровна Суворова, Елена Георгиевна Пашкова. Настоящим другом стала Евгения Александровна Иванова. Я научилась у неё тщательно и внимательно читать наши служебные инструкции. Видела, как она серьёзно относится к работе не только непосредственно в отделе, но и как умеет общаться с главными бухгалтерами и директорами предприятий района.

Коллектив наш был дружный, сплочённый, все поддерживали и выручали друг друга, делились опытом. В этом – заслуга его руководителей – Суворовой П.А. и Ивановой Е.А. Они стали для меня учителями не только в профессии, но и в жизни.

О своих трудно прожитых военных годах старалась никому не рассказывать, да и, наверное, неинтересно было слушать о голоде, холоде и страхе. Но думаю, что эти годы закалили меня и дали мне силы для интересной жизни.

*На переднем плане, слева направо: Иванова Е.А., Брахфогель Л.И.,
Макарова В.В. В центре, слева: Николаева Т.К., Соколов Ю.В.,
Мосин П.Г., Алексеев И.А., Николаева А.М. За Мосиных –
Румянцев В.А. За Николаевой Т.К. – Яковлева В.А.
На заднем плане: Базылев Е.П., Антипов М.Е.*

*23 февраля 1983 г.
Горфинотдел исполкома.
1 ряд, сидят слева направо:
Николаева А.М., Штефан В.Л.,
Иванова Е.А., Румянцева М.Ф.
2 ряд, стоят, слева направо:
Кудряшова И.Е., Григорова Е.М.,
Макарова В.В., Коваленко Т.Е.*

*В день 25-й годовщины
освобождения Тосно от
фашистской оккупации.
1 ряд, слева направо: Суворова П.А.,
Румянцева М.Ф., Пичугина А.К. (за
нею Иванова Е.А.), Мельницына А.А.*

ГУДКОВА
МАРИЯ ФЁДОРОВНА,
работница Фornosовского
торфопредприятия,
ветеран труда.

Приходилось делать что приказывали...

Гудкова Мария Фёдоровна родилась в 1925 году. Её родители – Чуриловы Фёдор Гаврилович и Александра Васильевна – до войны проживали в посёлке Песчанка Тосненского района, куда отец в 1931 году завербовался на торфоразработки. На торфоразработке «Усть-Тосненская» отец работал слесарем, мать – рабочей. Жили в собственном доме.

В двух километрах от посёлка Песчанка был Бадаевский стекольный завод, а при нём – школа, там Мария училась в начальных классах. Портфеля не было, тетрадочку носила в узелке. В 1938 году при заводе построили новую кирпичную школу, где Мария окончила 7 классов, потом поступила в Ленинградский химико-технологический техникум лёгкой промышленности. До войны окончила два курса, жила в общежитии в посёлке Ольгино, а когда началась война, студенты жили в техникуме.

28 августа 1941 года поехала домой на выходные, но поезд дошёл только до Колпино, а там объявили, что дальше он не поедет по техническим причинам. Пассажиры пошли пешком по полям, вечерело, гул стоял

от летающих самолётов. Уже около дома увидели с мамой, как по грунтовой дороге, расположенной неподалёку, военные несут раненого. Солдаты попросили спичек. На вопрос матери: «Куда же нам деваться?» ответили, что они скоро вернутся. А на следующий день в посёлок вошли немцы, повсюду слышалось: «Матка, яйки!». Немцы забирали продукты, но не обижали. Мужчин в посёлке не осталось: призвали в 1941 году в армию, в том числе и отца. Семья имела небольшое хозяйство: кур, козу. На следующий день немцы выгнали из дома и отправили в посёлок, где продержали четыре дня, а когда отпустили домой, во дворе – ни одной курицы, только перья летали в воздухе. Потом вместе с другими жителями погнали в деревню Перевоз ремонтировать автомобильную дорогу, но, скорей всего, это было сделано для того, чтоб народ не разбежался, был на виду. Если кто без спроса отлучался, то сажали в так называемую «холодную» – сарай – и били плётками, однажды досталось матери и двоюродному брату. Работать заставляли только трудоспособное население, стариков и детей не трогали. Попробовали убежать от немцев, доехали до Саблино, на дороге увидели повешенных партизан, вокруг были немцы, вернули нас обратно.

Летом 1942 года собрали всех и погнали пешком до Саблино, там погрузили в телячьи вагоны и везли до Кёнигсберга. С собой успели взять только документы и узелок с вещами первой необходимости. В пути на некоторых станциях стояла походная кухня, и там всех кормили, в основном, макаронами. Боялись отойти от вагона, чтоб не отстать от родных: вместе с Марией ехали сестра Анна и мама. Когда приехали в Кёнигсберг, к составу подходили хозяева, кому требовались работники. Семейю Чуриловых взяла женщина по фамилии фон

Брауншвейг, у неё был особняк и много лошадей. Охранял работников пожилой немец, который прихрамывал. Говорил, что у него сын погиб под Ириновкой (под Ленинградом). Жили в сарае, приспособленном под жильё, в деревне Волин. Рядом жили военнопленные французы. Они доили коров, ухаживали за скотом, их охраняли полицейские.

Приходилось делать всё, что приказывали: мыть полы, кормить кур, сажать и убирать картошку. Картошку копали механической копалкой, сажали тоже с применением техники, собирали на коленках, а когда поле перепахивали, ещё раз собирали то, что оставалось. Хозяйка давала картошки, хлеба, готовили сами. Ещё давали немного денег-марок, они были похожи на табачные завёртки, тратить их боялись, после освобождения отдали двоюродному брату-военному.

Освободили работников хутора 10 марта 1945 года и отпустили на все четыре стороны, пошли, куда глаза глядят. Дошли до какого-то городка, и мама Марии разговорилась с офицером, который вёз в Россию убитого сына. Он их взял с собой в машину, но когда доехали до Гродно, высадил и велел идти в комендатуру. Там пробыли два дня, получили справку. В России не пустили дальше 101 километра. Жили в Новгородской области, на станции Гряды. Копали канавы, осушали земли для нового предприятия. Так жили месяцев десять, а потом отец демобилизовался, приехал и забрал семью во Всеволожский район, на станцию Дунай, к двоюродной сестре. Отец стал работать слесарем. Потом узнали, что в Форносово строится торфобрикетный завод и в 1949 году переехали туда. Жили в доме № 7 по улице Круговой впятером в одной комнате в двухкомнатной квартире.

Свой дом на Новолисинской улице построили в 1951 году, здесь Мария Фёдоровна живёт и по сей день.

Свою трудовую деятельность она начала в 1946 году, три года работала машинисткой на торфопредприятии Дунай. В 1946 году вышла замуж за Гудкова Александра Павловича. В Форносове работали с мужем на торфопредприятии, вырастили двоих детей. К работе относилась добросовестно и ответственно, о чём говорят многочисленные благодарности и поощрения: звание Победитель социалистического соревнования, Ударник 9-й пятилетки, Ударник коммунистического труда, в 1980 году получила медаль «Ветеран труда».

О годах неволи долгие годы старалась не вспоминать, потому что на людей её судьбы смотрели косо: как же, работали на врагов. Не принимали во внимание тот факт, что труд этот был принудительный.

Муж давно умер, дочь Люба живёт далеко, но часто навещает сын Виктор, он живёт в Санкт-Петербурге, помогает, чем может, да уже не так много нужно: чтоб здоровье не подводило и можно было бы трудиться на своём небольшом приусадебном участке. В работе на земле, считает Мария Фёдоровна, черпаются новые силы, ведь так много внимания требует и сад, и огород, и цветы, а без этих мирных забот и жизнь трудно представить!

*Записала Ермоленко Татьяна Симоновна,
заведующая Форносовской поселковой библиотекой.*

**ЗАБОЙКИН
НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ,**
*коренной житель Плесненского
района, инвалид войны,
работал в артели инвалидов, в
колхозе, освоил строительное
дело и кладку печей;
общественно активный человек,
придерживался принципа –
всегда быть занятым
полезным делом.*

Под чёрным крылом войны

Вступление

7 декабря 2012 года из жизни ушёл один из замечательнейших людей нашего района – Забойкин Николай Петрович. Коренной житель деревни Староселье (Шапкинское сельское поселение), он подростком пережил немецкую оккупацию, был, как и многие, угнан в Прибалтику. Там с семнадцатилетним подростком случилось несчастье: он подорвался на mine и лишился обеих ног выше колена. Но беда не сломила его. Энергичный и целеустремлённый, он нашёл в себе силы начать свою жизнь заново, и в этом преуспел: сам построил себе дом, женился (со своей супругой Анной Алексеевной прожил в любви и согласии более пятидесяти лет), активно трудился, занимался общественной деятельностью.

Человек необыкновенного самообладания и оптимизма, Николай Петрович Забойкин не мог довольствоваться работой в Шапкинской артели инвалидов – клеить коробочки и корочки для пропусков. Он мечтал о настоящем, мужском деле. Ко всему способный и охочий до всякого труда, аккуратный и тщательный, он ещё в детстве-отрочестве приноровился чинить печи, освоил навыки крестьянской

работы. Благодаря смекалке и упорству Николай Петрович сумел в короткие сроки освоить профессию печника – так необходимую в послевоенной деревне – и стал лучшим специалистом своего дела во всей округе. Он работал ездовым в колхозе, а летом, в пору сенокоса изготавливал грабли и отбивал косы. И в этих делах ему тоже не было равных.

Будучи человеком равнодушным, он всегда боролся за интересы односельчан, ратовал за увековечение памяти тех, кто погиб в годы войны в окрестностях Шапок. За свою активную жизненную позицию Николай Петрович избирался председателем старост шапкинской округи – честно вёз на себе груз общественных забот. И никто никогда не видел в нём, неугомонном, инвалида-колясочника, достойного опеки и сожаления. Боевой дух этого человека не позволял окружающим воспринимать его немощным или жалким. Наоборот, именно к нему приходили за поддержкой и помощью в трудную минуту, потому что он был похож на кражистый дуб – надёжный, крепкий, могучий...

Таков русский человек в лучшем своём проявлении! Русский богатырь, былинный тип личности, один из достойнейших примеров нашего национального характера! Мне посчастливилось его знать, и рассказ о его юности в форме интервью я хотела бы предложить читателям данного сборника. Запись сделана в мае 2012 года.

Минникова Татьяна Николаевна.

Я родился в 1926 году в деревне Староселье. Моего отца звали Пётр Степанович Забойкин, а мать была из Шапок – Абрашонкова Мария Фёдоровна. Все местные.

Чем они занимались? Крестьянским хозяйством, а потом в колхозе работали. Сам я кончил четыре класса.

Первый день войны запомнился как «сумасшедший» день. Вся деревня собралась у нашего озера, у конторы, женщины плакали. Людей, которые на Ижорском заводе

работали, в армию не взяли, оставили, потому что у них была бронь.

Как впервые увидели немцев?

Мы прятались в лесу. Дня три-четыре там были. А у нас за два дома тётя Шура жила, из Пскова. К ней немцы пришли, бумажку вручили: где люди? Когда узнали, что в лесу, приказали: «Иди в лес, пусть люди выходят, а то обстрел будет, всех поубивают!» Так она к нам в лес пришла, бумажку эту принесла – пропуск, что ли? Не знаю. Мы с Васей Поляковым – пацан такой был – решили сходить, посмотреть. Приходим в деревню, а там сараи наши, окопчики накопаны, видать, лежали военные – они как бы оборонялись. Видим – пилотка. Немецкая! Васька говорит: «Я возьму». Я говорю: «Ты что? Куда? Для чего она тебе?». Я-то постарше был: он с 1929-го, а я 1926-го года, всё-таки голова маленько работала: «В крапиву кинем, пусть валяется».

Проходим дальше, лежит на дороге лукошко с солью: видать, кто-то тащил в лес, да бросил или потерял. Я говорю: «Ёлки зелёные! Давай в сарай поставим, а то мало ли – дождь!». Приходим в деревню, немцев нет, а через три дома – Евгения Павловна (она всё время на дачу приезжала к одному хозяину). Она немецкий язык в Ленинграде преподавала. И вот она говорит: «Коля, стой!». Я: «Что такое?». Она мне объясняет, что появились немцы, и тут немцы подъезжают на машине. Смотрю, что за немцы. Подъехали, поздоровались. Она заговорила с ними, а они спрашивают, откуда язык знает. Она сказала. Они ничего, потом поехали дальше, а мы остались. Следом приехали танкисты, которые здесь уже и встали. А дальше – полиция.

Как они себя вели? Сначала вроде бы ничего, никаких проблем. Разрешали ходить в церковь. Когда недели две

прошло, стали мужичков молодых, у которых документы с Ижорского завода были, забирать. Забрали, посадили в водогрейку – помещение, где для свиней варили корм. Заперли там и объявили трудовую повинность.

Потом началось такое: забрали у нас двух мужиков – две бабы на них, видимо, донесли. Как там было, не знаю, но вечером этих мужиков у нас и забрали, Ивана Тимофеевича и дядю Мишу Полякова, которых потом повесили в Шапках. А за что? Иван Тимофеевич – коммунист, по разговорам, в партизанах числился, а дядя Гриша был депутатом. И других потом начали так сажать – на два дня, одних выпускали, других сажали и увозили в Сиголово, где была полиция.

Сижу я в тот день дома, прибегают Васька. Откуда он узнал, что отца его в Шапках повесили, не знаю. Он бежит, я говорю: «Васька, обожди, ты куда?». Он плачет. «Батю, – говорит, – повесили в Шапках!». Мы с ним побежали туда. Видим, где у нас теперь магазин «Партнёр», полиция стоит, но нас не остановили. У сельсовета дядя Миша висит на липе, а Иван Тимофеевич – у церкви, где сейчас аптека у нас – на берёзе. Поглядели. И домой пошли.

Спустя какое-то время немцы опять всех собирают, говорят, чтоб пришли – будут партизан вешать. Приходим, а там собрание уже. Что там говорили, мы не знаем, но два мужика уже висели. Всем плохо. Потом у леса тоже двоих повесили. Все незнакомые, разговор был, что они из Шлиссельбурга.

Как мы выживали?

Еда поначалу была, потому что были коровы, их ни у кого не отняли. Потом, правда, сено всё немцы отобрали для своих лошадей, и коров стало нечем кормить. Молодёжь заставляли работать, но поначалу особых строгостей не было. В лес ходили по 20 человек под

конвоем, пилили лес. Конвой просто присматривал, чтобы не убежали. Да и куда побежишь? Вот, скажите, я – пацан, куда мне бежать было? В лесу – немецкие солдаты. Сколько там было землянок настроено, это же ужас! Одна партия солдат уезжала, другая приезжала. В Староселье был комендант. У нас он хороший был, такой спокойный, никаких проблем, все работали. Нам, мальчишкам, надо было, когда выпал снег, дорогу чистить от Староселья до Шапок. Нас было человек 40 – беженцев, да деревенских. Однажды – мы же пацаны – чистим, и Шурик Афанасьев «хлесь» в меня снежок, я тоже – «хлесь» в него, а старший немец как даст мне подзатыльник сзади, у меня шапка далеко улетела, я споткнулся, но не упал. Это, чтобы работали. А работай так: греби лопатой, никто не скажет: «Бери больше!». Если просто ковыряешь, то тоже ничего не скажет. Но если сядешь отдохнуть, то он заорёт на тебя: «Иди работай!».

Потом наших пацанов собрали работать в трудовом лагере в Староселье. Вот тогда 250 граммов хлеба – уже не домашнее питание! Там работали, лес рубили, и пилорама была. Ребята из Шапок, из Пендиково. Жили в бараках. Нас охраняли. Так мы пилораму эту немцам сломали. Но никто не догадался, что она сломана, думали, что так, сама испортилась.

Там, в Староселье, были наши пленные. Лагерь находился у родника. Рядом была сделана до войны постройка под пивоварню. Всё это фашисты обнесли колючей проволокой, поставили охрану и вышки. Вот они там сделали лагерь, под этой проволокой колючей, вниз, с горки – ступенек сорок.

*Место концлагеря для советских военнопленных в
д. Староселье около родника.
Фото Т.Н. Минниковой. 2012 г.*

Наш комендант однажды приказал мне с другими ребятами отвести в лагерь трёх лошадей (не немецких, а наших – их нечем было кормить) на еду пленным. Мы привели, привязали лошадей, пришли пленные и зарезали их. И ещё мы всё удивлялись: какая чистота была в лагере! Там кухня, подсобные хозяйства, всё это было сделано, всё построено. Как говорится, как у хозяина. Немцы командовали, чтобы аккуратно всё было сделано. В лагерь нас пускали, если что-то надо было принести.

Пленных в разное время было по-разному: от восьмидесяти до трёхсот человек. Одних привозили, других увозили, как на пересыльном пункте.

В 1942 г. пленных привозили сюда к нам с фронта, с поля боя: фронт был под Турышкино, в нашей избе им допрос делали. Нас тогда выселили жить в амбар. А я печи хорошо делал. Унтер-офицер увидел, что я печку делал в хлеву для дяди Миши, и приказал мне починить печку-чугунку в этом доме. Делаю трубы, а тут ведут двух пленных: один молодой парень – на нём новая шинель с пуговицами, офицер, значит. Второй – солдат бородатый.

Пришли. Сели. Они ничего не говорят, и я молчу. Тут приходит Шура Хабарова, плачет: у неё трое ребятишек – один на руках, а двое сбоку. Кричит бородатому: «Ой, Володенька! Володенька!!». Володя Хабаров – это её муж... Думали, что отпустят его к жене. Но Хабарова не отпустили, он остался в этом лагере. Шура еду носила мужу. Его отпускали к ней ночевать несколько раз. Я спросил его: «Почему ты тогда молчал?». А он ответил: «Гляжу, – ты ковыряешься. Но на меня дрожь такая напала, что ничего и сказать не мог!». А потом пристал к нему понос, он заболел и умер. Были же разные болезни, может, дизентерия. Похоронили его здесь, на кладбище.

У нас не расстреливали, не вешали за то, что мы подкармливали пленных. Мы могли передавать пленным картошку, варёные овощи.

Но пленные всё равно голодали. Летом пошли мухоморы и другие грибы. Пленные их собирали для еды. Был случай, когда пленные шли, как всегда, на работу, а обратно некоторые уже не вернулись – отравились. Их похоронили.

Заключённые лес пилили, землянки строили, всю тяжёлую работу выполняли.

Когда немцы отступали, нас, подростков, вывезли сначала в Любань, потом в Большое Переходное, а дальше отправили: в Лугу, под Псков, затем в Латвию – в Либаву (Лиепаяу)... Мы не шли, нас немцы за собой тащили – десять ребят из трудового лагеря.

Я подорвался в Латвии на mine. Шли с работы. Не хотелось идти по дороге, я пошёл напрямую по тропинке, смотрю, мина лежит, я остановился: «Ребята, мина!». Все ребята любопытные. Конвоир шёл сзади, закричал, я попятился. Не знаю, что произошло, но она взорвалась. Этого конвоира пополам разорвало, одному из ребят

осколок рядом с сердцем попал, одному руку оторвало, я потерял обе ноги выше колен. Немцы нас везли в медчасть за 43 км. Потом на пароходе в Германию отправили. Поделили по национальностям, поляков – отдельно, русских – отдельно... Я лежал не в госпитале, а в полуразрушенной церкви в Нюрнберге. Американцы пришли и освободили. Привезли в американскую полицию. Полиция сделала опрос, потом наши приехали – тоже опрос сделали, а потом опять американцы появились, в Америку жить звали. Наши раненые пленные (из военных) многие тогда уехали в Америку. Меня уговаривали ехать, но я сказал: «Что я там забыл? Поеду домой!». После этого приехали американские санитарные машины, и нас увезли в Прагу, в Чехословакию, там окончательно долечили. Потом путь лежал в Румынию, а после – уже домой.

Приехал домой 22 апреля 1945 года, а там – всё начисто разрушено... В землянках тесно жили. Я говорю: «Мама, сходи и спроси у председателя досок. Сколочу сарайку, там и буду жить». Двери приладил, начал жить. Потом взялся строить дом для себя и матери.

На старом бревне положили первый венец, помогали соседи.

Все ребята, кто был в трудовом лагере, после войны вернулись домой. В 1945 г. их призвали в армию, а после армии пришли Серёга Ефимов, Баринов... Некоторых призвали на войну с Японией, да пока везли в телячьих вагонах, война закончилась. Они оттуда возвратились домой.

Я работал ездовым в колхозе, печки клал. На это можно было жить, ведь пенсия по инвалидности всего 18 рублей была.

На покосе в колхозе.

Женился. Вырастил племянников. Никогда не унывал – делом был занят.

P.S. (Постскриптум)

Когда я работала над материалами о Н.П. Забойкине, я познакомилась с воспоминаниями, записанными с его слов в 1996 году Емельяновой Н.Д. Некоторые сведения, не вошедшие в интервью 2012 года, существенно дополняют рассказ Николая Петровича о прожитых годах, поэтому считаю необходимым привести их, не меняя авторской редакции текста.

Когда «немцы» пришли в Шапки и Староселье, то они расселились по домам, а жителей деревни сгоняли по 5-6 семей в один дом. Молодых мужчин забирали в колхозную водогрейку, где они просто сидели, еду им носили жёны. Мужчин допрашивали и отпускали. Двоих забрали – лесника Ивана Тимофеевича Алексеева и депутата райсовета Михаила Александровича Полякова. Через несколько дней их повесили с табличками на груди и спине с надписями «Так карается депутат, лесник и партизан». Написано было чернилами, большими буквами.

Со временем мирные жители привыкли к немцам. Отношения стали как у соседей. (Многие жители Староселья, в отличие от жителей других деревень, отмечают относительно нормальные отношения с немецкими солдатами и офицерами. Вероятно, в Староселье стояли тыловые вспомогательные части, в которых солдаты были постарше и, соответственно, пожитейски были более опытными и понимали, что озлоблять местное население не в их интересах).

Больше издевательств (показательных казней) над мирными жителями не было. Да и жители старались не досаждать немцам. Возраст у немецких солдат был от 20 до 50 лет. У населения немцы продукты не брали. На станции Шапки у них была своя база с продуктами, свои повара. Жили немцы по 30-45 человек в доме, спали на двухъярусных нарах с матрасами. Оружие у немецких солдат – автоматы, у офицеров – револьверы. У населения оружие сразу отобрали (охотничьи ружья, двустволки). Транспорта у немцев было много: и машины, и конная тяга. Немцы часто пьянствовали. Полиция ходила по вечерам и смотрела, чтобы в домах, где располагались немцы, не было женщин.

Магазин в Староселье был закрыт. Население питалось тем, что выращивало на своих огородах, держали скотину. Собак немцы перестреляли. А кошки были. При немцах работать пошли все, от мала до велика. В школу дети ходили несколько месяцев, а затем прекратили – надо было помогать семье. В войну все общественные заведения были закрыты, кроме комендатуры. В каждой деревне была своя комендатура, одна на деревню.

В 1943 году немцы разрешили танцы. Приходил русский пленный и играл на гармонии. Немцам нравилась

русская музыка, слушали, а иногда танцевали. Танцевали на дороге.

Дороги до войны были грунтовые. При немцах дороги строили каждый год из брёвен. Была построена такая лежнёвка от Шапок до Мги, от Шапок до Тосно, от Шапок до Любани. Строили дороги русские под наблюдением немцев.

Население работало у немцев. В день зарабатывали 200 граммов хлеба, но выдавали их один раз в неделю после 14 часов – сразу буханку хлеба. В субботу рабочий день был до 14 часов, в воскресенье – выходной.

Там, где родник у Староселья, находился лагерь военнопленных. Обходились с ними очень плохо. Было страшно смотреть: тощие, обросшие. Одежда военная вся изношенная, сами люди были измучены. По краю бугра стояли деревья, обнесённые колючей проволокой. На горе стояла кухня и подсобные помещения. Было там и два дома, в одном комендатура, а во втором – изолятор. Постройки деревянные. Внизу, ближе к роднику был лагерь – 2-х этажное деревянное здание, где находились военнопленные, приблизительно 300 человек. Помирало много. Закапывали мёртвых в 150-ти метрах от лагеря: там было сделано кладбище для военнопленных.

Режим лагеря нам был неизвестен, но каждый день военнопленные проходили через деревню в лес утром в 8 утра, возвращались в 16 часов. Пленных направляли во власовскую армию, но они отказывались служить в этой Русской освободительной армии. Потом лагерь расформировали.

В 1943 году в октябре народ вывезли в Прибалтику. При отступлении в 1944 году немцы сожгли Шапки и Староселье дотла. В Староселье осталась одна баня без крыши».

Минникова Татьяна Николаевна.

**ИЛЬИНА
ИННА ТИМОФЕЕВНА,**

*имеет медицинское и техническое образование.
За 43 трудовых года работала в Мосненском филиале
объединения «Пролетарский труд», в поликлинике, в
Колпинском ЛПУ. Поёт в хоре ветеранов, член МЖО
«Мосненская сторонка», издала книгу своих стихов «Я
люблю», регулярно печатается в периодике и поэтических
сборниках (последний – «Улыбнись судьбе» – вышел в 2013 г.).*

«Память о войне сидит, как заноза...»

Инна

Начиная писать эти воспоминания о пребывании в Прибалтике нас, детей, вывезенных туда во время Великой Отечественной войны, я с полной ответственностью заявляю, что нам очень повезло.

Повезло по сравнению с детьми, увезёнными в Германию, и, особенно, попавшими в концлагеря. Я склоняю голову перед детьми, оставшимися на оккупированной фашистами нашей земле, которые пухли от голода, умирали, испытали невыносимые страдания от бомбёжек и обстрелов.

Оккупированные фашистами территории обстреливали и бомбили наши самолёты, от которых гибли вместе с немцами и наши люди, и это было очень страшно.

Так погибла мать моих двоюродных сестёр, Екатерины и Нины, фактически – на их глазах. Конечно, в войну не думали о том, что в домах вместе с немцами находятся и наши мирные жители, в основном, старики, женщины и дети, так как всех мужчин забрали в армию.

Моя семья, проживая в деревне Костуя Тосненского района Ленинградской области, все это испытала.

В Прибалтике никто не умирал от голода, к каким бы хозяевам ни попал. Другое дело, что хозяева были разные. Мы для них в любом случае являлись батраками, а батраков надо было кормить, чтобы они могли работать.

Я пишу эти воспоминания, собирая отдельные эпизоды, которые засели в детской памяти, очень жалею, что ничего не расспросила у родителей. Может быть, их воспоминания были бы совсем иными. Все – вернувшиеся из эвакуации, угнанные немцами – старались помалкивать об этом. Это была чёрная страница нашей жизни, и мы многие годы считались людьми как бы с запятнанной биографией, со всеми вытекающими для тех лет последствиями. А потом жизнь закрутила, воспоминания о войне начинались только с гостями за столом, да и многие родные стали уходить из жизни, всё невысказанное унес с собой.

Никакого статуса «узника» никто из нас никогда бы не получил, если бы не Германия, которая до сих пор испытывает вину за совершенные Гитлером преступления и которая постаралась хоть как-то помочь бывшим детям, угнанным в неволю. Тогда и наше правительство чуть шевельнулось, но только в отношении нас. Ничего до сих пор не сделано для детей, живших на оккупированной

немцами нашей территории и тоже испытавших много страданий и страха.

В Тосно живём мы, три сестры, все в девичестве Ильины. Две родные между собой: Иванова Екатерина Фёдоровна – старшая, Сенашкина Нина Фёдоровна – помоложе, и я – самая младшая, для них – двоюродная.

Мы иногда собираемся вместе и среди прочих разговоров всегда вспоминаем наше детство. Получается, что моё лучше, чем у них. Я была вместе с родителями, отцом Ильиным Тимофеем Николаевичем и матерью Прасковьей Александровной. Сестры же – почти что сироты: отец воевал, мать убита бомбой. Катю угнали в Германию, Нину – в Эстонию, а нас – сначала в Литву, откуда мы перебрались в Латвию.

Эта память о войне сидит, как заноза, которую никак не извлечь, от этой памяти мы не избавились за всю жизнь. Историю каждой из нас я расскажу отдельно.

Вот мы в товарном вагоне, набитом до отказа, куда-то едем. Никто не знает, куда. Нас периодически бомбят, но поезд движется. Кто-то узнаёт, что нас везут в Литву. Помню какую-то станцию, холод. Кучками жмутся друг к другу, в основном, женщины с замотанными кто во что ребятишками и старики.

Вокруг снуют немецкие солдаты, разглядывают молодых женщин, что-то говорят и гогочут, иногда кричат. Невдалеке стоят хорошо одетые мужчины с довольно неприветливыми лицами, о чем-то говорят на незнакомом языке, посматривая в нашу сторону. Потом они начинают подходить к нам, осматривают, как товар, кого-то подзывая к себе. Женщины подходят к будущим хозяевам, немец что-то записывает, вероятно, владельца хутора и его батраков. Хозяин всех ведёт к подводе, и они уезжают. Нас очень долго никто не хотел брать. Да и действительно,

жалкая картина: измождённая женщина с грудным ребёнком на руках и вторая малявка рядом, да ещё мужик на протезе. Ну, какой с нас прок?

Нас взял последними, как мне казалось, очень здоровый, высокий дядька, который хмуρο посмотрел на нас, вероятно, он опоздал к началу набора батраков и взять пришлось, что осталось. Его фамилия была Цырцин. Так назывался и его хутор, куда мы приехали. Хорошо помню, что мы спали в каком-то сарае на дерюгах, глубоко закопавшись в сено, и очень мёрзли. У мамы от простуды пошли чирьи, и она очень страдала. Работать ей приходилось на скотном дворе очень много. Она доила коров, убирала навоз, ухаживала за свиньями. Вертелась целый день, успевая грудью кормить новорождённую сестру Женю, которая умудрилась выжить только благодаря материнской любви. Отец пилил и колол дрова, складывая их в огромные поленницы в сарай.

Помню наши обеды. Посреди кухни стоял длинный дощатый стол, чисто выскобленный, со скамейками по краям. Одним концом стол доходил почти до самой русской печки. Видимо, и в Литве знали толк в русских печах. Собирались все батраки, оказывалось их немало. Меня почему-то сажали в торец стола. Вероятно, хозяйка (её совершенно не помню в отличие от Цырцина) доставала из печи кастрюлю со щами и разливала их в деревянные миски, из которых деревянными ложками ели сразу по несколько человек. Эти щи я не забыла до сих пор. В них были положены брюква, морковь, капуста, нарезанная квадратиками, все это сварено на воде, но с кусочками шпика, нарезанного кубиками, который дрожал в миске, ошестиниваясь колочками. Я ненавидела и боялась этих кусочков и предпочитала есть хлеб, но нам его давали каждому по норме. Состояние мамы ухудшалось, лечения

не было никакого, и отец решил обратиться в комендатуру, которая находилась где-то, за пределами хутора. Он самовольно, чем очень рисковал, направился туда. Живя в Костуе, он уже научился немного говорить по-немецки. Как уж он там объяснил наше бедственное положение, не знаю, но через несколько дней на наш хутор приехала подвода в сопровождении немецкого солдата, нас погрузили в неё и повезли в деревню Уляна (может быть, неверное название, но так запомнилось), что находилась недалеко от города Паневежиса. Нас встречали новые хозяева: Казимир, Франя и двое ребятишек – Броня, очень бледный мальчик, лет десяти и девочка (имя забыла), примерно моя ровесница. Хозяева немного говорили по-русски, а родители чуть-чуть понимали литовский. Мы стояли между двумя домами и смотрели друг на друга. Слева был хозяйский одноэтажный, довольно высокий дом, справа – маленький, покрытый белой штукатуркой, с одним небольшим, почти под самым потолком, окном. Наверное, это было какое-то подсобное помещение. Нас туда и провели. Там стояла только буржуйка – и всё. Но отец вместе с Казимиром довольно быстро сложили плиту, сколотили стол, ножки крестом, сделали нары, куда положили полосатый, домотканый матрас, набитый сеном, дали нам какие-то одеяла, ещё какие-то пальтушки, а для Жени приспособили деревянное корыто, в котором она и жила. Кстати, очень удобно: ребёнка можно было качать даже ногой и не бояться, что он упадёт. Франя помогала маме чем могла, но главным было человеческое отношение. Постепенно чирьи исчезли, и мама старалась во всём угодить добросердечным хозяевам. Кормили нас достойно, не было унижительного отношения хозяин-работник, хотя родители прекрасно понимали своё положение. Мама всю войну сохраняла икону «Рождество

Христово», которую она приладила в углу, и я часто слышала, как она молилась поздно вечером за всех родных, за братьев, где-то воюющих, за наше спасение.

Работала мама опять по хозяйству. Снова коровы, свиньи и гуси, которые важно ходили по двору и с шипением вытягивали шеи в мою сторону.

У мамы с Франей сложились странные отношения. Однажды мама увидела, как Франя коряво вышивает крестиком. Она взяла из её рук иголку и полотенце и за полчаса вышила большой кусок узора, причём, показала Фране изнанку, где нитки выстроились в ровные столбики. Франя была очень удивлена и бывало, что она давала маме, к её радости, что-нибудь вышить. Мама рассказывала хозяйке о Ленинграде, но Франя не могла даже представить этого города, да и языковой барьер мешал пониманию. Наконец она, скорчив гримасу и презрительно махнув рукой, говорила по-русски: «Фу! Что там ваш Ленинград, вот наш Паневеж – это да!». В разговоре они называли этот город так, как было до 1917 года. Я, будучи взрослой, очень хотела побывать в Паневежисе, да так и не удалось это сделать. Только один раз увидела его по телевизору.

Отец, как и у Цырцина, занимался дровами, что-то ремонтировал, без работы не сидел. Не знаю, каким образом узнали, что он часовщик. Его авторитет сразу подскочил. Через Казимира к нему потянулись литовцы, и даже издали, со своими цилиндрическими часами, которые практически ремонту не подлежали, но отец умудрялся их чинить. Наши хозяева стали буквально гордиться, что у них такие умелые батраки. Но последний штрих был положен родителями в один из праздников. Франя испекла странное печенье, которое мы бы сейчас назвали хворостом. Квадратик теста, в середине разрез и в

этот разрез загибался уголок. Мама попросила разрешения испечь ватрушку. А уж печь мама была мастерица, тем более из таких продуктов, какие были у хозяев.

Когда собралась гости и Франя поставила на стол пирог, я думаю, это была немая сцена. Литовцы тогда, в основном, пили пиво, которое очень искусно варили, начались танцы. На чём играли, забылось, но танцы нас удивляли. Сцепившись в круг, танцующие методично поднимали ноги, потом, разделившись на пары, положив руки друг другу на плечи, они делали ногами что-то вроде прыжка, поднимали колено на высоту бедра, и это для них было верхом хореографии. Уже на родине отец часто просил меня станцевать, как Франя с Казимиром. Я очень смешно пародировала, таская за собой Женю, которая, конечно, ничего этого видеть не могла. Может быть, отец просил Казимира достать хотя бы гармонь. И Казимир что-то достал, при случае мама выдала «Барыню» и «Русского». Хозяева стояли в изумлении. Тогда не было телевизоров, и никто ничего не знал о другой культуре. Мама, обладательница красивых ног и красивого голоса, показала всю русскую удаль. Она выделявала ногами такие кренделя, да ещё с частушками, что это для литовцев было чудом. С тех пор родителей стали приглашать удивлять гостей. Правда, праздники были всего раза два.

Я подружилась с Бронькой, так я его звала. Он уходил от меня, я для него была очень мала, но я упорно ходила за ним, а не за его сестрой. Мы во что-то играли, и однажды он сделал лук со стрелами. Показал, как надо стрелять, и убежал. Я походила с луком по двору, потом увидела отца, который, забив колун в чурку, отдыхал. Он спокойно смотрел, как я прицелилась в него. До сих пор удивляюсь, почему он не прикрикнул на меня, или думал, что я слишком маленькая? Я натянула тетиву и пустила стрелу,

которая попала ему под левый глаз. Эта ужасная картина стоит сейчас передо мной так ясно, что я могу описать, в чём был одет отец, как стояла чурка.

Отец схватился рукой за глаз, а я так завизжала, что выскочили на улицу все. Как я не выбила его глаз! Кровь уняли, рану помазали чем-то. Меня всю колотило, и я свалилась с дикой головной болью.

К хозяевам часто ходил высокий, широкоплечий мужчина по имени Станислав, вместе с сыном, лет десяти, тоже Станиславом. Они долго засиживались у Казимира, а мажюте (по-литовски мальчик) Станислав играл с Брониславом. Я там была совершенно лишней. Однажды к нам зашёл бледный Казимир и сказал, что Станислава расстреляли за связь с партизанами. К хозяевам стали иногда наведываться немцы, они заходили и в наш домик, это было очень неприятно.

*Мама Прасковья Александровна
с моей сестрой Женей*

Меня постоянно заставляли нянчиться с Женей, которая росла хилым плаксивым ребёнком. Родилась она под бомбёжкой, наутро при лютном морозе на санках мама везла её несколько километров до станции. Качать Женю я не хотела, но делать было нечего, все работали.

Помню, как делали сыр из творога, а может быть, это называлось иначе. Под пресс клали творог в мешках на какое-то время, получалась очень крепкая масса, но я не помню, пробовала ли я её.

Стали появляться слухи, что немцы угоняют молодых людей в Германию. Кто-то сказал отцу, что маму и меня

скоро заберут. Я не понимала, почему родители часто плачут «втихаря». Отец сколотил тогда что-то вроде чемодана, который мы потом привезли в Тосно, и он стоял как напоминание о тех временах. С этим чемоданом мы должны были уехать в Германию. Хозяева тоже ходили расстроенные, они жалели нас. Но Бог миловал, нас не тронули. Перед домом проходила дорога, по которой часто двигались колонны немцев, они играли на губных гармошках красивую мелодию, но на меня она наводила страх. Уже взрослой я узнала всё про эту мелодию «Лили Марлен». Даже сейчас, слушая её по радио, я испытываю какую-то тоску и беспокойство. Это связано с врагом, бомбёжками, страхом. Эта мелодия звучала и в Костуе. Однажды моё детское воображение потрясла картина, которую я никогда не забуду: по дороге двигалась туча лягушек. Их были тысячи. Их давили машины и повозки, а они упорно скакали вперёд. Одну лягушку с красным выбитым глазом я принесла домой и горько плакала от жалости. Говорили, что они бегут от боёв. Интересно, в чём была причина такой миграции?

Во время поездки в Паневежис отец встретил земляка, который сказал, что родители мамы с семьёй живут в Латвии, недалеко от Митавы. Эта новость не давала маме покоя. Она решила их разыскать. Я не знаю всей этой истории сполна, но помню, что маму с каким-то документом отпустили в Латвию. Как она добиралась, тоже не знаю. Её не было полмесяца. Отец весь извёлся, и я видела, как он утирает слёзы. Даже сейчас я поражаюсь смелости или безрассудству молодости – отправиться одной неизвестно куда!

Недалеко от наших домов находился то ли парк, то ли чистый лес, куда мы с Бронькой бегали. И вот однажды мы туда побежали, и я не поверила своим глазам: сидит на

пеньке моя мама, опустив платок на плечи, и смотрит на нас. Она так устала, что была не в силах дойти сотню метров до дома. Я кинулась к ней! Но она велела бежать к отцу. Бедный отец, как он шёл на протезе к своей Панечке!

Родители стали хлопотать о переезде в Латвию, для этого отец несколько раз ездил в Паневежис. Помню по этому поводу гадание мамы с какой-то русской женщиной. На табуретку опрокинули железный таз, положили лист бумаги с нарисованным кругом, по краям которого написаны буквы алфавита. На чайном блюдце нарисовали стрелку, опрокинули его, сели друг против друга и, чуть касаясь указательным и средним пальцем блюдца, стали вызывать дух, почему-то Ломоносова. Видно, на память ничей другой дух не пришёл, или думали, что «Ломоносов» не подведёт. Я стояла в сторонке и с интересом наблюдала за всем. Главное, нельзя смеяться, но они всё время прыскали. Наконец сосредоточились, и дух пришёл. Блюдце дрогнуло. Мама стала задавать вопросы. Блюдце резво поползло по кругу, стрелкой упираясь в буквы. Мама вслух читала, что-то было хорошее, что-то не очень. Наконец она решила проверить дух и задала вопрос, ответ на который знала. Блюдце вдруг подпрыгнуло, и появилась такая нецензурщина, что обе гадальщицы хохотали до упаду. Больше мама не гадала.

Кстати, любое гадание – грех, ну а с блюдцем особенно запрещённый. Но это понимаешь не сразу, и я в юности тоже этим занималась. Но под моими руками блюдце молчало, стоило меня заменить другой девчонкой – и всё получалось. Наверное потому, что у меня на шее всегда висел крестик.

Узнав о нашем желании уехать в Латвию, хозяева очень огорчились. Во-первых, была взаимная симпатия, а во-вторых, потерять такую работницу и часовщика им

очень не хотелось. По правде сказать, они могли бы просто нас не отпустить, по сути, мы были их рабами, и одного визита Казимира в комендатуру было бы достаточно. Но он этого не сделал. Они только уговаривали нас, пугая разными ужасами. Но родители были непреклонны.

Наконец все разрешения были получены, и настал день прощания с нашими добрыми хозяевами. В памяти стёрлось, как добивались до Латвии.

Только помню, как стояли друг против друга две одинаковые по возрасту семьи, как плакали мама и Франя, как Бронька угрюмо смотрел на меня, а мне было весело. «Напишите, как будет возможность», – просила Франя. Из Латвии мама отправила им одно письмо. Когда же вернулись в Тосно, то родители просто боялись писать. Время было сложное, все старались молчать о том, где были во время войны. Шли годы, а мы так и не написали им. В новой жизни как-то всё отошло в сторону, хотя родители вспоминали их часто.

Я очень жалею, что не проявила усердия и интереса к судьбе этих людей, хотя можно предположить, как изменилась их жизнь с приходом Советской власти. Может быть, жив ещё Бронислав с сестрой?

Итак, мы оказались в Латвии.

Помню, что мы стоим около красивого чистого поместья, которое находилось недалеко от Митавы (Елгавы). Слева высокий барский дом с забором, справа небольшой низкий дворовый домик, где жила семья бабушки – Густавовых Александра Филипповича и Надежды Павловны – с дочерьми (моими тётями), Зиной – на десять лет старше меня и Лизой – красавицей семнадцати лет.

*Мои тётки по матери:
Зина (слева) и Лиза
Густавовы.
Елгава, хутор Эрглис.
Латвия. 1944 г.*

Объятия, слёзы, бабушка целует меня, я хватаюсь за её фартук и не отпускаю. Нас поселили недалеко от бабушки, так как я постоянно пропадала у неё. Мои тётки с раннего утра уходили работать. Зина пасла коров, Лиля работала на ферме. Бабушка прислуживала в доме, а по вечерам все, и даже я, щипали перо, отдирая пух от основания. Это была пыльная неприятная работа, чуть шевельнёшься не так, и облако пуха накрывает лицо, забивается в нос. Перины в красную полоску вывешивали на просушку.

Имён наших хозяев мне не вспомнить: я их видела редко. Они приезжали в тарантасе, высокие, красиво одетые и быстро уходили в дом. Жили они, в основном, в Митаве, а здесь имели хозяйство и небольшой колбасный заводик. Они держали большое стадо коров, овец, свиней, птицеферму. И недалеко была прекрасная теплица из стекла. Она мне казалась очень большой. Я в ней была несколько раз, когда мама собирала полукрасные огромные помидоры, а спелые велела мне есть. Я ничего вкусного не ела, и помидоры казались мне чем-то сказочным, а запах их листьев до сих пор просто очаровывает меня. Но в современных теплицах на удобрениях нет ничего даже похожего на тот аромат, вкус, зелень листьев. До сих пор у меня ненасытная тяга к этому овощу.

В барском доме жила хромая Алиса, какая-то родственница хозяина. Она, одетая всегда во всё тёмное,

напоминала злую ворону и следила за порядком в доме, а также за двумя девочками, Алисой и Ариной. Эти две сестры-погодки, всегда хорошо причёсанные, нарядно одетые, вызывали у меня жгучий интерес. В приоткрытую калитку я наблюдала за ними, им было лет по десять, у них были очень красивые куклы, с такими же белыми волосами, как и у них. За калитку хромая Алиса никогда их не выпускала, берегла от общения с чернью. Около дома был огромный сад, где росли вишни, яблони, сливы.

Вот в этом саду они и гуляли. К ним вместе с родителями приезжала старшая сестра – подросток Балва. Она всегда была в шляпке, что мне очень нравилось. Наверное потому у меня появилась с раннего детства любовь к шляпам, которая не прошла до сих пор.

Раза два я проникала в этот райский сад и, пока не было Алисы, в упор рассматривала девочек, а они, смеясь, смотрели на меня, уплетая вишни. Появлялась Алиса и за шиворот выталкивала меня за калитку. Но однажды она сунула в мою маленькую ладошку три вишни. Я их проглотила вместе с косточками, не успев даже понять вкуса.

А ещё у нас было одно любимое место, куда постоянно тянуло и куда нам запрещали ходить. Это была бывшая псарня. Она располагалась недалеко от барского дома, почему-то углублённая в землю, с окнами под самой крышей и массивной дверью. Вниз вели несколько ступенек. Мы входили в неё, и тысячи блох облепляли наши голые ноги, почему-то только до колена. Нам было щекотно и смешно. Мы ладошками снимали вниз этот «чулок», блохи снова садились, мы снова их снимали и, наконец, мы выскакивали наверх, принося домой эту «радость».

Почему хозяин не уничтожил эту гадость – загадка. Вероятно, в те годы не было подходящей химии.

В Латвии мы увидели странную обувь, которую нам пришлось привыкать носить. На деревянной подошве были прибиты ремни, и называлось это баретками.

Я уже упоминала, что у хозяина был колбасный завод. О колбасе я не имела никакого понятия. Зина страшным голосом рассказывала мне, как убивают бедных овец (они мне так нравились!), теляток и их мясом наполняют кишки свиней. Кишки я уже видела, бабушка однажды их мыла в баке. Я ненавидела колбасу, она казалась мне каким-то чудищем, которое может задушить. Зина продолжала рассказывать мне небылицы, разогревая мою фантазию. Однажды с таинственным видом она позвала меня на улицу, велела закрыть глаза и сильно что-то понюхать, сказав, что это что-то очень вкусное. Я доверчиво зажмурилась и изо всей силы что-то вдохнула. Я не могу описать, что со мной было. Она мне подсунула нашатырный спирт (это я узнала позже). Очнувшись, вся в слезах, я кинулась на неё с отчаянным криком: «Колбаса, колбаса!». Но она хохотала, убегая от меня.

Я всегда напоминала ей об этой злой шутке.

С фронта стали доходить слухи о наступлении наших войск, о расстрелах наших пленных. Настроение у латышей менялось. Хозяева приезжали хмурые. Хромая Алиса вдруг резко подобрела. Она стала разрешать заходить в сад, но было уже холодно и неинтересно. И вот однажды она взяла куклу от Арины и дала мне её подержать. Для меня это была минута абсолютного счастья. Кукла закрыла глаза, и я замерла. Потом счастье кончилось, но радость в душе осталась.

Как-то хозяин собрал всех батраков и сказал, что русские войска наступают и он просит, в случае чего, заступиться за них, сказать, что он не обижал нас. «Конечно, заступимся», – обещали все. Но этого обещания

было мало. Говорили, что русские беспощадно всех господ расстреливают и даже вешают. Стали чаще появляться немцы, они уже не играли на губных гармошках.

Хозяева стали собираться в эмиграцию. У нас говорили, что в Америку. Стадо коров почти всё исчезло вместе с остальным скотом, оставалось немного кур, которых быстро съели после отъезда хозяев. Мне больше всего было жалко теплицу, которую зачем-то разбили.

И вот однажды во двор въехали две фуры, запряжённые четвёрками лошадей. Из дома выносили огромные тюки и складывали внутрь фур. Мы все молча смотрели, испытывая сложные чувства. Все, кроме хромой Алисы, уселись, и лошади тронулись под плач Алисы, которую не взяли с собой, оставив стеречь дом. Кстати, хозяева очень просили отпустить с ними Зину, вероятно, желая сделать из неё прислугу. Бабушка этого боялась и в последние дни перед их сборами прятала её.

Как жили без хозяев, не очень хорошо помню, но знаю, что плохо и очень тревожно. Здесь у меня какой-то провал в памяти.

Последнее, что я помню, как нас освобождали. Об этом я уже писала в книге «Вспоминая прошлое». Нас, всех русских, немцы загнали в какой-то сарай. Народ стоял плечом к плечу. Мама держала на руках Женю, я где-то внизу, прижатая к ногам родителей. Нас закрыли на замок, и, наверное, подпёрли чем-то дверь, потому что дверь даже не качалась, когда её пытались выбить. Я не совсем понимала, что происходит, почему люди кричат и плачут. Нас просто не успели поджечь, людей сжигали запросто: для фашистов все славяне были нелюди. Вдруг раздался грохот, стрельба, крики, кто-то ломал дверь – наши!

*Тётя Лиза Густавова с мужем
Александром Демьяновичем
Агафоновым. 1950 г.*

подсобную комнатуху, где она и доживала в бедности и полном одиночестве свой век. И только сердобольная душа – Лиза ездила к ней, помогала продуктами и деньгами, забыв все обиды. Лиза писала нам, что Алиса обо всех нас расспрашивает и часто плачет.

Конечно, мне бы очень хотелось узнать о судьбе литовских хозяев, о том, как они жили при советской

*Сидят слева направо: отец Ильин
Тимофей Николаевич, мать Ильина
Прасковья Александровна, сестра
Ильина Евгения Тимофеевна, тётя
Соломонова (Густавова) Антонина
Александровна. Стоит Инна.*

Вскоре мы вернулись на родину. Лиза познакомилась с русским солдатом Александром. Они полюбили друг друга и поженились. Она осталась с ним в Латвии, и жили они в Митаве-Елгаве, недалеко от наших бывших хозяев.

Дом барский национализировали, оставив для хромой Алисы какую-то

подсобную комнатуху, где она и доживала в бедности и полном одиночестве свой век. И только сердобольная душа – Лиза ездила к ней, помогала продуктами и деньгами, забыв все обиды. Лиза писала нам, что Алиса обо всех нас расспрашивает и часто плачет. Конечно, мне бы очень хотелось узнать о судьбе литовских хозяев, о том, как они жили при советской власти, посмотреть, что это за место Уляна около Паневежиса, который лучше Ленинграда.

Зина всю жизнь хранила в альбоме фотографии девочек Алисы и Арины. После её смерти я не сразу вспомнила о них, а когда хотела забрать, то у молодого поколения их не обнаружила.

Катя

*Катя
Ильина (Иванова)*

Во время оккупации нашей деревни Костуя погибла мать Кати. В голодающей деревне она, тринадцатилетняя девочка, осталась с тремя младшими детьми. Брать их родственники не хотели, так как сами голодали. Младший брат Коля умер, среднего, Мишу и сестру Нину немцы эвакуировали, и тогда Катю приютила бабушка со стороны матери Конюкова Татьяна. Но вскоре и их отправили на чужбину в товарных вагонах, битком набитых людьми, без всякой пищи. Поезд часто останавливался, сутки простоял на какой-то станции и наконец их привезли в Латвию. Прямо с платформы её забрал на свой хутор хозяин Вицис Лацис, который жил со своей матерью и психически больной женой Мартой. К нему приходили работать батраки-латыши, жил ещё русский пленный Михаил. Бабушку взяли на другой хутор, и все родные только после войны встретились в Тосно. Работы было очень много, Катя пасла коров, убирала навоз, чистила щётками лошадей, которых очень полюбила за их ум. Они смотрели на неё своими влажными, красивыми глазами и никогда не пытались укунить или лягнуть. Жила она с другими батрачками в бывшем хлеву, спали на соломенных матрасах, кое-какую одежду давал хозяин. Кормили супом из перловой крупы с кусочками шпика, на второе ставили блюдо с обваренным горохом. Хлеба давали мало. Но однажды хозяин сказал, что по приказу немецких властей Катю отправляют в Германию. На хуторе она прожила несколько месяцев, уже привыкла

к людям рядом с нею, тем более, что её не обижали, уже стала немного понимать по-латышски.

Хозяин привёз её на станцию, туда же свозили молодёжь и с других хуторов. Их поместили в товарные вагоны с забитыми досками окнами и повезли в Германию. Опять долгие остановки без еды и питья, страх, тихие слёзы.

Наконец их привезли в город Эльвенк (?), высадили из вагонов, всех женщин построили в шеренги, всем велели раздеться догола и из шланга стали поливать водой. Так они мыли людей, потом всех наголо остригли, но Кате почему-то оставили чёлку.

Потом всех снова посадили в вагоны и повезли дальше. Катя не может вспомнить, сколько они ехали. Наконец на какой-то станции поезд остановился, всех высадили, построили в колонну и погнали в концлагерь Штутхов. Это был большой участок, огороженный колючей проволокой, с бараками внутри и крематорием, из трубы которого валил очень чёрный густой дым, оседающий жирной сажей на всём. Всех разместили по баракам. Катю, ещё одну девочку из Харькова Савенко Эмилию Васильевну и белоруску Настю поместили вместе в барак, где стояли трёхъярусные нары, на которых лежала окровавленная солома, где было очень много народу, причём мужчины и женщины находились вместе. Кормили их всего раз в сутки баландой без хлеба, за ней они выстаивали большую очередь. За тонкой перегородкой находились евреи, которых методично ежедневно сжигали, оттуда неслись крики, плач, стоны, так что можно было сойти с ума от этого ужаса. Я не представляю, как всё это вынесла моя бедная сестра, по сути, совсем ребёнок!

На соломе со следами крови Катя провела несколько дней, но однажды в их барак вошёл немецкий офицер с

тростью. Он ткнул ею в девчонок и всех трёх вывел на улицу. Они увидели немца в штатской одежде, который внимательно их осмотрел, что-то сказал офицеру и повёл их с собой. Они уселись в бричку, и немец повёз их в своё хозяйство, которое было на берегу реки Вислы. На следующий день, на лодке, с другого берега Вислы приплыла молодая женщина с русским именем Ольга, забрала с собой только одну Катю, разлучив её с девочками, с которыми она сдружилась. Катя горько плакала, прощаясь с ними. Ольга привезла её в своё большое хозяйство, в котором она жила с матерью Марией. Брат Ольги погиб под Ленинградом, как уже потом узнала Катя. Почему у немок были русские имена, так и осталось загадкой. В имении жили двое пленных англичан, Эрнст и Виллис, они очень хорошо относились к Кате, и когда та, уставшая от тяжёлой работы, горько плакала, то они, утешая её, говорили: «Скоро Гитлеру будет капут, скоро русские победят, и ты уедешь на родину». Кормили этих пленных отдельно, а на ночь за ними приходил конвой и их увозили «под замок», как говорила Ольга. Катя быстро схватывала немецкий язык, тем более что все говорили только на немецком языке. Работала Катя опять по хозяйству, убирала коровник, пасла коров на большой личной делянке хозяев, обнесённой изгородью. Часто хозяйка ещё до выгона коров посылала её на эту делянку собирать шампиньоны, которые обильно росли на навозе. Мы эти диковинные грибы до войны считали поганками и никогда не собирали, хотя я помню, что они росли у нас в огороде в Тосно на месте, где хранился навоз. Эти грибы жарились с картошкой на завтрак. Почти все молоко хозяева куда-то увозили, себе оставляя самую малость. Катя думает, что это был какой-то военный налог. Питались все очень

скромно. Катя частенько убегала на берег Вислы, громко плакала и звала по именам своих подружек, надеясь, что они услышат. Хозяйка, видя её отсутствие, шла к реке, брала её за руку, что-то сердито выговаривая, но не била, и вела «домой». Дом был добротный, одноэтажный, со множеством цветов, особенно Кате запомнились огромные фикусы и три кошки, которых хозяйки очень любили и баловали. Катя жила в тесной каморке, но там было тепло, всё такой же соломенный матрас и что-то вроде одеяла.

Наши войска стремительно наступали, и хозяева то ли испугались, то ли был приказ, но Катю вернули снова в концлагерь. Это был удар ещё страшнее, чем в первый раз, когда её увозили из Латвии. Теперь она знала, куда попадёт. Она помнит, как везли её на бричке, а вокруг стояли высокие виселицы, на которых раскачивались повешенные немецкие солдаты и офицеры (судя по валявшимся фуражкам под телами), на груди у каждого висела табличка «За измену родине».

Снова барак, нары, но уже не было евреев – всех сожгли, но зато было много русских пленных, жутко истощённых. В первый раз Катя, оглушённая ужасом, не сразу заметила своих, но теперь она видела их издалека.

Однажды Катя с одной девочкой сумели найти лазейку под проволокой и убежали из лагеря. Они осматривались кругом, как бы их не поймали. Немного отошли от лагеря, увидели полуразрушенный дом, взобрались то ли на террасу, то ли на крыльцо и увидели страшную картину. Недалеко от этого дома был небольшой пруд, и немцы сбили наш самолёт, он упал в воду с оглушительным хлопком и стал гореть. Из воды, вернее из кабины, появился лётчик с наганом и очень метко стал стрелять в подбегающих немцев, они, раненные или убитые, падали в воду, но почему-то в лётчика никто не стрелял. Наконец,

видно, пули кончились, и пилота вытащили из пруда. Когда его тащили мимо этого дома, где стояли девочки, он крикнул: «Я из Орла!», но имя не назвал. Катя до сих пор видит его красивое лицо, а этот голос остался в памяти на всю жизнь.

Но приключения в тот день у девочек не кончились. Они пошли дальше и набрали на какой-то бункер. Заглянули туда: на полу стояла вода, а на нарах лежали вещи. Катя потянула одну из тряпок. Что это было, она не помнит и с этой тряпкой в руках она пошла с подружкой дальше. Не успели пройти несколько шагов, как появилась группа немецких солдат во главе с офицером. Офицер шагнул к Кате, вырвал эту тряпку и стал ею хлестать Катю по лицу, потом бросил тряпку на землю, вытащил из кобуры пистолет и приставил его ко лбу Кати. Неизвестно, чем бы это все кончилось, но тут откуда-то с криком выскочила немка и закричала: «Не трогай детей!». Офицер молча повернулся, и вся группа удалилась. До Кати весь ужас положения дошёл не сразу, а когда немка ушла, она села на землю и не могла встать. Тем же путём они пробрались в свой барак.

На территории лагеря были вырыты окопы, куда прятались во время бомбёжки сотрудники лагеря. Бомбёжки велись часто. Но однажды по шоссе хлынула вода, она дошла до лагеря, Катя с подружкой в это время сидели в бункере, прятались ото всех. Вдруг в бункер полилась вода, они выскочили и слышали рёв моторов, крики: «Ура! Победа!» По шоссе, залитому водой, шли наши танки с грязными, мокрыми, весёлыми танкистами, на их гимнастёрках сверкали медали. Оказывается, немцы где-то открыли плотину, чтобы помешать нашим войскам. Оторопевшая охрана всё ещё стояла у ворот лагеря – таким стремительным было наступление.

Всех пригнанных в лагерь, кроме наших пленных, с которыми разбирались другие службы, построили, сформировали отряды, конечно, накормили из полевых кухонь и повели на медицинский осмотр к нашим врачам. Потом отправили в Белоруссию, разместили в частных домах человек по десять. Катя помнила Полину из Саблино Тосненского района, Анну Ивановну, женщину средних лет из Лигова. В Белоруссии Катя пасла немецких коров, которых привезли из Германии. Снова работа в хлеву, но уже на своих. Кормили их из походных кухонь.

В Тосно она вернулась в холодную октябрьскую ночь 1945 года. Темень, дождь. Зашла на вокзал, спросила, как пройти на Корпусную улицу (шоссе Барыбина), знала, что там жила её тётя Конюкова Нина Фёдоровна. Дежурная сказала: «Да, вчера какой-то военный спрашивал про эту улицу». Это был отец Нины, мой дядя Ильин Фёдор Николаевич. Катя была одета в солдатскую шинель, сапоги, в руках маленький узелок. Когда она нашла дом и

Екатерина Ильина (Иванова) – слева, с дочерью Татьяной и сестрой Ниной Ильиной (Сенашкиной).

её впустили, то увидела всех своих родных, кроме брата Михаила, который мальчишкой был увезён в Германию. После Победы он пристал к нашим войскам, каким-то образом остался в воинской части и явился домой только через несколько лет.

Нина

Нина
Ильина (Сенашкина)

Разговорить мою двоюродную сестру Нину Фёдоровну Ильину-Сенашкину было непросто. Война нанесла её детской психике такой удар, от которого она не оправилась за всю жизнь. Почти на глазах от бомбы погибла её мать Ильина Татьяна Фёдоровна, отец Ильин Фёдор Николаевич воевал. Остались четверо ребятишек мал-мала меньше одни. Родственники, обременённые своими семьями, сами голодающие, не торопились их забирать. Без своего дома они скитались по Костуе. Одно время жили в бане, которая топилась по-чёрному. При бомбёжке сажа сыпалась со всех сторон, и они, голодные и чумазные, скорее всего, умерли бы все от голода, как умер их самый младший брат Коля. Но Нину взяла к себе сестра матери Конюкова Нина Фёдоровна, у которой была своя дочь Тамара, и хотя тётя спасла Нину от голодной смерти, для Нины положение падчерицы было определено сразу и навсегда.

Зимой 1942 года немцы стали вывозить население из Костуи. Новую семью Нины, как и нас, гнали пешком то на Шапки, то на Любань, возвращая по разным причинам назад. Наконец их повезли куда-то в товарном поезде, набитом до отказа людьми.

Везли долго, останавливались, всех выгоняли из вагонов, некоторых увозили на грузовиках. Люди мёрзли, и Нина однажды впала в какое-то сонное оцепенение, в голове звенело, стало очень тепло – она замерзала. Хорошо, что тётя вовремя заметила, растолкала, заставила подняться, и они пешком побрели с толпой таких же бедолаг. На какой-то станции их снова посадили в

товарняк, и наконец они доехали до Нарвы. Немцы сразу всех поместили в карантинные бараки, где все спали на голых нарах. Нина не может вспомнить, кормили их или нет. Потом их семью переселили в маленькую каморку, где все едва помещались. Мужа тётки, инвалида, направили работать на строительство моста. Тётка ходила вместе с Ниной и дочкой на соседние хутора работать за еду. Тётка везде говорила, что Нина сирота, и люди проявляли отзывчивость. Однажды незнакомый мужчина привёз им капусту и картошки, сказав, что это для девочки – сироты. Одна, на вид неприветливая, эстонка, видимо, готовившая для кого-то пищу, велела ей вечером приходить с бидончиком и наливала туда суп.

В Нарве работали представители Международного Красного Креста. До них дошли слухи о Нине, и они определили её в школу, в которой она отзанималась год. Как вспоминает Нина Фёдоровна, это была самая светлая полоса в её жизни за все годы войны.

Школа размещалась в небольшой комнате здания, стоявшего недалеко от концлагеря, в котором за колючей проволокой находились евреи. Приходилось идти мимо них. Люди, измождённые голодом, тянули руки сквозь проволоку, прося еду, немцы с автоматами и собаками кричали детям, которые приближались к забору: «Цурюк, шнелль!», и те пробегали это страшное место.

В школе, вернее в комнате, превращённой в класс, стоял большой стол, за который усаживались дети разного возраста, в основном русские. Нине было 10 лет, другим – от семи до одиннадцати лет. Учились все по одной программе: арифметика, русская литература (классика) и немецкий язык. Преподавали две женщины-эстонки, хорошо говорившие на русском, эстонском и немецком языках. Урок начинался с молитвы «Преблагий Господь...» Учеников было человек десять – двенадцать, все голодные, оборванные, но старались, как могли,

хорошо учиться. Наизусть заучивали стихи А. Пушкина и А. Блока и, как оказалось, знают их до сих пор.

«Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю...»

При этих словах А. Блока Нина начинала плакать. Она и сейчас, читая наизусть это стихотворение, плачет, вспоминая своё исковерканное детство. Я записала с её слов стихотворение неизвестного автора:

Крест-накрест синие полоски
На окнах съёжившихся хат.
Родные тонкие берёзки
Тревожно смотрят на закат.
И пёс на тёплом пепелище,
До глаз испачканный в золе,
Он целый день кого-то ищет,
Но не находит он нигде.

И юноша в одежде рваной
Висит на высохшей сосне.
И чей-то грубый иностранный,
Нерусский голос в тишине.

Бумагой заклеивали окна, чтобы при бомбёжке не вылетали стекла.

Учились в школе часа по два – три, это была большая радость для детей-сирот. Обязательно учили православные молитвы. Я часто удивлялась: откуда Нина знает столько молитв? А это ранняя детская память сослужила ей такую добрую службу. До сих пор Нина вспоминает с благодарностью этих учительниц, имя одной было Марта.

Уроки заканчивались опять молитвой, но уже благодарственной.

При наступлении наших войск над Нарвой пролетали наши самолёты. Беженцев стали продвигать внутрь Эстонии. Всех забирали на хутора. Семья Нины попала на

хутор к старому холостяку, не очень богатому, по меркам других хуторов. Ровно в пять утра все поднимались, кто шёл пасти коров, кто работал на ферме, убирали навоз, готовили корм для скота. Тётка Нины хорошо косила и целыми днями пропадала в поле. Нина пасла коров ещё с кем-нибудь в паре. С собой им не давали никакой еды, и хорошо, если стоял жаркий день, тогда коров пригоняли в стойла переждать жару и пастушкам удавалось кое-что перекусить. Жила семья в маленьком домике, летом спали на сеновале, зимой – на нарах с соломенными матрасами. Хутор стоял на берегу небольшой очень чистой речушки, из которой пили воду. Рядом – лес, чистый, как парк. Каждый хозяин хутора очень следил за своим участком леса, и потому батраки его очищали от валежника. Собирали сучья в кучи и сжигали. Питались, как правило, два раза в день – утром и вечером, так как работали без обеда, кто в поле, кто в лесу. Запомнилась какая-то тёмная каша, которую называли путрой. Однажды одна из служанок – эстонка, Мария, позвала Нину на кухню и дала ей кусок хлеба со сливочным маслом. Всю жизнь помнит

*Нина Ильина с
подругой Люсей.
Точно. 1950 г.*

Нина этот вкус чистого ржаного хлеба и домашнего масла.

Наши войска стремительно наступали. Многие богатые хуторяне эмигрировали, оставив свои хутора со множеством различных вещей. Их хозяин решил никуда не уезжать. Эстонцы стали хуже относиться к русским. Распускали слухи, что русские дают сигналы нашим самолётам.

Жить становилось жутковато. Однажды Нина увидела под деревом

раненого немецкого солдата, что с ним стало, она не знает. Вероятно, эстонцы оказали ему помощь.

Хутор находился в 70 км от Таллинна, и потому наши войска обошли его стороной, но однажды послышалась русская речь и появилась небольшая группа наших солдат, которые сообщили, что из Эстонии фрицев выгнали. Сразу все стали собираться на родину. Нина не помнит, с какой станции они уезжали домой, но помнит всеобщую радость, много военных и особенно – весёлых девушек-фронтовичек, которые пели песню:

Ты стояла поздно ночью у вокзала,
С глаз твоих скатилась крупная слеза,
Видно, в путь далёкий друга провожали
Чёрные ресницы, карие глаза.

Вернувшихся на родину ждал жутко голодный 1945 год.

***КИТАЕВА
ЗИНАИДА КОНСТАНТИНОВНА,***

*пошла трудиться в 16 лет,
работала с 19 лет до пенсии
на Форносовском торфобрикетном заводе.*

Пропавшее детство

*Семья Бечелис перед войной.
д. Новолисино.
Зина первая слева.*

Зинаида Константиновна Китаева, в девичестве Бечелис, родилась в 1933 году в здешних местах. Семья жила на 40-м километре (есть такая железнодорожная платформа, когда подъезжаешь к станции Новолисино). Отец был железнодорожным рабочим, поэтому им дали жильё в казармах на 40-м километре. Мама растила детей (Зина была старшей, Люся – средней), она ждала третьего ребёнка, когда началась война.

Отец ушёл на фронт, а мама переселилась к своей матери, в деревню Новолисино. Жители боялись прихода немцев и ушли в окрестные леса, рыли окопы. Сначала жили там, домой приходили за продуктами, в основном, за картошкой. Однажды их схватили немцы, продержали весь день, а ночью отпустили. Со страху они бежали куда глаза глядят, еле-еле нашли своих односельчан.

Но житьё в лесу длилось недолго – немцы заставили вернуться в деревню, в свои дома. Пришлось подчиниться. За станцией Новолисино шли ожесточённые бои, по всей округе валялись трупы, в ямах от снарядов находили убитых лошадей. Кто мог, ел эту конину. Немцы забирали продукты, сами ели картошку, а местные ребятишки подбирали очистки, пекли на плите и ели. Корову отобрали на мясо, кур тоже отобрали.

Но жизнь в оккупации длилась недолго. Однажды немцы собрали жителей, отобрали паспорта у взрослых, привезли всех в Семрино, там погрузили в полувагоны и

повезли куда-то. Зина помнила, что проезжали Псков. Наши партизаны пытались отбить составы, но не смогли. С собой ничего взять не удалось, мама сделала дочерям холщовые мешочки по типу рюкзачков и положили туда по смене белья. Народу в вагонах было много, сидели на полу, но немцы строго охраняли, никому не удалось убежать. Ехали семьями, в основном, женщины с детьми. С ними ещё была бабушка, Анастасия Георгиевна, но её по дороге потеряли при пересадках, увиделись снова только после того как возвратились из Германии.

Так доехали до Риги. В Риге их поместили жить в большом доме на улице Московас, на втором этаже. Этот дом и сейчас цел, родственники путешествовали по Риге и видели его. Здесь под охраной немцев прожили они семь месяцев. Взрослых заставляли работать. Мама Зины трудилась в столовой, дети постарше нянчились с малышами. Через семь месяцев их погрузили на пароход и отправили в Германию. Некоторые люди остались в Риге, но документы были у немцев, и мама побоялась остаться без них. Так они оказались в Германии.

Ночью их выгрузили в немецком городе Ашаффенбург. Вокруг бомбёжка, идут железнодорожные составы... Людей посадили за колючую проволоку. Кормили супом с нечищенной картошкой, шпинатом и немного давали хлеба. Так и жили в бараке за колючей проволокой. Однажды в их барак попал снаряд и разорвал «колючку». Все побежали. Было страшно – языка не знали, вокруг стрельба, бомбёжка, всё горит. Немцы их нашли, гнали вперёд, не давали отклониться в сторону. Обувь вся стёрлась, на стопах были кровавые мозоли. Там встретила одна женщина из Тосно, тоже с детьми. Решили потихоньку отставать и совсем оторвались от основной массы. Зина помнит, как какой-то мужчина

сжалился над ними и пустил их к себе отдохнуть в баню, принёс молока, хлеба, он говорил по-русски. Но долго там оставаться было нельзя, он боялся, что немцы его накажут. Побрели дальше, долго прятались на каком-то хуторе в подвале.

Нашли их американцы, погрузили на машины и повезли в город Мюнхен, дали новую одежду, она была вся из магазина, потом отправили в баню, отмыли, накормили и стали сортировать, так как люди были разных национальностей. Маме предлагали ехать в Америку, но она отказалась, и их привезли в пассажирских вагонах в Ленинградскую область, на станцию Новолисино. Была поздняя осень, заморозки. Пошли пешком в деревню. Бабушкин дом не сохранился, жили у Филатовых. Мама работала на тяжёлой работе, заболела куриной слепотой.

На станции в бараке открылась школа, учительницей была Ольга Константиновна Алексеева. Здесь Зина Бечелис проучилась два года. Парт не было, столы – разной величины, писали на бумажках, учились все по одному учебнику. Как-то Ольга Константиновна решила повезти ребят в Ленинград на экскурсию. Мама не хотела отпускать, потому что денег не было и нечего было дать с собой поесть. Но Ольга Константиновна посоветовала заварить конских отрубей, как кашу, и дать с собой. Эти отруби выдавались по спискам, по 200 граммов на ребёнка, и из них пекли лепёшки. А ещё пилили берёзы, варили опилки и ели их. Потом стали выдавать продовольственные карточки, на них получали крупу, хлеб, макароны, сахарный песок, – всего понемногу. Поссовет был в Погах, посёлок Форносово тогда ещё только начал застраиваться.

Очень хотелось учиться, но мама забрала Зину из школы, так как второй раз вышла замуж: пошли дети, пришлось помогать ей растить малышей.

В 16 лет Зина поступила на работу в ОСМУ № 1. Строили деревянные двухэтажные дома по Павловскому шоссе. Потом работала техничкой в детском саду, а в 19 лет пришла на Форносовский торфобрикетный завод. Сначала брат её не хотели, думали, ещё подросток – маленькая, худенькая, пришлось паспорт показывать. Поставили работать в зольник, в три смены. Потом трудилась кулеринщицей, ученицей мотористки, аппаратчицей по сушке торфа. Сейчас в торфопроизводстве и профессий таких уже нет. До выхода на пенсию проработала в цехе кипования. Имеет много почётных грамот, награждена медалью «За доблестный труд. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина». Вся жизнь Зинаиды Китаевой связана с посёлком Форносово. Здесь вышла замуж, вместе с мужем вырастили дочь. Внуку часто рассказывала о своём тяжёлом детстве. Сейчас он уже взрослый.

*Записала Ермоленко Татьяна Симоновна,
заведующая Форносовской поселковой библиотекой.*

КОЛЕСОВ
БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ,
*имеет военное образование,
27 лет служил в армии,
подполковник, возглавляет
(с 2010 г.) Псковскую
районную организацию
бывших малолетних узников
фашистских лагерей.*

Хотелось выжить...

Малолетние узники фашистских лагерей – эти страшные слова касаются многих тысяч детей и подростков, насильно вывезенных с оккупированных территорий в лагеря, созданные нацистами в Германии, Польше и Прибалтике. Нередко разлучённые с родителями, голодные, нищие, привлечённые к непосильному труду, испытавшие жестокое обращение, они мечтали о возвращении на родину и о нормальной жизни.

Я, Колесов Борис Васильевич, 1936 года рождения, один из них.

Наша семья из четырёх человек (родители, я и младший на полтора года брат Евгений) проживала в Старом Петергофе в коммунальной квартире. За мной и братом присматривала няня, девочка двенадцати лет. О её судьбе после оккупации я ничего не знаю.

Отец – Колесов Василий Петрович – работал агентом по заготовке металлолома, часто бывал в командировках, поэтому, к сожалению, в моей памяти ничего об отце не сохранилось. Знаю, что ушёл воевать на фронт и пропал без вести. С такой формулировкой не полагалось никаких

льгот вдове и детям. Позднее я узнал, что отец занесён в Книгу памяти Волосовского района Ленинградской области.

*Мама
Екатерина Степановна*

Мать – Колесова Екатерина Степановна – работала на Кировском заводе.

Из довоенной жизни помню эпизод, как мать возила нас посмотреть фонтаны в Новом Петергофе. Мне особенно понравился детский фонтанчик, где по кругу плавали уточки и их водяной струйкой, как кнутом, погонял пастушок. Будучи взрослым, я посетил фонтаны и нашёл тот фонтанчик: он был такой же, каким

я увидел его в раннем детстве.

Известно, что детская память долго хранит увиденное в экстремальных условиях, поэтому начало войны я помню очень хорошо. Был солнечный день бабьего лета. Мы с братом и няней гуляли около дома. Вдруг послышался гул самолётов. Мы запрокинули головы и увидели очень много самолётов. Они летели высоко и издавали такой надрывный угрожающий звук, что мы испугались и побежали к дому. Однако любопытство победило страх. Мы стали наблюдать за самолётами, которые продолжали лететь, но вокруг них появились вспышки и дымки. Уже потом, став взрослым, я понял, что самолёты летели бомбить Ленинград и их обстреляли наши зенитки. Падающих самолётов не видели. Возможно, снаряды разрывались, не достигнув цели. Разрывов не было слышно. Но всё небо было покрыто самолётами и дымками.

В тот же день вечером мать приехала за нами, чтобы увезти в Ленинград. Но пригородные поезда отменили, и мы уехать не могли. Фронт приближался. Была слышна стрельба. Мы с матерью и братом пошли в укрытие. Таким укрытием стала пекарня с толстыми кирпичными стенами. В ней мы просидели всю ночь. Слышно было, что на улице идёт бой. Доносились периодически звуки разрывов и стуков о стенки пекарни.

Утром открылись двери нашего убежища. Ворвались немцы и выгнали нас из помещения. Они стали заносить в пекарню своих раненых. Вот тогда я в первый раз увидел немцев. Выйдя на улицу, я заметил пулемёт на крыше пекарни. Кругом полыхали пожары.

Наш дом тоже горел, и деться было некуда.

Так я стал свидетелем захвата немцами города Старый Петергоф 23 сентября 1941 г.

Мать приняла решение идти на свою малую родину, в деревню Зарезбинка Псковской области в 250 км от Ленинграда. Мы с матерью, братом и нянечкой пошли по полю, не зная, что оно заминировано. Чудом прошли благополучно. На пути встретили здание, похожее на водонапорную башню. В нём, как в укрытии, находились старик со старухой. В здании была свежая дыра от снаряда. Старики разрешили нам отдохнуть и переночевать.

Утром мы отправились пешком по оккупированной немцами территории в сторону Пскова. Помню, брат всё просился к матери на руки, но она несла какие-то пожитки, взятые с собой, и подбодряла брата: «Как ходят солдатики? Покажи!»

На пути к Пскову нас где-то пускали ночевать, где-то подвозила попутная подвода. Чётко помнится последний отрезок пути.

Уже стояла зима. Нас усадили в сани попутной подводы, накрыли одеялом – конской попоной. Мать встряхнула одеяло. На снег посыпались вши, как мусор. Их было так много, что снег потемнел.

Днём мы въехали в деревню, где жили сестра матери Дуся и моя бабушка Анастасия. Радостная долгожданная встреча произошла у проруби. Лёд был уже толстый. Значит, мы добирались сюда несколько месяцев.

Вся наша семья объединилась, и мы стали жить в оккупированной деревне. Не знаю точно, болела ли моя мать тифом, но она была наголо острижена. Когда заходили немцы, мать произносила: «Тиф! Тиф!» и те сразу убегали. Может быть, это была уловка, чтобы не встречаться с немцами. А может быть, мать заболела после истории со вшами, так как они – переносчики болезней.

Через некоторое время мать всё-таки арестовали якобы за связь с партизанами.

Какое-то время она находилась в комендатуре в посёлке Струги Красные, в 25 км от нашей деревни. Это была тюрьма. Мы с братом стали жить в Стругах Красных. Зная, где находится комендатура (а это было здание амбулатории), мы с братом ходили около комендатуры, под её окнами, надеясь увидеть мать. Сколько времени она была под арестом, не помню. Освободили её в связи с днём рождения Гитлера.

Угон в рабство

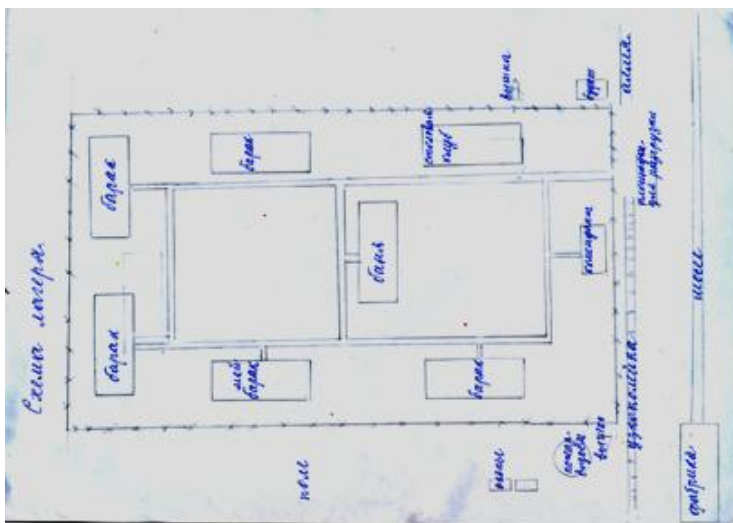
После того как мать освободили из-под ареста, она вместе с нами жила у сестры в посёлке Струги Красные, в её деревянном доме, недалеко от нефтебазы, которая была объектом для налётов авиации и подвергалась бомбёжкам. Во время бомбёжек мы с братом испытывали сильный страх и прятались в подвале дома.

Однажды пришёл полицай с повязкой на рукаве и винтовкой. Он строго приказал матери: «Быстро собирайтесь!» Затем повёл нас на место сбора для отправки в Германию. Дорожку, по которой мы шли в сопровождении полицая, я запомнил на всю жизнь. Я дрожал от страха и крепко держался за руку матери. Дойдя до молокозавода, мы увидели несколько двухосных товарных вагонов, около которых толпился народ. Мама с нами попыталась спрятаться под мостом. Полицай это заметил и выгнал нас оттуда, с ругательствами заставил сесть в вагон. Было лето (я считал тогда, что если снега нет, то время года – лето, если выпал снег – значит зима). Вагон был оборудован нарами из досок. Спали на нарах в одежде. Были ли ещё дети, не помню. Двери вагона плотно не закрывались. В туалет ходили в ведро. В пути наш поезд несколько раз обстреливали, бомбили. Во время бомбёжек поезд останавливался, но мать из вагона не выходила. Она говорила: «Что будет, то и будет». После бомбёжек приговаривала: «Бог миловал!» Сколько времени мы были в пути, не знаю и куда привезли, тоже не знаю. Так я оказался в лагере в Германии.

Нас высадили из вагонов и отправили в баню. Немец хотел отобрать меня у матери, сказав, что я уже большой мальчик и в женском отделении мыться неудобно. Но мать так прижала меня к себе и обхватила руками, что полицай отступил.

Лагерная жизнь

В памяти сохранилась чёткая схема лагеря, которую я привожу здесь.

К сожалению, я не могу сказать точно, где находился этот лагерь, но утверждаю, что он был расположен в Западной Германии, так как нас освобождали американцы.

Лагерь предназначался для проживания заключённых, занятых на работах по добыче и переработке торфа. Недалеко от лагеря находилась торфоперерабатывающая фабрика. Была построена узкоколейка от фабрики к месту заготовки торфа. Заключённых ежедневно возили на работу в вагонах, которые прицепляли к дрезине.

Нас, подростков, ещё не окрепших (восьми – восьми с половиной лет) привлекали к разгрузке вагонов или вагонеток с торфом. Торф был двух видов. Чёрный торф нарезался плитами длиной около 25 см и толщиной около 10 см, массой около полутора килограммов. После сушки он становился твёрдым. Другой торф – бурый, очень лёгкий, пористый, похожий по форме на буханку хлеба. Думаю, что он предназначался для розжига печи. Он даже при ударе о землю пружинил. Во всяком случае, когда этот

торф при разгрузке случайно попадал в подростка, то боли не причинял, в отличие от чёрного торфа.

Одни ребята выбрасывали торф из вагона, а другие, что находились внизу, откидывали его в сторону. В память врезался эпизод, как во время разгрузки торфа я засмотрелся на колонну пленных солдат, проходивших мимо. Я встал на рельсы, чтобы быть повыше и рассмотреть, кого ведут по дороге, надеясь увидеть отца. Неожиданно надзиратель сзади отвесил мне такую оплеуху, что я стукнулся головой о буфер вагона и от боли потерял сознание. Подзатыльники и пинки были обычным делом.

Такой разгрузкой торфа мы занимались ежедневно.

Помнится, однажды мать не возвратилась с работы. Мы с братом забеспокоились и с нетерпением её ждали. Была дождливая погода, наступили уже сумерки, а мать не возвращалась. Мы выбежали из барака посмотреть, не идёт ли она, и увидели, как мама пролезает под колючей проволокой. Она принесла нам бутербродов. Ей удалось остаться в поле после работы и пройти в деревню, чтобы выпросить милостыню у немцев.

Помню ещё случай, когда мы с братом подлезали под колючую проволоку, чтобы полакомиться остатками лимонада (опивками) в бутылках, которые стояли в ящиках около буфета. Один раз за таким занятием нас заметил караульный и выстрелил. Видимо, он хотел нас поугаать. С тех пор мы боялись рисковать.

Находясь в лагере, мы часто наблюдали, как над нами пролетали самолёты. В душе мы радовались, что они летят бомбить Берлин, потому что, пролетая в направлении немецкой столицы, самолёты издавали тяжёлые надрывные звуки. «Значит, с грузом летят», – думали мы.

А когда летели обратно, звуки были другими: значит, бомбы сбросили на Берлин.

Однажды мы удивились непривычному звуку в небе и подумали, что летит подбитый самолёт и для облегчения полёта что-то за лагерем сбросил.

Оказалось, это была бомба. Она взорвалась. Осколки и куски земли полетели через крышу барака и стали падать на землю. Осколок или кусок земли попал в лицо одному из мальчиков и выбил ему глаза. Потом мы ходили смотреть воронку от бомбы. Она была в диаметре около шести метров и глубиной около двух с половиной метров.

Освободили нас американские войска. Этот день запомнился очень хорошо. Пролетел очень низко самолёт и прострочил из пулемёта по зданию, где располагалась фабрика по переработке торфа. Из здания пошёл дым, оно загорелось, но пожар быстро потушили.

У проходной лагеря появился мужчина с винтовкой и приказал всем детям быстро разойтись по баракам. Приехала полевая кухня. Нас накормили ливерной колбасой. Я впервые узнал её вкус. Мне казалось, что вкуснее ливерной колбасы ничего не бывает. Мы же в лагере питались скудно и всегда хотели есть, потому что пища у нас была одна: баланда (похлёбка) из брюквы.

Произошло это в 1945 году, но война тогда ещё не закончилась. Мы продолжали жить в лагере. Изменилось лишь то, что мы почувствовали свободу и из лагеря легко могли выйти. На работу уже не ходили, бегали по немецким деревням, просили у немцев хлеба (gib mir Brot).

Бывали на фабрике, где перерабатывался торф, ездили на дрезине к месту, где его заготавливали и, нарезанный, укладывали клетками в кучи, чтобы он сох под солнцем; лазали по окопам. Сверху окопы были покрыты брёвнами

и засыпаны землёй. Видимо, они были убежищем для работающих на фабрике.

По лагерю бегали босиком, как сорванцы. Находили куски карбида (в соприкосновении с водой он выделяет газ), помещали его в бутылку и бросали в пруд, где бутылки взрывались.

Однажды мы с другими детьми катали покрышку от автомобиля: разгонишь её впереди себя, запрыгнешь на неё, ноги в стороны – и перекатываешься на ней. Один раз я, катаясь, пяткой угодил в подкову с гвоздями. Ржавые гвозди вонзились в пятку вместе с подковой, будто бы я подковался. Брат помогал вытащить подкову и промывал рану своей мочой.

Ещё помню плакат, который висел в столовой на стене. Было изображено, как Сталин сидит верхом на Гитлере и погоняет его кнутом, а Гитлер ползёт на четвереньках.

Мать устроилась к местным немцам помогать по хозяйству. Она выросла в деревне и умела ухаживать за скотом. Хозяйка держала несколько коров, а мужчин в доме не было. Они воевали. Интересно, как немцы сдавали молоко. Его разливали в бидоны и выставляли на улице около калитки. Молочник приезжал на лошади с телегой и сам забирал бидоны.

По вечерам мать пряла на прялке шерсть и вязала носки.

У хозяйки была девочка нашего возраста. Она уже ходила в школу. Мы её понимали, хотя не знали немецкого. Она училась считать по-русски до десяти, писала на грифельной доске мелком. На этой же доске она писала, как на бумаге, стирала и снова писала. Бумаги у неё я не видел.

Возвращение на Родину

Из лагеря нас отправляли, по всей видимости, уже в конце лета. В садах поспевали яблоки. Мы лазали по садам, а немцы этого не любили. Они охраняли свои участки. Мы мастерили стрелялки из серы от спичек и хлопками, похожими на выстрелы, пугали хозяев-немцев, чтобы успеть убежать из сада. Преследовать нас немцы боялись.

Из Германии уезжали организованно. Нас погрузили на машины «студебеккер» без тента, так что, уезжая, мы с интересом наблюдали за тем, что было вокруг. Нас провозили через какие-то города. Машины ехали с большой скоростью, иногда в дороге останавливались. А вдоль дороги росли яблони. Мы рвали яблоки, не выходя из машины. По дороге проезжали через реку (я думаю, Рейн). Мост был сделан временный, наплавной. Настил проходил по лодкам и прогибался, раскачивался. Нас привезли в большой город, видимо, в Берлин. Американцы сопровождали нас и помогали, а в нашей зоне мы были брошены на произвол судьбы и добирались до дома, кто как мог. Помню эпизод на вокзале на территории СССР. Мать переносила вещи в несколько приёмов. Брала брата Евгения и несла вещи на определённое расстояние. Там оставляла брата сторожить и возвращалась за мной, где я ждал её, охраняя фанерный чемодан. Когда мать ушла, ко мне подошёл какой-то наш военный и хотел взять этот чемодан. Я возразил: «Это мой! Я жду маму!». Военный обманул меня, что мама попросила его ей помочь. Появилась мама и устроила военному скандал.

Мы вернулись на станцию Струги Красные в вагоне из-под угля, без крыши. Машинист остановился около заправки водой паровоза, и мы вышли. Так в сентябре 1945 г. я вернулся на Родину, где меня ждали не менее трудные годы, чем в неволе.

На станции Струги Красные увидели удручающую картину: вокзал в руинах, домов нет, кругом одни трубы от сгоревших домов.

Позднее я узнал, что Стругокрасненский район был уничтожен на 75%. Из 1000 домов осталось только 17 построек, в том числе церковь. От нашего дома уцелели фундамент и труба, наполовину разобранный на печку в землянке. Её без нас построила сестра матери Нюра. Эту землянку мы с мамой отыскивали по трём берёзам, которые росли перед домом до войны. В землянке стало жить шесть человек: тётя Нюра с двумя детьми и нас трое. А землянка маленькая: справа – печки с плитой для приготовления обедов, слева – приспособление вместо кровати, перед маленьким окошком – стол. Мебели никакой не было.

Уже начался учебный год, и я пошёл в школу с опозданием. Школа находилась недалеко. Она размещалась в церкви. Колокольня была срезана. В школе три класса. Наш класс оказался на месте иконостаса. В классе 20 человек. За партой сидели по трое. Помню, как получил отметку «2» и радовался первой оценке, не понимая ещё её значения. Уроки делал при дневном свете, так как керосиновую лампу зажигали мало, экономили керосин, а электричества не было. Школа отапливалась печками. Мы грели руки и ноги около них.

Мать попыталась возвратиться в Старый Петергоф, но так как мы были в Германии, в прописке по старому адресу было отказано. Мама стала работать в буфете на железной дороге. Отец не возвратился, пропав без вести. Не вернулись и другие мужчины из нашей семьи.

Мать с сестрой Нюрой взялись строить дом на две семьи, но пока два-три года мы жили в землянке.

Послевоенное время было самое тяжёлое. Некому было работать в колхозе, техники тоже не было. Женщины объединялись и запрягались сами, вместо лошади, чтобы тащить плуг и пахать. Меня бабушка Анастасия сажала на

корову, и корова таскала борону. Я бороновал колхозное поле, пробовал пахать на колёсном тракторе, но не мог ещё достать до педалей.

Мы с ребятами занимались сбором металлолома, особенно ценили цветной и сдавали его. Помню цены: чёрный металл – 8 коп., медь – 1 р. 25 коп.

Не брезговали собирать окурки. Сами не курили, а насыпав в коробочку, угощали других. Питались супом из лебеды и крапивы. Если иногда на бойне удавалось получить кровь от забоя коров или свиней, тогда делали кровавые лепёшки.

Мать торговала у проходящих поездов картошкой, овощами, пирожками. Нам с братом эти продукты и пирожки не всегда доставались. Деньги шли на строительство дома. Мужчин в доме не было, поэтому приходилось нанимать других людей. Уходя на работу, мать давала нам с братом задание: заготовить корове травы. Тогда это было трудно. Мы ходили вдоль железнодорожного полотна и рвали траву руками, выбирая, где она лучше; пололи огород, заготавливали дрова, всё делали вручную. Иногда пасли коров.

*Борис (крайний справа во втором ряду) с братьями и сестрой.
1946 г.*

Рано научившись косить, мы с братом Евгением и двоюродным братом Анатолием заготавливали сено на зиму своей корове. Территории под покос колхоз выделял там, где не могла пройти косилка, по такому принципу: одна копка себе, три таких копны сена колхозу.

Помню сенокосную пору: покос находился за 15 км от дома. На велосипеде поздно возвращались домой. Утром, в 5 часов, снова добирались до покоса. Где-то ехали втроём

на велосипеде под гору, где-то подталкивали в гору, где-то бежали бегом по дорожке. Пока доберёшься до места, пройдёт около двух часов. После отдыха косили с перерывами до тех пор пока всё сено не загрузят машины. Цепляемся сзади за машину, чтоб часть пути проехать и отдохнуть. Поужинали – и на танцы под гармонь на пятачок. Спали на сеновале. Только уснём, бабушка будит: «Сыночки, пора вставать на покос!» И так каждый день.

*3 класс Стругоокрасненской
средней школы.
Борис первый слева в 3-м ряду.*

В начале учебного года мы всем классом отправлялись на уборку колхозного урожая: картофеля, гороха, льна. Нас привлекали к работе в колхозе с шестого класса.

В школе-церкви учили до четвёртого класса.

К этому времени в посёлке построили деревянную двухэтажную школу. В помещении прежней школы сделали спортивный зал, там же проходили школьные танцы.

В школе занимались в две смены. Вечером возвращались уже в темноте, шли по рельсам и шпалам без света. Только около вокзала горела одна лампочка. У всех мальчишек были фонарики.

Наша семья уже построила дом. Освещение было от керосиновой лампы, электричества ещё не было очень долго. Как мы радовались, когда провели радио, появился патефон! В нашем доме собирались сверстники и устраивали танцы под патефон, учились играть в шахматы. Их мы сами выстругивали ножом. Выйдя на улицу, по очереди катались на лыжах, так же по очереди катались на одном коньке. Пару «снегурочек» – коньков делили на двоих, закручивая их на валенки.

По окончании восьмого класса я попытался поступить в мореходное училище в городе Ломоносове Ленинградской области. Сдав экзамены, я был уже

*Борис – лейтенант
Сумского военного
артиллерийского училища
им. Фрунзе с мамой.*

зачислен на паросиловое отделение. Но на мандатной комиссии проговорился, что был в Германии, и под предлогом, что я недолюбливаю море, был отчислен. Вернувшись в Струги Красные, окончил среднюю школу и поступил в Ленинградское зенитно-артиллерийское техническое училище. В 1957 году наш факультет перевели в г. Сумы Украинской ССР.

Окончив училище в 1958 г., получив звание техника-лейтенанта, я был направлен на службу в воинскую часть.

Прослужил 27 лет, окончив заочно Куйбышевский политехнический институт по специальности инженер-электрик. Демобилизовался в звании подполковника.

Работал в Госненском исполкоме заведующим хозяйством.

В то время работали такие замечательные руководители как Мосин П.Г., Соколов Ю.В., Хабаров И.Ф., Фёдоров Н.Ф. Со всеми я был хорошо знаком, и они положительно повлияли на меня.

Вступив в Совет ветеранов, длительное время работал под руководством удивительного человека Соколова Виктора Васильевича. Выполнял его различные поручения: встречался со школьниками для бесед, проводил уроки мужества. Позже я был избран заместителем

председателя Тосненского городского Совета ветеранов Войцеховского Э.Г., принимал участие в мероприятиях района, в работе Совета ветеранов. В 2010 г. меня избрали председателем Тосненской районной организации бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Принимая участие в их жизни, старался помочь им в любом деле.

У меня взрослые дочери Наталья и Ирина, два внука, две внучки и два правнука.

Не всем детям – узникам посчастливилось вернуться домой. И встретили нас без радушия: запрещалось жить в столичных городах, не принимали в высшие учебные заведения, не допускали до престижной работы. В своём беззащитном детстве, брошенные на произвол судьбы, мы выжили. И пока мы живы, будем достоверно рассказывать об ужасах фашистских лагерей и помогать друг другу.

МАКАРОВ
МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ,

окончил музыкальное училище и Ленинградский институт культуры имени Ф.К. Крупской, композитор, работал в Любанском доме культуры и учителем пения в Любанской средней школе. Почётный гражданин Любани.

Музыка как судьба

Пожалуй, ни одно праздничное мероприятие в г. Любань, да и во всём Тосненском районе, не обходится без задушевных песен, написанных на музыку Почётного гражданина города Любань, композитора Макарова Михаила Яковлевича. Тёплые, проникновенные строки ложатся на лирическую музыку, а у благодарного слушателя волнуется сердце от радости или щемящей тоски.

Рождённые детством мотивы

По пыльной деревенской улице, мимо серых изб и плетней, заросших крапивой, спешит на занятия в начальную школу первоклассник Миша. Учительница Мария Фёдоровна встречает своих ребят у крыльца. Строгая, в тёмно-синем платье-халате с белым воротником и крупными пуговицами, она внушает ребятам доверие и уважение. После второго урока начинаются большая перемена и перерыв на обед. Школьники достают из сумок узелки с нехитрым завтраком, в основном, это бутылка молока и кусок хлеба. Заканчивается 1935 год. В субботу после уроков мама разрешает детям погулять подольше. Воскресенье – выходной день. В семье Макаровых пятеро детей. Отец работает проводником, и его часто не бывает дома. За помощников остаются старший брат и сёстры. Миша играет на отцовской гармошке, а младшая сестрёнка, белокурая Варенька, весело топает маленькими ножками, забавляя старших. В воскресенье вся семья собирается в церковь. Мама надевает свой лучший сарафан и достаёт из сундука нарядный платок. Живёт семья небогато, но принарядиться есть во что. Зимними вечерами ходит по деревням портной дядя Гриша. Волшебными руками дяди Гриши старые поношенные вещи

превращались в новенькие наряды. Портной дорого не брал, а к работе относился добросовестно и даже творчески.

Высокий тарантас останавливается возле церковных ворот. Миша бойко спрыгивает на землю и нетерпеливо ждёт, пока мама привязывает лошадь. Мальчику нравилось бывать в церкви. Его всегда восхищала красота и величие храма. И ещё ему очень нравилось пение церковного хора. Зачастую не понимая слов и смысла песнопений, Миша вдруг ощущал свою причастность к чему-то сокровенному и неземному.

А на школьных мероприятиях и деревенских праздниках Михаил уже первый гармонист. Однажды семью Макаровых постигла неожиданная беда. Всеобщая любимица и хохотушка Варенька заболела scarlatinой и умерла. Миша тяжело переживал потерю младшей сестрёнки. Желая хоть немного отвлечь брата от грустных мыслей, старшая сестра Лидия позаботилась, чтобы к окончанию начальной школы у Миши появился матросский костюм, давняя мечта мальчика.

Учился Миша хорошо. В старших классах Любанской средней школы гармонь стала его постоянной и верной подругой. Молодёжь приглашала Михаила на «посиделки» (вечера отдыха), где он мог сыграть любую мелодию на заказ. Самыми популярными мотивами были тогда «Кадриль», «Ланце», «Коробочка». Играл Михаил, сидя на столе, для удобства ему под ноги ставили стул. Сверстники завидовали гармонисту, их на «посиделки» по возрасту не пускали. Для своих закадычных друзей у Михаила всегда был «входной билет». Миша отказывался идти на вечеринку без своих приятелей, попросту ставил ультиматум «взрослым дядям».

Если по радио передавали концерт классической музыки или игру на баяне, Михаил откладывал все дела и внимательно слушал музыку. Его недетская пытливость и заинтересованность в выразительных возможностях музыки всегда поражали старшего брата Николая. Как-то вечером, когда Михаил сидел за уроками, Николай вернулся с работы. В руках он держал большой деревянный футляр. С улыбкой на лице Николай вручил младшему брату подарок. То был настоящий новый баян. Как и сейчас, в те времена этот инструмент стоил немалых денег. Но Николай любил брата и приветствовал его увлечение музыкой.

Им было всего лишь...

Жизнь в Любани, как и во всей стране, потихоньку налаживалась. Улучшалось благосостояние граждан. Как вспоминает Михаил Яковлевич, «люди стали отзывчивее и веселее».

После объявления войны Любань стала непривычно суетливой. Взрослые приходили домой за полночь. Дети были предоставлены сами себе. Вечером Михаил бегал на реку с друзьями. Накупавшись вволю, мальчишки садились отдохнуть на мягкую ароматную траву. Мише нравилось смотреть на воду. Вечерами вода в реке становилась гладкой. Течение как будто замедляло свой ход по мере приближения заката.

В один из таких вечеров тишину нарушил жуткий вой, птицы взлетели с ветвей деревьев. И в ту же секунду грохот разорвавшегося снаряда поделил на две части судьбы человеческие – ДО и ПОСЛЕ войны.

Немцы с воздуха бомбили Любанский кирпичный завод. Когда Любань и окрестные деревни заняли

фашисты, в доме Макаровых поселились немецкие солдаты. Семье пришлось ютиться в хлеву.

Всё местное население, в том числе и подростков, гоняли на принудительные работы. Мальчишки таскали на плечах брёвна для строительства дорог. Патруль строго следил за рабочими. Им не разрешалось отлучаться и отдыхать. Однако усталость брала верх. Миша доходил до дома и падал спать на солому. Болели мышцы и суставы. В Большом Переходном, недалеко от немецкого аэродрома, стояли полевые кухни. Жалостливый повар взмахом руки подзывал ребят поближе: «Ком, ком!».

Остатки пищи, которые были на дне больших баков, повар заливал водой, а затем отдавал мальчишкам так называемую «похлёбку». Михаил Яковлевич вспоминает, что не все немцы были плохими. Некоторые из них откровенно ругали Гитлера и Сталина – это были люди в возрасте, имеющие семьи. И всё же большинство немцев было настоящими фашистами.

Свою самую драгоценную вещь – баян – Михаил припрятал в надёжном месте ещё до прихода фрицев. Но ушлый староста рассказал немцам, что у деревенского паренька есть неплохой музыкальный инструмент. Новые стражи порядка били юношу палками, пытаясь добиться от него ответа на вопрос: «Где спрятан баян?». Даже под палками Михаил не сказал им правды.

От недоедания и тяжёлой работы кружилась голова, мысли путались, а порой и сознание покидало измученное тело. Мальчишки носили на руках кирпичи, чуть сбавляли шаг или задержались на пару минут – и палка проходила по всему строю худеньких спин.

Потихоньку от немцев отец ставил на Тигоде мерёжи. Однажды, как только стемнело, Миша спустился к реке проверить ловушку. Мимо речки на дровнях проезжали

подвыпившие солдаты. Один из них соскочил с телеги, схватил топор и, ругаясь, бросился на Михаила. Тут юноше пригодилась хорошая физическая подготовка, которой в мирное время уделяли большое внимание. Со всех ног бросился парень в сторону деревни. А пьяный немец грубо сплюнул на землю, бросил топор и поспешил к своим.

Пришла пора убирать урожай. Но овёс, посеянный на окраине деревни, убирать было некому. Фашисты же не разрешали трогать ни одного колоска. Смелчаки-мальчишки, лихие головы, зашли-таки на поле овёс пощипать. И в этот раз оказался Мишка на краю гибели. Немецкие солдаты открыли автоматный огонь. Парни что есть духу бросились в лес. То ли немцы мимо стреляли, то ли родное небо защитило наших мальчиков, кто знает, только все шестеро остались целы и невредимы.

Когда Красная Армия прижала фашистам «хвост», они спешно стали отправлять всё население в Прибалтику. Макаровы попали в литовскую деревню Таюни (Тани?). С хозяевами семье повезло. После нелёгкого деревенского труда всех кормили настоящим горячим ужином, а хлеба можно было есть сколько угодно. Частенько, управляясь в поле, Миша вспоминал родную деревню, брата Николая, которого немцы угнали в Германию. После работы доставал свой лакированный баян, с которым никогда теперь не расставался, и по литовским лугам и полям разливались неторопливые русские мотивы.

Фронт приближался, и всех русских в товарных вагонах повезли в Германию. Макаровых отдали хозяину хутора, расположенного в четырёх километрах от города Айнбек. В дороге заболела сестра Лидия, Михаилу с мамой приходилось управляться и в поле, и на свинарнике. Вместе с ними в поле работали трое военнопленных

французов. Андрэ был мелким помещиком, Альберт – учителем, родом из Марокко и Клименс, простой рабочий. Миша подружился с французами, и те сообщали ему, как продвигается фронт. Молодые люди общались на немецком языке. За годы, проведённые на чужбине, все освоили язык неприятеля.

Хельмут Шлютгер, так звали хозяина хутора, оказался настоящим «вражиной». Заставлял работать с утра до ночи, а кормил плохо. Всегда ругался и норовил ударить.

Наконец наступил долгожданный День Победы. Хельмут перестал вдруг замечать своих рабочих. Все невольники воспользовались случаем, ушли в лагерь беженцев, который располагался на берегу Эльбы в большом двухэтажном здании с колоннами. Как-то ночью местные жители-немцы предупредили дежурного, что на лагерь планируется налёт недобитых фашистских частей. Лагерь успели вовремя эвакуировать, и все остались живы.

Вернувшись на Родину в Большое Переходное, Миша увидел, что от дома остался только фундамент. Семье пришлось устроиться в Любани.

Отмеченный судьбой

Пока родные обживались на новом месте, Михаил, призванный на действительную военную службу, в городе Борисов изучал боевое ремесло. Но как только руководство части узнало о его музыкальных способностях, рядовой Макаров был направлен в военный оркестр для дальнейшего прохождения службы.

После армии Михаил окончил вечернюю школу и одновременно выучился на токаря. Работа не пришлась ему по вкусу, и молодой человек попробовал себя в качестве электромонтёра на Ижорском заводе. И эта профессия не доставляла парню удовольствия. Зато, на

каком бы заводе он ни работал, всегда участвовал в самодеятельности. И отпускать с рабочего места парня не хотели как за профессиональные качества, так и за его умение музыкой поддержать рабочий коллектив. Макаров, что называется, мог поднять «боевой» дух товарищей хоть на трудовой подвиг, хоть на участие в самодеятельности. Михаил всерьёз задумался о профессии музыканта.

В 1962 году он окончил Ленинградское музыкальное училище им. Н. А. Римского-Корсакова по классу баяна и вокала. Долго искать работу музыканту не пришлось. В то время в Любани было много сильных музыкальных самодеятельных коллективов, параллельно Михаил Яковлевич преподавал уроки музыки в Любанской средней школе. Творческая энергия была ключом, результаты работы радовали молодого специалиста. Несмотря на занятость и большие нагрузки Михаил Яковлевич заочно окончил Ленинградский институт культуры имени Н.К. Крупской.

Директор Любанской школы Исаков Николай Иванович по-дружески относился к учителю музыки и очень уважал его. В Любанской школе был один из лучших в Госненском районе хор пионеров. При школе существовал даже взрослый хор, в котором пели родители учащихся и преподаватели. На областных и районных смотрах-конкурсах Любанская школа не раз завоёвывала призовые места. И в этом была заслуга Михаила Яковлевича. В детском хоре пели и отличники, и троечники. Порой от того, как исполнит свою партию троечник, зависел успех всего коллектива. Это была неотъемлемая и очень эффективная часть воспитательного процесса. Маленький человек понимал, что ему доверили нечто важное, что может сделать только он, а, значит, и тройки – дело поправимое. Главное – дать ребёнку

почувствовать свою значимость и ответственность не только за себя.

С теплотой вспоминая Николая Ивановича, Михаил Яковлевич рассказал мне, как на педагогических советах директор любил повторять фразу: «Товарищи, не делите учеников на чёрных и белых!».

Писать музыку к песням Михаил Яковлевич начал уже в зрелом возрасте. Только о любанском крае у него написано 14 песен и несколько – о Тосно. Кстати, одна из них, о райцентре на стихи Николая Рачкова, в своё время стала победительницей конкурса на лучшую песню о Тосно и до сих пор исполняется на праздничных мероприятиях. Песня «Любанский вальс» на стихи Виктора Гайдовского и многие другие стали своеобразной визитной карточкой города Любань. Стихи Гайдовского как будто ждали Михаила Яковлевича для того, чтобы тот положил их на музыку, и эти слова и мелодии узнали и слышали ещё тысячи и тысячи людей.

Песня – душа народа

Жизнь и судьба Макарова Михаила Яковлевича не укладывается в печатные строки, она чувствуется в мелодиях его замечательных песен.

Местные власти хорошо знают и уважают своего композитора и музыканта. В 2004-м году силами администрации и Любанского Дома культуры был организован творческий авторский вечер, посвящённый юбилею Михаила Яковлевича.

В Доме культуры и в администрации Любанского поселения Михаил Яковлевич всегда желанный гость.

Возраст не позволяет композитору много работать. Ему уже за восемьдесят, но он по-прежнему пишет музыку и не расстаётся с аккордеоном.

Мне посчастливилось одной из первых услышать мелодию его новой песни, слова которой я прочитала на пригласительном билете ко Дню работников сельского хозяйства. Вот несколько слов будущей песни: «Без хозяина земля пуста, без села пусты столы в столице».

За свою большую жизнь Михаил Яковлевич видел немало взлётов и падений своего государства, своей малой Родины. На его глазах крепкий некогда народ остался опустошённым и нищим. Как человек творческий он тяжело переживает, что людям не хватает сейчас простоты человеческих отношений, которые ещё не полностью утрачены в малых городах и деревнях.

Михаил Яковлевич живёт в своём деревянном доме. По хозяйству ему помогает дальняя родственница. Частыми и желанными гостями бывают внуки и сын Анатолий, который стал уважаемым человеком и живёт почти по соседству. Анатолий Михайлович – глава администрации Рябовского сельского поселения. И сын, и внуки окончили музыкальную школу, играют на различных инструментах. Анатолий Михайлович с удовольствием играет на гитаре и исполняет песни своего отца.

На серванте стоит портрет любимой и ушедшей в другой мир жены. На столе разложены ноты и стихи, тут же пузырьки с лекарствами и несколько газет.

«Каждому человеку даётся возможность найти свою судьбу, – говорит Михаил Яковлевич. – Я её нашёл, и этим счастлив».

*Записала Никифорова Ирина Викторовна,
корреспондент газеты «Тосненские ведомости».*

МАКСИМОВА
ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА,
*после скитаний военных лет
приехала в Форносово
на строительство
торфобрикетного завода, где
работала до выхода на пенсию.*

Очень хотелось домой

Вале Максимовой было девять лет, когда началась война. Отец – Пётр Петрович Иванов – работал в ветлечебнице, он погиб в финскую войну. Мама – Екатерина Петровна Иванова – с Валею и младшей дочерью Тamarой жили в Оредеже, куда они приехали со Псковщины. Вскоре маму отправили под Лугу рыть окопы. Некоторые жители ушли в партизаны, а детей сначала хотели эвакуировать на Урал, но не успели, так как немцы быстро приближались. Детей собрали в одном доме, где за ними приглядывала старая женщина, которую они все называли бабушкой.

До войны Валя окончила первый класс Оредежской школы. Помнит свою первую учительницу Ольгу Ивановну, которую постигла трагическая участь – она была партизанкой, немцы поймали её и повесили...

Когда немцы стали приближаться, прекратили рыть окопы, маму отпустили домой. Есть было нечего, и они решили ехать на Псковщину к родственникам. Сестрёнка умерла, а Валею мама везла на саночках. В пути им встречались партизаны, запомнились их слова: «Все равно победа будет за нами!». На Псковщине поселились в

деревне Махново в доме дяди, жили вместе с его семьёй. Сажали картошку, овощи. Но гестаповцы выгнали всех из домов и пешком погнали в Латвию, которая была в 30 км. По дороге Валя и её родные попытались бежать к партизанам, но немцы стали стрелять в воздух, бегство не удалось. В Латвии уже был подготовлен состав из товарных вагонов, в которых раньше перевозили скот. Людей погрузили в них и повезли на запад. Так довели до Бреста. Там пересадили в другой состав и повезли по территории Польши.

Станция Торгау.

Ехали в вагонах на полу, прижавшись друг к другу, не зная, что с ними будет дальше. Привезли в Германию, в небольшой городок Торгау, расположенный на берегу реки Эльба.

Там их встречали немцы, которым нужны были работники в хозяйстве. Но женщин с детьми они не хотели брать, и их отправили в трудовой лагерь за колючей проволокой. Здесь были люди разных национальностей, много военнопленных французов. С семьёй Вали в комнате жила полька с ребёнком. Взрослых гоняли на работу на завод, а дети сидели за колючей проволокой. Те, кто постарше, присматривали за младшими.

Ходили в деревянных колодках и полосатых халатах с номерами. Всё время хотелось есть. Рядом был лагерь военнопленных, у которых детишки просили хлеба, им давали по кусочку. Простые немцы угощали, бывало, картошинкой, только чтобы гестаповцы не видели, а то накажут. Иногда давали денежку, на которую дети покупали в магазине какую-нибудь мелочь, например,

красивую пуговицу. Одно утешало в это суровое время – то, что не разлучили с мамой. В Торгау был большой завод, где работали и заключённые. Там в подвале была баня, в которую всех водили строем, через весь городок. Выдавали кусочек мыла для мытья, а бельё оставляли на прожарку, немцы очень боялись вшей. Потом это бельё опять надевали, оно было тёпленькое.

Освободили заключённых русские и американские войска. На территории лагеря устроили митинг в честь победы. Дали всем очень хороший продовольственный паёк, провели медицинский осмотр, помыли как следует. Помнится, что ходили к русским солдатам есть суп. На родину вернулись в пассажирских вагонах. Когда ехали через Польшу, поляки предлагали остаться у них, говорили, что в России голод, разруха, а здесь будет жильё и работа. Но очень хотелось домой. На Псковщину вернулись в августе 1945 года. Под Ленинградом жили родственники, они прислали вызов, чтобы можно было к ним приехать. А потом, тоже от родственницы Нины Михайловны Владимировой, узнали, что в Форносове начали строить торфобрикетный завод, и приехали сюда.

В Форносове сначала жили в бараке, мама пошла работать на завод. Валя окончила шесть классов, училась вместе с Тamarой Скрыбиной (Трофимовой), подружилась с ней и дружит до сих пор.

На заводе работала сначала мотористкой, потом аппаратчицей по сушке торфа. Очень нравилось шить – ездила в город на курсы кройки и шитья, а потом перешла на работу швеёй-мотористкой в Павловск. Проработала много лет, имела награды, поощрения. Потом на Форносовском заводе открылся цех по пошиву рукавиц, и Валентина стала работать там, оттуда и ушла на пенсию.

С мужем – Максимовым Анатолием Емельяновичем – вырастили сына Юрия. Муж несколько лет назад умер, но сын и две внучки не забывают. Уже есть и правнуки. Жизнь наладилась, есть благоустроенное жильё. Только иногда накатывают эти тревожные воспоминания, и хочется, чтобы никогда больше никому не пришлось переживать такую беду.

*Записала Ермоленко Татьяна Симоновна,
заведующая Форносовской поселковой библиотекой.*

**МИНА
ЗОЯ СЕМЁНОВНА,**

*портниха, работала в артели «Саблинский швейник»,
в ателье на станции Поповка, ветеран труда.*

Мы были детьми суровой войны

Мне очень запомнилось 28 августа 1941 года.

Мы жили на станции Поповка (пос. Красный Бор) на Красной дороге у Марковского пруда. Мы – это мама Екатерина Павловна Кирпу и четверо ребятшек. Старшей сестре было 9 лет, мне – 7 лет, брату – 4 года, и перед приходом немцев родился второй брат: вечером родился, а утром пришли немцы в касках. Появились на машинах. Пушки сразу же были поставлены на Колпино. Привезли свою кухню.

Наш дом стоял прямо возле немцев. Мама лежала после родов, не вставала. Мы, все родственники, жили в одной избе и прятались в вырытой большой канаве. Бабушка, свекровь маминой сестры, затопила печь, и мы все были в кухне. В Колпино были наши, и оттуда произвели выстрел прямо по нашей избе: думали, что раз

дым из трубы пошёл, значит, там немецкая кухня. Снаряд пролетел – срезал бабушке голову и разорвался в избе. Всё это было на наших глазах. Я ещё очень долго не могла есть: мне виделась изувеченная бабушка и помнился запах крови и пороха.

После этого выстрела немцы пришли к нам проверить, не партизанить ли нас оставили. Привели врача убедиться, что у мамы новорождённый ребёнок. Нас оставили пока в окопе, но неоднократно проверяли. А один раз фашист взял четырёхлетнего братика за подтяжки, поднял и полез с ним на чердак. Ножки у братика болтаются, а немец прикрывается так ребёнком, чтобы его снайпер не пристрелил.

Зимой нас перегнали в Саблино. Мы жили возле вокзала. Рядом была вырыта яма, и там расстреливали евреев.

Однажды мы с мамой решили сходить к родственникам. Они жили по Советскому проспекту за «пожаркой». Мы увидели, как возле нынешней аптеки (там тогда росли большие деревья) подъехала немецкая машина с открытым задним бортом. На ней стояли русские молодые парни – комсомольцы – с проволоками на шее. Один держал проволоку руками и кричал: «Всё равно победа будет за нами!». И другие что-то кричали. Потом машина отъехала, а люди остались висеть на деревьях. Мы с мамой очень испугались, бежали со всех ног. Назад возвращались уже в темноте. Трупы качались на деревьях, мама зацепилась за ноги одного и так испугалась, что почти неделю не могла перестать заикаться.

В Саблино мы пробыли недолго, с саночками добрались до деревни Новолисино. Шли пешком, голодные, замёрзшие, хватаясь за мамин подол.

В Новолисине увидели немецкую кухню. Мы – маленькие, есть хотим. Нас прогоняют немецкие солдаты,

а повар показал нам рукой, чтобы мы ушли и пришли позже. Потом махнул рукой, чтобы мы подошли, и соскрёб остатки с кастрюль, дал нам поесть. Показывал фотографию. Там был он, красивая женщина с локонами и ребёнок. Мы его жестом спросили, зачем же он в нас стреляет, а он нам показал, что не он виноват, а тот, у кого усики и висящая набок чёлка, то есть Гитлер.

Из Новолисино нас гнали в Эстонию пешей колонной. Много было трупов по дороге. Очень кричали дети – просили есть. Наш маленький братик был просто синим – так похудел. В дороге нам есть не давали, а жители не всегда пускали в дом, ссылались на карантин.

Пригнали в лагерь «Клога», поселили в длинный-длинный сарай. И нары в два яруса. Наверху дети – там теплее, внизу – родители. Кормили мороженой брюквой. Какое-то время мы жили на острове Паккисаар в Эстонии. Там был ещё барак для детей из детского дома. Оттуда на пароходе нас, следом за детдомовцами, вывезли в Финляндию. Здесь у хозяина девочки работали в поле: пололи, собирали колосья, а мальчики пилили колобашки из дерева.

Зимой 1944-45 гг. нас отправили в город Красный Холм Калининской области, а оттуда разбирали по колхозам, но в нашей семье работников для колхоза не было.

В городе мама устроилась в больницу, мы стали жить в наёмной комнатке. Белья не было, согрелись дыханием. Врач жалела нас, купила лекарства и лечила маму и нас.

В Саблино мы возвращались с женщиной, которая купила здесь корову и везла её в вагоне, потом вернулись в Поповку. В яме сделали шалаш из того, что нашли в полях. Собирали грибы и варили их для еды. Я ходила в первый класс в Саблино пешком. Мама все работы делала сама, даже научилась класть печи. Она умерла в 74 года.

Я вышла замуж и переехала из Поповки в Саблино. Двадцать лет ждала, чтобы мне дали комнату.

Работала портнихой в артели «Саблинский швейник» девятнадцать лет, а позже – в ателье в Поповке. Имею медали за труд.

МЫЛЬЦЕВА
Зоя Михайловна,
21 год отработала в
Тосненском универмаге.
Ветеран труда.

О том, что было пережито...

Семья у нас была большая – папа с мамой и четверо детей. Старшей сестре Людмиле к началу войны исполнилось 14 лет, мне – 8, младшей сестре Алевтине – 2 года, а брату Евгению всего 8 месяцев. Все мы родились в Тосно.

Отец наш, Смолин Михаил Михайлович, работал в Ленинграде начальником электроподстанции на Сортировочной; мама, Смолина Вера Яковлевна, домохозяйка, растила детей.

Бабушка. Дарья
Семёновна Смолина

Тётя.

*Елена Михайловна
Смолина – преподавала
физику и математику
в Тосненской школе*

22 июня я с тётёй и двоюродной сестрой возвращалась из Ленинграда в Тосно, и на Московском вокзале мы узнали, что началась война.

Помню, как горели дома на Балашовке, где мы жили, а вскоре пришли немцы. Первыми шли эсэсовцы, одетые в чёрную форму, за ними ехали мотоциклисты. Людей выгоняли из укрытий – погребов, сараев – и занимали их дома.

Наш дом сгорел в самом начале войны при отступлении наших войск, и мы жили у папиного брата. В его небольшом доме мы ютились в коридоре и маленькой кухоньке, а комнаты заняли немецкие и испанские солдаты.

Отца заставили работать на лесопильном заводе, никаких денег или продуктов он за это не получал.

Старшую сестру взяли на работу в пекарню, а мама стирала: немецкое бельё – мылом, а своё – золой. Трудилась бесплатно.

К работам привлекались не только взрослые, но и подростки с десяти лет. Они работали на строительстве дорог, стирали бельё, заготавливали дрова.

Я и младшая сестра ходили на полевую кухню к немцам: некоторые солдаты остатки своих порций из жалости выливали детям в котелки, мы приносили эту мешанину домой, а у мамы уже стояла на плите кастрюля с водой, она ждала, что мы ей принесём. Ещё мы ходили к немецкой бойне, стоявшей на берегу реки. Рядом вырыли яму, в которую сбрасывали отходы, а мы вилами доставали их, мыли в речке и несли домой.

В сентябре 1942 г. начались уроки в школе на улице Октябрьской. Учились дети разного возраста в одной комнате, писали на обрывках бумаги и на обоях. Учебников не было. Помню, учительницу звали Румянцева Екатерина Ивановна. Эта школа просуществовала недолго, месяца полтора, так как находилась рядом с железной дорогой, которую часто бомбили, после одной из бомбёжек от школы остались развалины.

В октябре 1943 г. по домам прошли старосты, оповестившие о том, что жителей вывезут из Тосно, отказаться было нельзя, пришлось спешно собираться. На подводах нас довели до станции, где посадили в грузовой вагон с нарами. Перед отправкой каждой семье дали хлеб. Ехали долго, на остановках варили еду, в основном, картошку. Выходить разрешалось только взрослым под надзором охранников.

Сначала остановились в Эстонии, часть людей там выгрузили, оставшихся привезли в Латвию, на станцию Приекуле, в комендатуре у всех сняли отпечатки пальцев. Утром приехали хозяева с ближних хуторов, стали выбирать работников. Выбирали, конечно, наиболее работоспособных, а поскольку у нас было четверо детей и отец-инвалид, то нас не взяли, оставили на станции. Позже нашу семью разъединили: меня отправили на один хутор, где я пасла 13 овец и 3 коров, а было мне тогда всего 10 лет; старшую сестру отправили на другой хутор, а мама с папой и маленькие брат с сестрой жили отдельно от нас. Работали они и в поле и по хозяйству.

Рабочий день длился с пяти утра и до позднего вечера, для отдыха отводилось немного времени, но все же нас поддерживало то, что хозяева хорошо относились к своим работникам и кормили нас за одним столом вместе с собой.

В 1944 г., когда подходили наши войска, всех перевезли в город-порт Лиепая, чтобы отправить в Германию. Мы жили в лагере за колючей проволокой, под охраной солдат с собаками. Там тоже много работали, мы, дети, убирали берег моря от мусора. Голодали. Старшая сестра работала санитаркой в госпитале, откуда приносила картофельные очистки, мы и этому были рады.

Освобождения дождалась в Лиепеае, а в июне 1945 года мы вернулись в Тосно, где было все разбито, а вокзал разрушен. Нас на два года приютил папин брат. Позже переехали в отремонтированный дом бабушки вместе с другими родственниками отца, где нас проживало 15 человек. Для освещения использовали керосиновые лампы, свечи, дрова возили на саночках.

После войны мы, переростки, пошли в школу, классы тогда были переполнены. Из учителей помню очень хорошую и добрую Александру Сидоровну Пучкову.

Нас, насильно вывезенных в Прибалтику и Германию, презрительно называли предателями, что, конечно, было обидно. В Тосно я окончила шесть классов средней школы и в 17 лет пошла на работу.

После учёбы в школе рабочей молодёжи окончила техникум советской торговли, работала товароведом в Ленинграде на оптовой базе Росгалантереи. Когда у меня родился сын, я перешла на работу в Тосненский универмаг, где и проработала до выхода на пенсию в 1988 г. в должности заместителя директора.

Я ветеран труда, награждена юбилейными медалями за победу над Германией.

Сейчас живу в Тосно в собственном доме с сыном Андреем Михайловичем, которому часто рассказывала о том, что было пережито.

ПАРГЛЕ
СЕРАФИМА МИХАЙЛОВНА,
работала в конторе
обслуживания пассажиров
на станции Тосно, в
Радиоцентре-1 в посёлке
Красный Бор.

Не сломленные войной

*Отец Михаил
Леонтьевич Лабутин
1885-1942*

Наша семья Лабутиных жила в Тосно. Отец – Лабутин Михаил Леонтьевич – работал на железной дороге, мама – Лабутина Мария Семёновна – занималась домашним хозяйством.

20-го июня 1941 г. мне исполнилось девять лет. День был хороший, солнечный, мне дарили подарки, и мы гуляли, играли.

22-го июня утро тоже было солнечное, ласковое, а днём пришла весть – началась война. Загремели бомбёжки. 8-го августа отец принёс талон на эвакуацию. 19-го августа первый эшелон из Тосно с эвакуированными ушёл вглубь страны, мы должны были

*Мать Мария
Семёновна Лабутина
1892-1982*

уехать следующим, но он уже не пошёл.

27-го августа оккупанты захватили Тосно. Нам и нашим соседям пришлось уйти в лес (за старый лесозавод), там мы вырыли землянку. Сколько времени мы там были, я не помню. Немцы стали разбрасывать листовки, чтобы все вышли из леса, иначе будут уничтожены как партизаны. Мы вернулись в Тосно, рядом с домом вырыли землянку. Наш дом находился около железной дороги, у железнодорожного моста через реку Тосну (ул. Володарского, д. 3).

В наш и соседние дома во время бомбёжки были прямые попадания снарядов и бомб. Мы с мамой, находясь в землянке, ночью при обстреле были засыпаны, утром соседи нас откопали.

После этого у меня появился страх, который преследует меня и сейчас, на девятом десятке.

Есть было нечего, мне приходилось с котелком ходить на немецкие кухни, прося подаяния.

В нашем доме проживали вражеские солдаты, среди них были австрийцы, которые иногда приносили мне с мамой еду.

В 1943 году, осенью, в теплушках маму, меня и двух сестёр, Надю и Шуру, насильно увезли в Латвию, в г. Приекули, недалеко от Либавы, в Грамзденскую волость. Когда привезли, высадили на обочину дороги, мы были раздетые, голодные. Потом местные хозяева ходили и выбирали себе работников, как товар. Нас усадили в телеги и долго везли под дождём. Мы оказались совершенно незащищёнными, в абсолютно чужой стране, не зная, что нас ожидает дальше. А впереди был год тяжёлой, рабской работы на богатых латышей. Мама и сёстры работали у хозяина, я пасла коров. Потом нас всех отправили в Литву,

в трудовой лагерь, где сёстры копали окопы (место, где этот лагерь находился, я не помню).

Однажды к нашей семье подошла группа молодых парней. Меня попросили пройтись с ними за пределы хутора. Оказалось, что это были наши разведчики. Уже после освобождения к нам приезжала штабная машина, мне вручили медаль и подарили свитер. Мы играли с этой медалью, и в конце концов она потерялась.

В конце 1944 года мы вернулись в Тосно, но возвращение было нерадостным. Нас не пустили жить в наш собственный дом, потому что считали нас врагами, оказавшимися на оккупированной территории. Люди, жившие в нём, войны не видели, но осуждали нас. Сёстры не могли устроиться на работу, на всех лежало клеймо врагов.

Я пошла во второй класс, окончила семь классов, учиться было тяжело, но только так можно было устроиться в жизни. Потом работала на железной дороге в конторе обслуживания пассажиров, училась на курсах, работала кладовщицей, мастером производства.

Я ещё через много лет после войны, услышав шум, кричала: «Ложись!». Этот страх войны очень долго не отпускал меня. И сейчас, когда мне исполнилось восемьдесят, у меня хорошая память, и она не даёт мне забыть ужасы войны, пережитые в детстве.

*Записали Балбасова Е. и Орлова Э.,
учащиеся 6 класса Красноборской средней школы.*

ПЛАНИНА
ЛЮДМИЛА ВАЛЕРИАНОВНА,
*специалист по обработке
древесины, работница
Тосненского мебельного цеха,
активистка городского Совета
ветеранов войны и труда.*

У каждого своя война

В мире много людей, хранящих безграничный кладезь мудрости и знаний. Жаль, что лишь немногим молодым удаётся пообщаться с ними и узнать от этих людей что-то, что непременно бы подействовало, как самая впечатляющая книга или фильм. Но мне посчастливилось встретить такого человека.

Людмила Валериановна Планина – бывшая малолетняя узница. Она – удивительный человек, который, несмотря на возраст, излучает оптимизм и доброжелательность, всю жизнь занимается общественной работой, около 18 лет является секретарём в Совете ветеранов (это в свои – то 83 года!).

Она поведала мне историю о том, как жилось людям, которых насильно вывезли в Прибалтику и Германию.

«Когда началась война, мне было 12 лет...»

Людмила Валериановна Планина родилась в 1929 году в Тосно. Её отец, Валериан Иванович Карасёв, был служащим, а мать, Ольга Васильевна Иванова, слыла хорошей портнихой, она обшивала в Петрограде богатых

заказчиц. Их семья состояла из пяти человек: родители и трое детей.

В августе 1941 года жители Тосно увидели огромное количество немцев: они шли по дороге, по огородам и вдоль речки. Низко летели самолёты с чёрными крестами. Жители уже знали о наступлении немецких войск, поэтому многие, в том числе дети и подростки, копали что-то похожее на окопы, сверху закрывали досками и засыпали землёй. Во время появления немцев в Тосно и при бомбёжках люди прятались в этих убежищах.

С приходом вражеских войск жизнь резко изменилась. Местных жителей, в том числе детей, привлекали к тяжёлым работам. Людмила, как и многие другие дети, работала на строительстве дороги. Взрослые рубили лес, пилили брёвна, и эти срезки они вместе с детьми вбивали в землю. Труд был очень тяжёлым.

«Давали за это маленькую буханку хлеба с добавлением опилок. С пропитанием было туго, и мы, дети, бегали на скотобойню. Немцы кидали нам требуху животных, но тогда и эти отходы были нужны, и мы несли их домой», – говорит Людмила Валериановна.

Она рассказывает, что в это голодное время их поддерживали овощи со своего огорода. У неё всплывает воспоминание, что у отца пухли ноги (при недоедании возникали голодные отёки), потому что родители в первую очередь старались накормить детей.

Немцы открыли школу на Октябрьской улице, недалеко от железной дороги, куда Людмила, успевшая до войны окончить только 4 класса в школе на улице Ленина, пошла учиться в пятый класс. Она помнит лишь высокую русскую учительницу и то, что на уроки приходили немцы и наблюдали, как идут занятия.

Бывало, немецкие солдаты перед отправкой на фронт ночевали в их доме. Они размещались в большой комнате, пили вино, пели грустные песни.

Выселение из родных мест

Жителей Тосно погружали в машины и везли к товарным поездам. Совсем немного времени давали на сборы, люди успевали взять только самое необходимое, многие, как самое дорогое, брали иконы.

В Нарве всех высадили, выстроили в ряд и отобрали самых сильных и работоспособных.

*Людмила (справа) со
Смолиной Евгенией и
маленькой Надей
Громовой. Все сейчас
проживают в Тосно.
Приекуле.
Январь 1944 г.*

От Нарвы переселенцы ехали до маленького города Приекуле. Здесь на площади уже стояли лошади с телегами и будущие хозяева, на которых переселенцам предстояло работать. Хозяином Людмилы и её мамы стал поляк, который взял себе три тосненские семьи и повёз на хутор, находившийся от Приекуле примерно в трёх километрах. По приезде семьи разместили в помещении, где вместо пола была голая земля.

Хозяин объявил, что ему нужна девочка, которая может пасти коров. Ею и стала Людмила.

«Я коров жутко боялась, да ещё и хутора располагались друг от друга далеко, – вспоминает Людмила Валериановна, – но деваться было некуда».

Вскоре её мама нашла поблизости семью, в которой был мальчик, ставший пастухом, а Людмила выполняла с

тех пор другую работу: мыла, убирала, носила воду, помогала хозяйке.

Позже она и её мама перебрались на другой хутор к своим знакомым. Новый хозяин был богат, держал много скота, и рабочие руки ему были очень нужны, приходилось много работать. Людмила с подружкой вставали в шесть утра, доили коров, прибирались и выполняли бесконечную деревенскую работу: вязали снопы, собирали рожь, пшеницу, на сенокосе принимали сено.

«Эта работа была очень тяжёлой для совсем ещё юных девочек», – добавляет Людмила Валериановна.

Еда там была лучше, и хозяева к ним относились хорошо.

И вдруг, в один день, всё изменилось. Объявили, что их всех собираются увозить. Люди думали, что в Германию, но их повезли в Литву. Поместили жить в сарае и заставили копать траншеи. Охранниками были немцы, они строго следили за тем, чтобы работа шла непрерывно, приходилось куда-нибудь прятаться, чтобы чуть-чуть отдохнуть. Кормили очень плохо.

Возвращение

Но вот настал день, когда все немцы просто исчезли. Не осталось ни одного. Это был невероятно счастливый день. Со слезами на глазах Людмила Валериановна вспоминает, как люди плакали и бежали навстречу советским солдатам.

До расформирования множество семей поселили в один дом. Это был трудный период, когда даже приходилось просить милостыню.

Наконец Людмила с матерью вернулись в Тосно. Свой дом они застали совсем разрушенным. Жить было негде, и они пошли на вокзал. К счастью, Ольга Васильевна встретила своих знакомых, у которых они и остановились.

Людмила сразу пошла в школу, а её мать стала работать уборщицей в Ленинграде, в общежитии железнодорожников, и за гроши возила молоко частников в Ленинград. Благодаря этому какую-то копейку Ольге Васильевне всё же удалось заработать и она наняла людей, которые восстановили дом. Людмила с мамой переехали в него вместе с теми людьми, которые ранее приютили их. В доме хватило места и на одного квартиранта. Нелёгкие были времена, но на всю жизнь запомнилось, как в трудную минуту люди помогали друг другу.

Окончив 7 классов и курсы чертёжников, Людмила хотела устроиться на работу по специальности, но её не взяли, сказав: «Ты была в оккупации». После этого она год отработала в ТЧ-8 на Октябрьской железной дороге. Потом поступила в Ленинградский музыкально-промышленный техникум на Гончарной улице, окончила отделение по механической обработке древесины и стала работать в Тосненском мебельном цехе, занимая в разное время должности мастера, техника-технолога, начальника ОТК (отдела технического контроля).

Студентки промышленно-музыкального техникума. В центре во втором ряду Л.В. Планина.

Людмила Планина (слева) на производственной практике у столика, сделанного своими руками.

Людмила Валериановна (третья слева) на воскреснике. 1955 г.

Ныне Людмила Валериановна – заботливая жена, мать, бабушка и прабабушка. Она – жизнерадостный открытый человек, с которым приятно поговорить. Уже 62 года она живёт со своим мужем в доме, который они построили своими руками.

На юбилее ветерана Великой Отечественной войны П.С. Лапинова (крайний справа в первом ряду). В центре – Л.В. Планина. Слева от неё Р.Ф. Зотова, председатель Госненской районной организации «Жители блокадного Ленинграда». Первый слева во втором ряду Н.Н. Селянинов, в то время председатель районного общества ветеранов.

Несмотря на почтенный возраст, Людмила Валериановна продолжает трудиться, помогать людям. Её усилия в общественной работе направлены на то, чтобы помочь людям, пережившим страшные годы войны.

*Записала **Бойцова Ольга**,
член объединения «Журналист».*

**ПОДОЛЬСКАЯ
ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА,**

окончила Ленинградский финансово-экономический институт, работала старшим экономистом на Тосненском автобусоремонтном заводе, в Тортопсбыте.

Война в нашей судьбе

Когда началась война, мне было четыре года. Наша семья: отец Савин Николай Иванович, мать Савина Клавдия Васильевна, сестра Людмила и бабушка Паша – жила в посёлке Тосно, на улице Колхозная, д. 55. У нас был большой новый дом на 4 окна впереди, сзади – большой сарай. С первых дней войны наш отец, как и многие мужчины, ушёл в партизаны (отряд А. Попкова). Мы с другими жителями Тосно, боясь немцев, уехали в лес, на Чёрную Гриву. Думали: немцы придут – людей нет, и война закончится. На том месте в лесу находился эстонский хутор, был большой амбар, но людей собралось много, поэтому мы жили в шалашах.

В августе 1941 г. в Тосно появились немцы, увидев, что людей нет, стали узнавать, где население. Фашисты явились на хутор и заставили нас вернуться в Тосно под угрозой расстрела. Отец, как многие другие, по ночам

приходил домой – посмотреть на родных и поесть. Кто-то донёс немцам об этом. Нашу бабушку забрали в гестапо и держали там пять дней. А нашего соседа Бурдонова поймали и расстреляли. После этого отец больше не приходил. В нашем доме поселился комендант посёлка Тосно, был сделан другой вход, отдельный от нас. По ночам летали советские самолёты – бомбили наше Тосно. Однажды бомба упала рядом с нашим домом и задела наш сарай, а там стояли немецкие лошади, и они погибли. Утром я вышла на крыльцо и увидела много людей с тазиками: им немцы бросали куски конины. Мы жили очень трудно, голодали. Бабушка пекла лепёшки из очистков картофеля и лебеды. Мать работала на лесозаготовках, а бабушка стирала на немцев. Она ходила полоскать бельё на ручей на окраине Тосно и брала с собой меня и сестру Людмилу. Когда появлялись самолёты, бабушка выбрасывала бельё из корзин и накрывала нас ими: так она нас спасала. У бабушки была сестра тётя Саня. Она из цветной бумаги делала красивые корзиночки

*Валя (справа) с сестрой Людой.
Тосно. 1943 г.
Фотография сделана
немецким солдатом.*

с цветами и носила их в немецкий госпиталь. Немцы за эту поделку давали кто кусочек хлеба, кто сахар, кто конфетку. Всё она приносила нам.

В октябре 1943 г. нас насильно погрузили в товарные вагоны и повезли на запад. Так мы оказались в Латвии, в Тукумсе (в 65 км от Риги). Нас высадили на платформу и приказали ждать хозяев. Нашу семью

выбрал богатый хозяин. У него был большой хутор, работало около 40 человек. Мать варила патоку из сахарной свёклы, помещая в большие чаны. Вначале хозяин хотел, чтобы мы с бабушкой пасли свиней, но свиньи были большие, злобные, а мы – дети – маленькие, животные могли нас сожрать – было опасно. Мать со слезами на глазах, стоя на коленях, выпросила другую работу – пасти коров. Хозяин согласился.

Когда мы узнали об окончании войны, очень обрадовались, что вернёмся домой, на родину. После появления советских войск в Латвии нас погрузили в товарные вагоны, и мы приехали на родину – в Тосно. Мне было семь с половиной лет. Меня взяли в первый класс, а сестру Людмилу – во второй.

В конце 1945 г. вернулся с войны отец, в чине лейтенанта, грудь в медалях.

Работал он начальником ОСОАВИАХИМа (Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР), умер в 1960 г. Мать работала бухгалтером, умерла в 1993 г. Сестра Людмила окончила

медицинский техникум, работала медсестрой в Тосненской больнице и на медицинском складе посёлка Лисино-Корпус, умерла в 2002 г.

Я окончила 10 классов Тосненской средней школы, затем Ленинградский финансово-экономический институт. Работала старшим экономистом на Тосненском авторемонтном заводе, в Гортопсбыте.

В данное время я на пенсии, инвалид первой группы, на улицу не выхожу, болят ноги, позвоночник. Вдова, имею дочь, сына, 4-х внуков, 1 правнучку.

Дочь Ирина, зять Владимир и мои внуки, школьник Герман и студент Горного института Сергей, живут со мной, заботятся обо мне, о здоровье и уюте. Сын с семьёй тоже живёт в Тосно, они навещают нас.

**ПЧЁЛКИНА
ВЕРА АЛЕКСЕЕВНА,**

окончила Ленинградский техникум железнодорожного транспорта. Работала на железной дороге в г. Витебск (Белоруссия), в Ленинграде, в финансовой службе Управления Октябрьской железной дороги.

Я помню, как всё это было...

Родилась я 31 июля 1936 года в деревне Соколов Ручей Тосненского района Ленинградской области.

Отец – Михеев Алексей Васильевич, 1906 года рождения, работал на Ижорском заводе с 1930 года.

Мать – Михеева (девичья фамилия Данилова) Мария Степановна, 1909 года рождения, домохозяйка.

С 1939 года проживали в посёлке Ульяновка Тосненского района Ленинградской области.

Сёстры Нина, Вера, Валя и Тоня Михеевы. Саблино. 1940 г.

Война застала нас в Ульяновке. Отец продолжал работать на Ижорском заводе. Вечером приехал с работы, а ночью Ульяновку заняли немцы. Папа вместе с другом Фёдоровым Павлом решили пешком идти в Колпино на завод. Немцы их поймали и хотели расстрелять как партизан. Спасло их то, что за них заступилась женщина (немка), которая брала у нас молоко. Она пошла в комендатуру и защитила их.

Во время оккупации отец работал в пекарне (она располагалась в Ульяновке, в здании, где сейчас магазин «Пятёрочка»). Вдоль улицы стояли виселицы. Если при выходе из пекарни у работника обнаруживали кусок хлеба, тут же – на виселицу.

Мы жили на улице Серова, занимали половину дома. Во второй половине жила семья евреев. Помню, звали старшую соседку Ида Ароновна. Перед приходом немцев они уехали в Ленинград. Не знаю, все ли они выжили, но после войны двое из них приезжали в Ульяновку. Они продали нам вторую половину дома.

Мама работала в госпитале, который помещался в бывшей железнодорожной больнице. Мы ходили туда с котелками, чтобы нам дали что-то съедобное. Жить продолжали в своей половине дома, во второй половине жили немцы. Мы были маленькие и не работали (старшей сестре Антонине было 10 лет, второй сестре Нине 8 лет, мне 5 лет и младшей сестре Валентине 4 года). Нас часто обстреливали, бомбили. Прятались в канаве около дома. Видели, как горело Никольское, было страшно смотреть, какое было зарево. Дважды видели сбитые наши самолёты, бегали смотреть. Однажды видели лётчика, но куда он потом делся, не знаю.

В 1943 году нас выселили из дома, и мы уехали на родину мамы в деревню Коровий Ручей, что была за

Любанью. Там отец сделал бункер, и мы в нём жили. Работал отец в лесничестве в Сустье. Немцев близко не помню. По реке (по-моему, Тигоде) плыло много трупов наших и немцев.

В сентябре 1943 года всей деревней ушли в лес. Помню, у кого-то даже корова была. Жили под открытым небом. Однажды утром сестра Тоня побежала «за кустик» и закричала. Оказалось, что мы окружены. Остались живы только потому, что окруживший нас отряд возглавлял румынский офицер. Он так и сказал: «Если бы это был немец, все вы остались бы лежать в этом лесу». Нас привели в Любань. Посадили в грузовой вагон и повезли в сторону Луги, а оттуда – в Литву. Жили где-то недалеко от Паневежиса, в деревне Пажибьей, у хозяина по имени Янушка Пятрас. Отец работал на тракторе, мать – на скотном дворе. Две старшие сестры, Тоня и Нина, работали на соседних хуторах – пасли гусей, а мы с младшей сестрой Валентиной каждый день ходили, как говорили, «плунксу плешить», т.е. щипать перо. Жили мы отдельно от хозяев, в бане. Ночью часто приходили бежавшие военнопленные и просили что-то из еды. Что было, давали им. Когда немцы стали отступать, нас повезли в Германию. Здесь уже везли в пассажирском вагоне. За всю дорогу нас неоднократно подвергали санобработке. Раздевали догола мужчин, женщин и детей и всех вместе загоняли мыться.

В Германии (недалеко от Дрездена) нас никто не хотел брать – много детей. Потом всё же взяла одна женщина – фрау Веба, в поместье Оберпигенгайм. У неё было много работников – молодых людей, парней и девушек: чехов, поляков, белорусов, украинцев, русских, которые жили во флигелях. Питались, в основном, картошкой с творогом, хлебом с маргогусалином и суррогатным кофе. Мы жили с

семьей немцев-беженцев из Кёнигсберга в отдельном хозяйском доме. С их детьми мы общались, играли. Выучили немецкий язык. Хозяйка относилась к нам неплохо, хотя зять у неё погиб под Сталинградом.

Освободили нас американские пехотинцы. Мы бегали на поляну, где они расположились. Они угощали нас шоколадом.

Американцы предлагали нам поехать в Америку, но отец сказал: «Хоть в тюрьму, но на Родине». Возвращались домой через Чехословакию, Польшу. На границе Германии и Чехословакии нас держали в фильтрационном лагере Цитау. Там мы прожили месяца два. В Польше нас чуть не расстреляли. Это были полицейские националисты. Домой ехали поездом. В Ульяновку вернулись в августе 1945 года.

В нашем доме у немцев стояли лошади, уцелели только стены, потолок и крыша. Первое время мы жили на чердаке. Отец устроился работать на Ижорский завод подкрановым машинистом, как и до войны. Потихоньку приводил в порядок дом, и к зиме мы уже жили в нём. Было холодно, голодно. Вместо электричества пользовались карбидной лампой: в гильзу от снаряда засыпался карбид, смачивался водой, низ закрывался кляпом. В головке гильзы делалось отверстие, в него проходил газ карбида, зажигался и освещал дом. Теперь понятно, что это было, наверное, очень опасно, но другого ничего не было.

Железнодорожную больницу немцы использовали как госпиталь. От самой больницы почти до речки Саблинки тянулось немецкое кладбище. Мы через это кладбище ходили в школу. Кругом были берёзовые кресты. Сейчас этот участок весь застроен, живут люди.

На нашей улице уцелели все дома. В соседний дом попал снаряд, пробил крышу, потолок, пол и не взорвался. Извлекали его сапёры после войны.

В сентябре 1945 года с младшей сестрой Валентиной пошли в первый класс Саблинской железнодорожной школы. Учились в разные смены. Обувь была одна на двоих, дорогой переобувались.

*1 «г» класс Саблинской
железнодорожной школы.
1945-46 гг.*

2 «г» класс. 1946-47 гг.

Помню свою первую учительницу. Звали её Дора Кузьминична. Она, наверное, была блокадницей, хотя такого понятия тогда не было. Она в течение всего урока постоянно отщипывала по кусочку хлеб, который держала под мышкой. А нам на перемене давали по куску хлеба, намазанного салом и посыпанного песком. Тетрадей и учебников никаких не было. Писали химическими карандашами на газетах и на чём придётся. Спасло нас от голодной смерти то, что сумели купить корову. Мама возила в Ленинград молоко, носила его по квартирам. Там ей давали картофельные очистки для коровы. Но она их мыла, жарила на сковороде, и мы их ели. Летом собирали крапиву, лебеду, щавель. Собирали малину и продавали на рынке, а на эти деньги покупали хлеб. Отцу на работе выдавали кое-какие продукты, ткань. Шила нам мама сама.

Со второго класса училась в Ульяновской школе. В начальных классах (со второго по четвёртый) нашей

учительницей была Шапичева Екатерина Алексеевна. Молодая, красивая, добрая. С пятого по седьмой классы преподавали разные учителя, по предметам. Классным руководителем была Репина Варвара Михайловна. А вообще все учителя запомнились знающими, добрыми, многое дали нам.

С хозяевами из Литвы и Германии никакой связи у нас не было. Наоборот, мы старались забыть о том времени.

После возвращения из Германии отца часто вызывали в КГБ в Тосно, но никаких мер к нему принято не было. Самое интересное, когда нам понадобились документы для подтверждения статуса малолетних узников, ни в Тосно, ни в Большом Доме (НКВД, Управление безопасности) справки нам не дали. Сказали, что никаких документов нет. Отец при поступлении на работу на завод написал в автобиографии, где был в годы войны и перечислил всех нас – жену и детей. Мы получили на заводе справки. Они были приравнены к государственной архивной справке. И так мы стали малолетними узниками.

В 1952 году я окончила седьмой класс Ульяновской средней школы и поступила в Ленинградский техникум железнодорожного транспорта им. Ф.Э. Дзержинского.

Выпускной класс Ульяновской семилетней школы.

Студенты Ленинградского техникума железнодорожного транспорта. Вера 4-я справа в верхнем ряду. 1954 г.

При поступлении в техникум в автобиографии указала, что в годы Великой Отечественной войны была в Литве и Германии. Никаких проблем с учёбой не было. Предлагали вступить в комсомол, но отец не разрешил.

Что удалось сохранить из ценных вещей? Ценностей у нас никаких не было. Сохранилась икона Божией Матери. Мама сумела её уберечь.

Техникум окончила в 1956 году.

На работу направили в город Витебск, тогда это была Калининская железная дорога. Работала на станции весовщиком (теперь это приёмосдатчик). В марте 1958 года тяжело заболела мама, и я, по согласованию руководителей предприятий, была переведена на станцию Ленинград пассажирский Московский. В то время просто уволиться, не отработав три года, было нельзя. А по переводу стаж не прерывался. До 1 сентября 1959 года работала на станции, а с 1 сентября, опять же по переводу, работала в финансовой службе Управления Октябрьской железной дороги: тарифоведом, бухгалтером, экономистом, начальником сектора. На пенсию вышла в январе 1998 года. В 1990 году от работы получила квартиру в Тосно, где и проживаю до настоящего времени.

Имею награды: медали «За трудовое отличие», «Ветеран труда», «Непокорённые. 1941-1945 гг.» и юбилейные; знак «Почётному железнодорожнику».

Впервые 9 мая 1957 года в Витебске я участвовала в праздновании Дня Победы. В СССР этот день объявлен праздником в 1945 году, а широко начал отмечаться где-то в 60-х годах. А в Белоруссии это было что-то! Тысячи

людей шли из Витебска к месту захоронения несколько километров. Это было несравнимо ни с какими демонстрациями в Ленинграде, хотя я всегда ходила на демонстрации и в годы учёбы в техникуме, и когда уже работала.

У меня был сын, 1962 года рождения, в 1991 году его убили. Теперь живу одна, и родители, и сёстры умерли. Есть племянники и племянницы, у всех свои семьи.

Летом живу на даче у племянницы в Ульяновке.

Пока позволяло здоровье, любила путешествовать по городам и странам. Побывала во Владимире, Суздале, Загорске, Смоленске, в Белоруссии, в Украине, в Германии (Потсдам, Гамбург), во Франции, в Израиле, в Прибалтике. Как память о путешествиях храню фотографии в альбомах.

САВЕЛЬЕВА
ВЕРА ИОСИФОВНА,

окончила Ленинградский финансовый техникум, более 30 лет работала бухгалтером на Псковенском филиале объединения «Пролетарский труд», поёт в хоре ветеранов, участвует в концертах.

Пережитое – незабываемое

Летопись о родных

*Мать Клавдия (3 класс),
бабушка Пелагея, дедушка
Михаил, дядя – брат
матери Дмитрий –
Шубины. 1903 г.*

1900 г., до этого был её брат Дмитрий, потом через три года появился в 1903 г. брат Василий. Мать в Москве окончила четыре класса начальной школы. В доме были кухарка и няня, отец её, видимо, хорошо зарабатывал, мать говорила, что по праздникам получал премию золотыми монетами. Потом мой дед Михаил заболел воспалением лёгких и умер в 40 лет. Бабушке Пелагее пришлось вернуться обратно к родителям в Углич.

Начну с семейной летописи. Со слов матери, дед Михаил Шубин жил в Москве и работал приказчиком (мастером, помощником начальника в наше время) на текстильной фабрике «Красная Пресня». По каким-то делам он приехал в город Углич Ярославской губернии, а бабушка Пелагея, тогда ещё молодая, жила в этом городе, она была красавица. Увидев её, Михаил влюбился, женился на ней и увёз её в Москву. Жили они недалеко от Кремля, снимая квартиру. Мать Клавдия родилась в

*Бабушка Пелагея,
дедушка Михаил Шубины.
1908-1910 г.*

*Мать Клавдия, отец
Иосиф Ружичка. 1935 г.*

иначе родители бабушки были против брака. Так стал он Иосифом.

Вера. 1938 г.

В 1914 г. началась Первая мировая война. После её окончания пленных чехов и австрийцев отправили в Ярославскую губернию сажать сады. В числе пленных был чех Юзев Ружичка. По истечении пяти лет он мог бы вернуться на родину, но тут грянула революция. Он остался в России, женился на моей матери в 1920 г. Отец был католиком, а мать православной христианкой, так что пришлось ему окреститься и перейти в нашу веру,

По профессии он был пекарь, и в колхоз его не брали, к тому же он был нерусским. В 1930 г. пришлось ему с матерью, тёщей Пелагеей и дочкой, моей сестрой, уехать. Переехали они в Ленинградскую область, в посёлок Лисино-Корпус, где в 1933 г. родилась я. Отец работал в буфете № 2 Тосненского райпотребсоюза. Наконец-то пригодилась его профессия. По рассказам матери, в буфете пекли разные булочки, пирожки, печенье.

С 1935 г. он работал в пекарне Владимирова в Тосно. В 1936 г. в Тосно построили новую пекарню на месте современных бань, там отец работал мастером, а потом заведующим. И, видимо, хорошо

работал, если в 1937 г. ему дали путёвку в санаторий в Ялту.

*Лисино-Корпус. 30-е годы.
2-й во 2-ом ряду
Ружечка Иосиф Антонович*

*Пекарня в г. Тосно.
1948-1950 г.*

*Хлебы, кренделя, боярские
батоны, сдоба. 1948-1950 г.*

Тосно, пекарня. 1948-1950 г.

Отец не пил, не курил. Когда его перевели в Тосно, наша семья переехала в Тосно. Снимали полдома по улице Ленина и строили свой дом по улице Колхозной. За нашим домом находилось лётное поле, там был аэродром, где проводился праздник в День авиации. Было очень интересно, желающих сажали на самолёты и поднимали в небо. Во время войны самолёты сгорели.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Мне тогда было 8 лет. О начале войны объявили по радио. Жители Тосно на подводах, запряжённых лошадьми, уехали в лес на хутор Чёрная Грива. Те, у кого не было лошадей, пошли пешком. Там находился эстонский хутор с большим сараем – амбаром, где можно было укрыться от дождя. Думали: немцы придут, людей нет, и война закончится. Отец погрузил на подводы оставшийся хлеб, муку и другие продукты от пекарни, и мы уехали. Потом отец продукты роздал людям.

В августе 1941 г. немцы появились в Тосно. Кто-то из оставшихся в посёлке сказал, куда делись люди. Пришлось вернуться в Тосно, иначе немцы грозили расстрелом.

*Вера, Руфа и Люся. Лето, 1943 г.
Тосно. Колхозная, 53*

Дом наш был новый, без клопов и других насекомых, поэтому немцы поселились у нас. Вначале стояли танковые части. Помню, что около дома стоял танк. Однажды какой-то немец сфотографировал меня с подругами и отдал нам фотографию.

Зима была суровая, морозы стояли за 30 градусов. Немцы мёрзли, топили печку докрасна, и мать переживала, что может сгореть дом. Потом у нас жил немецкий генерал, в большой комнате ему оборудовали кабинет. Этот генерал постоянно был во хмелю, имел денщика, который днём почему-то часто лежал на нашей новой оттоманке, которую перед войной купили сестре Наде. Ей тогда было 18 лет, она только окончила 10 классов, знала немецкий язык, ненавидела немцев, смотрела на них с

ненавистью, и мать боялась, что немцы заметят это. Какое там! Надя даже умудрялась слушать немецкий радиоприёмник, когда немцев не было в доме, а меня в дверях ставила, чтобы я могла предупредить об опасности. Столько лет прошло, а я помню, как тряслась от страха, стоя «на часах». Когда в Тосно пришли части СС, нас из дома выгнали, и мы жили у соседей.

В 1942 г. мне было 9 лет. Поздней осенью у меня заболел зуб и, хотя временами боль проходила, но я застудила его, гуляя на улице. На щеке образовалась гнойная опухоль. Щёку раздуло, кругом немцы, врачей нет. Мать испугалась и повела меня в немецкий госпиталь, который находился на территории бывшего аэродрома и Лётной улицы в кирпичных помещениях. В этих одноэтажных зданиях находились столовая для лётчиков, жилые комнаты для них, помещения для ремонта.

Нас встретил врач. В госпиталь меня не пустили, а приняли в палатке рядом. Врач-хирург осмотрел щёку, разрешил её без наркоза (было не больно), рану обработал, наложил пластырь, и я ушла домой. Щека не болела, опухоли не было, но рана не заживала... Надо бы удалить зуб, но врач в этом случае был не специалист, а первую помощь он мне оказал. Зуб удалили только после войны в Ленинграде. Рана зажила, шрам остался до сих пор.

Прошло много-много лет, и в 2007 г. в Тосненский музей приехал сын этого врача Рональд Хоппе. Меня пригласили на встречу, так как в музее знали историю с моим зубом. По рассказам сына этого врача, его отца Йохана Хоппе после ранения в 1943 г. отправили в Германию, где он женился в 1944 г. и у них родился сын – гость музея. На основании писем, которые писал отец своей девушке Инге в Германию, сын издал книгу «Счастливы быть рядом с тобой». Мы посетили то место,

дом, где находился госпиталь. Р. Хоппе подарил мне эту книгу с автографом на память.

Осенью 1943 г. всех жителей Тосно насильно погрузили в товарные вагоны и повезли на Запад. Так началась наша жизнь в неволе.

Вначале нас привезли в Латвию на станцию Вайвари (в Юрмале), поместили в лагерь за проволоку. Рядом находился лагерь уничтожения евреев. Мы видели людей, стоящих у проволоки, у многих было золото, и они просили хлеба, так как их не кормили. Потом они спускались по ступенькам, как бы в баню, но там вместо воды подавали газ. Люди погибали. По рассказам очевидцев, пол в помещении подвигался и шёл в печь – крематорий. По утрам из трубы шёл чёрный дым, пахло горелым человеческим мясом. Снятую с людей одежду немцы приносили в наш лагерь, но мать её не использовала. Мы очень боялись, что и нас сожгут, но нас отправили дальше. Сначала всех пропускали через санитарный поезд для уничтожения вшей и всяких микробов. На улице стояла зима, помещение не отапливалось, вода была холодная и не всегда подавалась. Людям приказывали раздеться догола, немцы посмеивались, похлопывали по заду молодых женщин, осматривали, волосы поливали специальным раствором. Взрослые закрывали глаза, а я была мала и не делала этого. Очень больно было глазам, я плакала, каталась по полу, воды не давали, чтобы промыть глаза, боль уходила со слезами. Многих молодых женщин, я помню, вводили в кабинет, мы их больше не видели.

Дальше нас повезли в Эстонию на станцию Валга. Я помню пятиэтажные нары, куда нас поместили. Меня мать привязывала верёвкой к основанию столба лестницы, чтобы я не упала. Там я заболела: поднялась высокая

температура, болела и кружилась голова. Моя семья очень испугалась, ведь больного ребёнка не повезут дальше, и я могла просто пропасть. У моей матери была золотая старинная брошь. Как она её сохранила, не знаю, а так как отец был нерусский, он осмелился пойти с брошью к начальнику лагеря, сказав, что заболел ребёнок. И вот – кругом фашисты, а ко мне пришёл врач, осмотрел меня, дал лекарства, и я поправилась.

После Эстонии была Германия – город Дюссельдорф. Мы жили в рабочих лагерях за колючей проволокой, на воротах стояли полицаи. Рядом находился завод, виднелась одна труба, остальное было под землёй, так как кругом были горы. Вот туда и гоняли родителей, сестру, даже бабушку, которой в то время было 60 лет, на работу, под конвоем и с номерами на одежде. Детей не трогали. Мы находились в лагере, но нас было мало – человек шесть. Раз в день давали похлёбку – кормовую капусту с горячей водой. Раз в неделю – две буханки хлеба на пять человек, и – всё. Очень хотелось есть. Да в насмешку платили родителям за труд настоящими советскими деньгами, видимо, немало банков немцы разграбили. Мать их не выбрасывала, а складывала в чемоданчик, в котором хранились старые фотографии. В 1944 г. открылся Второй фронт, и начались американские бомбёжки. Вокруг Дюссельдорфа – горы, в горах построены бомбоубежища – бункеры, для каждой нации отдельно, для немцев – отдельно. Для русских, украинцев – отдельный бункер. Вниз – 102 ступеньки, четыре выхода, если завалит, узкие проходы зигзагами с освещением, но от лагеря это было недалеко. Однажды мы не успели убежать. Пришлось спрятаться в бетонной трубе на территории лагеря. Людей прибежало много. Эта труба была длинной, наверху немного земли, она спасала только от осколков. Одна

бомба упала впереди, другая сзади, мы находились в середине, поэтому остались живы. Но трянуло так, что я очень испугалась, меня трясло. Последствия этого я чувствовала семь лет: болела голова, не было памяти, что мешало учиться.

Американцы разрушили весь город и его заводы. Мы немцам стали не нужны, и нас угнали в лес на границе с Францией, хотели уничтожить, но помешали американцы. Они посадили нас на машины и снова поместили в бывший лагерь Вупперталь за проволоку. Но этот лагерь отличался от немецкого – нас хорошо кормили, благо вокруг было много немецких продовольственных складов.

Когда окончилась война, американцы спросили моих родителей, куда они хотят ехать: в Америку, Чехословакию или в Россию. Хоть отец был чехом, но они решили вернуться в Россию. Так мы попали в советскую зону, в другой лагерь, уже советский, № 232 в городе Франкфурт-на-Одере, тоже за проволоку. Там родителей проверяли уже свои, не совершали ли они преступления перед Родиной. Проверяли, но кормили хорошо. Потом нас наконец отправили в Россию, и в последних числах августа 1945 г. мы приехали в Тосно.

В первые послевоенные годы жить было очень трудно. Родителей не брали на работу, не давали продуктовых карточек, сестру Надю не приняли в институт, только меня взяли в школу во второй класс. И все из-за того, что наша семья была угнана в Германию. Вот тогда-то и пригодились те деньги, которые мать складывала в чемоданчик ещё в Германии. Буханка хлеба тогда на рынке стоила 150 рублей. Но мы все равно радовались, что война окончилась, верили, что жизнь наладится. Сестра Надя, пережив войну, умерла в 1950 году от туберкулёза. Тогда она уже училась в Ленинградском институте иностранных

языков на переводчицу. И если бы не война, голодная жизнь за колючей проволокой, невзгоды, унижения от фашистов, то моя сестра не заболела бы такой страшной болезнью.

Теперь немного о себе.

В 1952 г. я окончила 7 классов, пошла работать в школу делопроизводителем, а вечером училась в финансовом техникуме, ездила в Ленинград. Школа находилась рядом с церковью, где сейчас выстроены кафе «Благодать» и двенадцатиэтажный дом. До войны в церкви размещался склад, во время оккупации был немецкий госпиталь и немецкое кладбище внизу, где ручей. Власти решили из церкви сделать Дом культуры, и нужно было разрушить купол. Я видела в окно, как разрушался этот храм. Вначале на работу пригласили тосненских парней, но они отказались, их за это исключили из комсомола. Тогда набрали других людей. Позже говорили, что эти люди пропали, так как совершили страшный грех. Большим каменным шаром били по куполу, а он никак не разбивался. Это продолжалось несколько дней. В церкви было шесть проходов, в каждом находились иконы из металла, их разбивали тяжёлым предметом, а утром они выпрямлялись и как бы оживали. Я туда ходила смотреть. Множество икон бросали в реку Тосну, и они плавали – тяжело это было видеть. Одну мозаичную икону какая-то женщина увезла на лошади в церковь, которая построена на кладбище, где она находится до сих пор.

После окончания техникума я работала бухгалтером на филиале объединения «Пролетарский труд» больше тридцати лет.

В данный момент я вдова, имею двух сыновей, двух внуков и внучку, тружусь на даче, хожу в хор ветеранов и

в его составе ездят на конкурсы, фестивали в Петербург и по области.

Хочу сказать только одно: пусть никто из живущих в России никогда больше не испытает ужасов войны.

САШИЛИНА

ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА,

работала в электросети и на заводе «Стройдеталь» в Тосно, увлекается рукоделием.

Горечь детских судеб

Родилась я 23 мая 1939 г. в Тосно, и все наши предки жили в Тосно.

В нашей семье сложились предания о родословной со стороны отца и матери. Будто бы прадед отца был именитым поляком, который женился на простой девушке

в Тосно, от своей фамилии отказался, а взял новую – Данилов. Один из его сыновей – это мой дед Данилов Константин Данилович, а мой отец – Данилов Георгий Константинович.

*Надежда Александровна
Смолина, тётя Елены
Георгиевны Сашилиной.
Пережила блокаду
Ленинграда.
Фотография
довоенного периода.*

По маминой линии мы из рода Смолиных. Наш прадед Смолин Иван Кононович имел двухэтажный деревянный дом на месте, где сейчас здание старого горисполкома. Его сын Александр Иванович – мой дед. В начале 1914 г. он женился на молодой девушке Вере Ананьевой из обедневшего дворянского рода. По преданию, на свадьбу им подарили сундук с царскими гербами и вещами. Как подарок связан с царской кормилицей Смолиной Марией Андреевной, мы не знаем. Возможно, она являлась крёстной матерью деда? Дочь Александра Ивановича и Веры Ивановны

Антонина стала моей матерью. Всего у них в семье было две дочери и два сына, их дом находился на «Бычьей дороге», которая шла параллельно Московскому шоссе и по которой гоняли скот. Теперь там Рабочая улица.

Раньше семьи были большими, вся родня общалась: ходили друг к другу в гости; даже если на столе был только хлеб, всё равно шумел самовар, велись разговоры, что-то вспоминали. Многие из этих воспоминаний задержалось в моей памяти.

Отец до войны работал машинистом на железной дороге, на дрезине, а мама не работала. Рабочие железной

дороги имели бронь, и при отступлении они должны были уйти последними в назначенное место.

*Родители: Георгий
Константинович Данилов,
Антонина Александровна Смолина.
1932 г.*

Когда немцы заняли Тосно, движение на железной дороге нарушилось и произошла авария. На железнодорожной ветке на Гатчину столкнулись две дрезины. Моему отцу в этой аварии сломало обе ноги. Его зажало в дрезине так, что он не мог сам выбраться. Машиниста другой дрезины выбросило на обочину, и он смог уйти в лес. Отца подобрала немцы, положили в свой госпиталь и стали лечить: им тоже нужны были машинисты. Село Тосно являлось железнодорожным узлом. На станции паровозы заправлялись водой и углём, здесь была развязка путей. На месте, где теперь пожарная часть, был «угольник путей» для разворота и заправки паровозов, ближе к линии стояла водонапорная башня. Рядом располагалась больница, во время войны её разбомбило, и здесь же были горы угля. Этот «угольник» функционировал и после войны, пока были паровозы.

При появлении немцев в Тосно мирное население разбежалось по лесам. Рыли землянки и какое-то время там жили. Думали – ненадолго. Но много не набегаешь, детей надо было чем-то кормить, и люди стали возвращаться в дома (у кого они уцелели), потому что Тосно бомбили каждый день, сперва немцы, а потом – свои. В основном бомбили железную дорогу. Это был путь на Ленинград. Но дорогу очень быстро восстанавливали. И мама тоже вернулась: ведь двое детей и отец в немецком госпитале.

Мама пошла работать в госпиталь, где лежал отец. Она стирала бельё. На месте, где позже находилось ДРСУ, у немцев была кухня, и мы, дети, бегали туда просить еду: иногда давали, а иногда мы что-то подбирали. При мне убило осколком подружку при бомбёжке. Она не захотела лечь на землю – было холодно, дождь и грязь. Но я не помню страха, наверное, оттого что была ещё мала. Наш дом стоял на ул. Шолохова, а бабушка с дедушкой жили на Рабочей улице, поэтому я и помню больше этот район. Он назывался «Конец», ещё была «Балашовка», что за железной дорогой, а район за Смоляным Ручьём назывался «Козьей слободой». При бомбёжке куски рельсов долетали даже до улицы Шолохова, это километра за полтора.

И вот осенью 1943 года мирное население стали эвакуировать. Брать с собой можно было только ручную ношу.

Уже стоял состав, готовый к отправке, и мы с сестрой сидели в вагоне, когда мама с дедом с чьей-то помощью выкрали отца из госпиталя на носилках, погрузили в вагон, закидали вещами, детям велели сесть сверху и так увезли его с собой.

Везли нас в товарных вагонах, где не было ни полок, ни сидений. Каждая семья сидела своей кучкой на своих вещах.

Как только захлопнулись двери вагона, поднялся плач и вой: люди не знали, куда их везут. Иногда состав останавливался, люди справляли нужду, пытались разжигать костёр, что-то варить, но давали сигнал и всех загоняли в вагоны. Сколько мы так ехали, я не знаю. Когда привезли на конечную остановку и выгрузили, я помню только какой-то парк или лес, очень много людей, и опять все сидели группами, своими семьями.

В октябре 1943 года мы оказались в Латвии, на хуторе Приекули (волость Грамзда, уезд Лиепая).

Подъезжали латыши на своих телегах и выбирали себе работников, кому какая семья подходила. Дня через два или три всех разобрали, а мы всё сидели. Пришёл ещё состав из Тосно, много было знакомых, и опять всех разобрали, а мы всё сидели на улице. Было холодно и хотелось есть, но никому не нужны были работники, где одна женщина да двое детей и неходячий мужчина. Мама уже обменивала на еду те вещи, что смогли привезти с собой. И всё-таки нас тоже взяли. Латыш посадил нас на телегу и привёз к себе на хутор.

Уже дома он проверил у нас документы, а у отца ведь не было сопроводительных документов, и хозяин вызвал полицаев. Нас всех, всю семью посадили в тюрьму. Я не знаю, сколько времени мы провели там.

А бабушка Вера и дед Саша были на другом хуторе, где-то недалеко. И бабушка просила своих хозяев, чтобы нашли место для нас. И вот с какого-то другого хутора приехал латыш и сказал, что он хочет взять нашу семью. Маму и нас с сестрой отдали этому латышу, а отец оставался в тюрьме в госпитале. Мне кажется, что наш хозяин добрым не был. Я помню, как он лютовал, когда мама, проходя через сад, сорвала несколько яблок и принесла нам. Лиду тоже постоянно заставляли что-то делать: и посуду мыть, и гусей смотреть, а я была предоставлена сама себе. Кормили нас после того как поедят хозяева, чем, точно не помню. Запомнилось только одно блюдо, кажется, оно называлось путра. Это сыворotka, заправленная какой-нибудь крупой. Получалась жидкая, кисленькая каша. Я эту путру любила. А вот у бабушки с дедом были очень хорошие хозяева, по

праздникам отпускали их навестить дочку и внучек, и бабушка с дедом приходили к нам в гости.

Освободили нас русские войска. Я помню, как пришёл отец с костылями попрощаться: дальше он ушёл с Красной Армией. А мы всё смотрели в ту сторону, где Ленинград, и не могли дождаться, когда вернёмся на родину. Хотелось скорее домой, скучали, думали, всё будет, как прежде, и нас там ждут пряники. Домой стали пробираться, не дожидаясь официального разрешения. Просились на попутки, ехали в товарных вагонах, передвигались повсюду. Бабушку с дедом хозяева уговаривали пожить ещё: они нянчили детей и жили с хозяевами дружно. Но всем хотелось домой, хотелось узнать о судьбе родных. Другая дочь у бабушки оставалась в Ленинграде, а два сына были на фронте. Поезда шли переполненными, люди ехали даже на крышах вагонов и на подножках. И непонятно, кто куда едет, везде давки и крики.

А когда приехали в Тосно, увидели сплошное пожарище, одни обгорелые трубы. У мамы на одной ноге галоша, а на другой намотаны тряпки – галошу потеряла в давке. Ни еды, ни одежды, ни жилья. Дома тоже нет, и той еды, что давали латыши, тоже нет. И только лебеда, крапива, мокрица да сныть. Да и сныть не росла так быстро, как теперь, а тогда не могли дождаться, когда же она отрастёт. Не работали ни заводы, ни фабрики, огород засеять нечем. Когда уезжали из дома, кое-какие вещи прятали в тайники, закапывали в землю, а приехали – все тайники оказались пустыми.

Бабушка посуду тогда скидала в сточную яму, но и оттуда было всё выловлено. Я просто не знаю, что мы ели и как выжили. Первое время мы жили в хлеву у дедушки с бабушкой, потому что только хлев остался целым.

Жили там четыре семьи. Нам достался бывший курятник. В самом центре двора стояли жернова, где что-то мололи для лепёшек. Но зато я спала на царском сундуке. Это был очень большой сундук, метра два в длину и около метра в ширину. Он был из толстых дубовых досок, весь окован железом, крышка на нём была полукруглая, и со всех сторон были железные двуглавые орлы. Этот сундук достался маме с приданым. Когда уезжали, дед помог маме закопать сундук с добром в землю, но когда вернулись, сундук был пуст. Вот только и пустой сундук было не поднять четырём мужчинам: он в земле напитался водой и стал ржаветь. На ночь мне на сундук кидали какую-нибудь рвань, и я на нём спала, закутавшись, между стенкой сарая и круглой крышкой сундука. А когда не спалось, я потихоньку щипала железо на сундуке, оно проржавело и щёлкало, отламываясь.

В то время было очень много больных людей, в язвах и болячках. Много было безруких и безногих, они ездили на самодельных тележках. Вши ползали по телу и по одежде, и никто их уже не стеснялся. Не было ни лекарств, ни мыла. Мама делала мыльную воду из золы. Древесную золу заливала горячей водой и, когда зола оседала, вода отстаивалась и становилась щелочной. Этой водой мы мылись и стирали. Однажды я заболела ангиной, была очень высокая температура. Мама где-то достала стакан молока, нагрела и дала мне пить, а я не могла проглотить. Я даже теперь помню свои мысли: «Мне дают молоко, а я не пью, а завтра мне уже молока никто не даст». Продукты были по карточкам, но мы жили бедно, бывало, что и карточки отоварить не хватало денег.

Отец пришёл с фронта живым, но его арестовали и посадили в тюрьму как дезертира. И только когда с фронта пришёл живым другой машинист – участник той аварии и

не побоялся дать показания в защиту отца, только тогда дело пересмотрели, отца отпустили, и нам дали жильё в старом полуразрушенном доме. Дом этот был на месте, где теперь здание районной администрации. Когда-то хозяином этого деревянного, двухэтажного, на четыре подъезда дома был Шитов. Но при бомбёжке половина дома была разрушена, и весь дом покосился. Лестница на второй этаж раньше была внутри дома, а потом оказалась на улице и качалась. И пол в нашей комнате стал как бы «под горку», как делают теперь в кинотеатрах. Но нам, детям, интересно было бегать по комнате «под горку». Отец начал строить свой дом. Работать машинистом он уже не смог, его не пропускала комиссия, и он перебивался разными работами: был пожарным, кочегаром на лесозаводе. В свободное время он плотничал, рубил дома, все люди заново строились.

Потом на «угольник» привезли баню, потому что только здесь были вода и уголь. Баню сделали из двух спаренных вагонов, оборудованных переходом. Люди заходили в первый вагон, раздевались. Им выдавали маленький кусочек мыла, и пока они мылись, в другом вагоне их одежду прожаривали в специальных жарочных шкафах. Когда потом одежду стряхивали на снег, то снег становился чёрным от жареных вшей. Мылись по улицам. Давали два дня на одну улицу.

Игрушки у нас были самодельные. Собирали по пожарищам черепки от посуды, в них и играли. Какой-то старый носок или чулок дедушка набил опилками, нарисовал лицо и назвал его «битюк». Это была моя кукла. Однажды я оставила её на ночь во дворе, был дождь. Лицо куклы, нарисованное химическим карандашом, всё расплылось, опилки намокли, и я не смогла утром поднять эту куклу.

Когда открыли школу, сестра Лида пошла в неё с опозданием на два года. Потом пошла и я. В школе ввели форму, а денег на неё взять негде. Папа с мамой пошли в лес за ягодами и там нашли парашют. Он был белый, шёлковый. Мама достала где-то коричневой краски и пыталась окрасить этот шёлк в коричневый цвет, из него сшила нам с Лидой школьные платья. Но, видно, краска была не для шёлка, наши платья линяли, и мы приходили из школы, коричневые, как негрятя.

Только в школе я узнала, что меня зовут Лена. До этого все домашние и подружки звали меня Лёля. Я не сразу привыкла к своему настоящему имени. Первой моей учительницей была Антонина Кузьминична. В школе на большой перемене учительница приносила в класс противень с хлебом. Каждому давала по куску хлеба, посыпанному крупной солью. На железной дороге был разбит вагон с солью, и все, кто мог, таскали эту соль себе домой. У нас дома тоже была такая соль в виде крупных «камней». Её рубили топором, заливали водой и давали отстояться, потом этой водой солили еду. Отец говорил, что соль эта называлась «лизун». Её раскладывали в лесу для зверей, чтобы звери её лизали.

Школа находилась на берегу речки Тосны, а речка тогда была очень полноводной. Весной она разливалась так, что вода переклёвывала через мост, и так же разливался Смоляной ручей. Мы из окон школы наблюдали, как по ручью плыла чья-то баня и только мост её задержал. За школой на берегу было хранилище льда. Зимой лёд пилили кусками и складывали на берегу штабелями, засыпали опилками и летом развозили этот лёд по магазинам и складам для хранения продуктов.

В нашей семье начали рождаться дети, и стало нас у родителей шесть человек. А вот дедушка с бабушкой

быстро встали на ноги. Дед был бондарь по профессии и по прозвищу. Он делал бочки, кадки, корыта, бадейки и был востребован. Ведь всем нужна была посуда, железной тогда взять было негде. Бабушка уехала за помощью в Латвию, к своим хозяевам. Они при прощании сказали: «Если будет трудно, чем-нибудь поможем».

Не было бабушки целое лето. И никто не знал, что с ней случилось. Но она пришла уже в конце лета пешком из Латвии и привела корову. С этой коровой они зажили в достатке. Бабушка возила молоко в Ленинград и разносила его по адресам, у неё были свои клиенты. Сыновья у бабушки тоже вернулись живыми, и оба привезли с собой жён. Дочка в Ленинграде пережила блокаду и нашлась живая. Я помню, как перед Пасхой бабушка посылала меня с подарками к старикам: отнести кому-то два-три яичка, кому-то пол-литра молока. Тогда было очень много стариков одиноких, у кого дети погибли на войне, а пенсий тогда ещё не было.

Потом в Тосно стали открываться предприятия. Заработал лесозавод, который стал мебельным цехом. Начал работать завод в Тосно-2, тогда он назывался 75-й стройкой. На Корпусном шоссе (теперь Барыбина) была большая организация «Ремстрой». По утрам заводские гудки подсказывали время, ведь часы тогда редко у кого были. Каждая мало-мальски приличная организация обязана была открывать свой «красный уголок», который вечерами становился клубом для танцев. Половину барака занимал клуб в Тосно-2. Привозили кино, а потом сдвигали скамейки и заводили радиолу. Молодёжь танцевала, пожилые сидели вдоль стен, любовались, а в уголке стоял стол с шашками и домино.

Клубы были в «Ремстрое», за переездом – железнодорожный клуб «ПЧ», а также в совхозе «Ушаки»

и в Авторемзаводе. Все они были бесплатными. Платным был только вход в Дом культуры, где церковь, и ходила туда молодёжь и те, у кого уже были деньги. А на входе стоял старичок дядя Яша. Он был очень строгим и мог за ворот вывести подвыпившего парня из клуба, и тот не смел сопротивляться. Позже в Тосно открылось два кинотеатра: на Октябрьской улице и на берегу Смоляного ручья. В кино ходили все, и молодые, и старые. Билеты раскупались заранее, и залы всегда были полными. Особенно любили индийские картины. И вообще народ был тогда дружнее и открытее.

Я, окончив семь классов, пошла работать в электросеть, а учиться перешла в вечернюю школу и окончила там десять классов. Лида после семи классов пошла работать в Райпо и заочно окончила финансовый техникум.

Моя собственная семья сложилась из мужа, дочери и сына. Дочь Нина и сын Андрей, три внучки, внук и правнук живут в Саблино и в Рыбацком. Все навещают меня. Я работала на заводе «Стройдеталь», увлекалась рукоделием.

СЕМЁНОВ

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ,

*служил на Северном флоте,
работал в Любани на
кирпичном заводе и
деревообрабатывающем
комбинате, в Тосненском
АТЛ и на Станции
переливания крови в Тосно.*

Оборванное детство

Михаил Николаевич Семёнов родился 18 ноября 1934 года в деревне Пятница Тосненского района Ленинградской области. Эта деревня была уничтожена за годы войны.

Родители – отец Николай Михайлович Семёнов и мать Евдокия Михайловна – работали в местном колхозе (возможно, он назывался «Пятница»).

В деревне была школа, но Михаил не успел поступить в неё. Младший брат Фёдор (1937 г.р.) умер и был похоронен в родной деревне при оккупантах.

Отец и его четыре брата были призваны в армию и находились на фронте.

Как запомнилось Михаилу, фашисты приехали в деревню на машинах и велосипедах. До них в деревне частей Красной Армии не было: места довольно глухие, никаких важных объектов там не находилось.

Когда над деревней пролетали немецкие самолёты на Чудово, взрослые просили детей не плакать, закрывали им рты, чтобы не слышали лётчики и не открыли стрельбу. Многие видели самолёты впервые и опасались их вообще, от авиации прятались в лесу, а потом возвращались в деревню.

С приходом фашистов обычный порядок жизни резко изменился. Взрослых заставляли строить дороги из брёвен для военной техники, а дети были предоставлены сами себе: постоянно голодные, думали, где бы раздобыть какую-нибудь еду, но старались не воровать, потому что немцы не любили воровства и жестоко наказывали за это.

Когда отбирали скот у жителей, делали так: построят детей, считают по пять человек и на каждую пятёрку оставляли одну корову, чтобы было молоко для них.

Партизаны, когда заходили в деревню, забирали то, что ещё оставалось у жителей, – и коров, и продукты.

Иногда немецкие солдаты развлекались: держат в руках плетёнку и шоколадку и подзывают кого-либо из детей, а когда кто-то подойдёт, сначала били плетёчкой (особенно больно было, когда ударяли концом плетёнки), а потом давали шоколад.

Дети придумывали себе игры или какие-нибудь занятия. Например, мальчишки научились разминировать противопехотные мины, доставали из них шарики-шрапнель, делали рогатки и стреляли этими шариками. Страх пострадать от мины не было, его пересиливало любопытство. Некоторые немцы вырезали из дерева игрушки: что-то вроде перекладины с фигурками людей, которые кувыркались на ней.

Михаил не помнит, в каком году, но стало известно, что всех жителей из деревни увозят. Оккупанты торопили всех криками «schnell» и поджигали деревянные дома, стреляя из огнёмётов.

Второпях население собирало кое-что из вещей, в основном, одежду и документы.

Людей погрузили битком в двухосные вагоны и повезли по железной дороге, которая шла от станции Чудово.

В дороге были случаи побегов; иногда взрослые сами детей к этому склоняли, чтобы дать шанс спастись. Но поезд сопровождался вооружённой охраной и овчарками, и беглецов тут же ловили. Михаил тоже убежал, от укусов овчарок шрамы остались навсегда.

Во время переезда часть семей разделяли: детей отнимали у родителей. Михаил точно не запомнил, когда остался без матери. Ехали долго и оказались в Латвии, в местечке Рудбаржи, куда пришли от вагонов пешком.

Поселили на территории за колючей проволокой, в бараках. Пока родители были отправлены на работу, детей постарше отобрали и перевели в другое место, в лагерь, тоже за колючей проволокой. В бараках были нары в три яруса, сено или солома вместо матрасов, пользовались и своими пожитками, какие были, поначалу девочки и мальчики жили вперемешку, потом девочек отселили.

Одеты были все одинаково: в серые брюки и куртки, обувь – деревянные колодки. На груди или на спине находились лагерные номера. Кормили баландой. Травы на территории лагеря не было, а только за колючей проволокой, но туда детская рука не могла дотянуться.

Случалось, что солдаты – охранники через ограду бросали ребёнку что-нибудь, например, кусочек хлеба, но делать это им запрещалось, и если бы заметили, им грозило бы наказание.

Бывало, что в лагере расстреливали цыган и евреев, в то же время Михаил не видел, чтобы немецкие офицеры сами били детей-пленников, наверное, они считали это унижительным для себя.

Михаил предполагает, что на детях в лагере фашисты ставили какие-то медицинские опыты, так как регулярно брали из вен кровь. С тех пор он узнал, что у него первая группа, и остались шрамы. После того как брали кровь, давали эрзац-шоколад и эрзац-печенье. А ещё к телу невольников привязывали какие-то мешочки (может, с заразными микробами?), после этого ребята заболели, и их начинали лечить.

На одну из рук всем быстро, но больно наносили свастику. Потом, на воле, из-за неё было стыдно купаться, да и сверстники обзывали «предателями». Пришлось выжигать это позорное клеймо разными средствами, но о нём напоминают оставшиеся шрамы.

В таких условиях жизни все ребята были измождёнными, худыми и ослабленными: сил не хватало даже для того, чтобы забраться в машину, когда освободили. Осенью 1944 г. пришли Советские войска, детей вывезли в детские дома. Михаил оказался в детском доме г. Кушва Свердловской области, в 60 км от Нижнего Тагила, где основное население составляли вогулы, здесь Михаил учился до четвёртого класса, условия жизни были нормальные, воспитанников усиленно «откармливали».

*Четвёртый класс школы г. Кушва.
Конец 1940-х гг.
Семёнов Миша – во втором ряду,
четвёртый слева.*

*Школьная форма для мальчиков из
детского дома. Конец 1940-х гг.
В железнодорожной школе
станции Любань.*

Потом детей стали отправлять группами по месту жительства, к родителям. Группу, в которой оказался Михаил, довезли до станции Соколов Ручей, где примерно с месяц жили в каком-то двухэтажном кирпичном доме.

Вернувшийся с фронта отец, мать и Михаил с семьями своих родственников жили в бункере, а после – в здании депо. Только спустя время матери дали комнату в железнодорожной казарме 85-го км в сторону Померанья, так как она работала обходчиком на дороге.

В 1953 г. Михаил окончил 7 классов Любанской железнодорожной школы (директором её был инвалид

войны Бутыленков Николай Васильевич) и пошёл работать на Ленинградский вагоноремонтный завод имени Кагановича формовщиком в чугунно-литейный цех. Работа была очень тяжёлая, но на лучшую не брали из-за «плохой» анкеты.

*Коллектив
Дома юного техника. 1980-е гг.
Михаил Николаевич – четвёртый
слева во втором ряду.*

строительном управлении. На пенсию ушёл со Станции переливания крови в 1997 г. Имеет награды: орден Трудовой Славы, медаль «За трудовое отличие», юбилейные медали.

Жена Зинаида Павловна умерла в 1993 г., дочь Ольга живёт вместе с отцом, сын Дмитрий с семьёй проживает тоже в Тосно, но отдельно.

Своим детям и внукам Михаил не рассказывал о том, что ему пришлось пережить, чтобы не травмировать их души.

С 19-ти лет он служил в армии, на Северном флоте более пяти лет. Позже работал шофёром, женился, ездил в Кушву, но вернулся в Любань. Работал в разных организациях: на Любанском кирпичном заводе, в Тосненском АТП, в цехе ЛДОКа (посёлок Строение), в Тосненском ремонтно-

*Михаил Николаевич с сыном
Дмитрием, женой Зинаидой
Павловной и дочерью Ольгой.
1980-е гг.*

*В тексте использованы фрагменты интервью члена
объединения «Журналист»
Кильдибековой Лизы с Семёновым М.Н.*

**АНТОНОВА
ТАМАРА СЕРГЕЕВНА
БАРМИНОВА
ЛИЛИЯ СЕРГЕЕВНА
ДЕНИСОВА
ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА**

**СЁСТРЫ
КОНДРАТЬЕВЫ**

*Барминова
Лилия Сергеевна*

*Антонова
Тамара Сергеевна*

*Денисова
Галина Сергеевна*

Не познавшие детства...

Всё дальше от нас уходят события Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., самой кровопролитной и самой страшной войны за всю историю человечества. Но не заживают раны и не стираются воспоминания у тех, кто в те жестокие годы в малолетнем возрасте был насильно вывезен в рабство на принудительные работы в Германию или страны Балтии.

Среди многих тысяч малолетних узников концлагерей оказались и мы, дети семьи Кондратьевых, вывезенные вместе с родителями в Германию.

До начала Великой Отечественной войны наша семья жила в деревне Столбец Батецкого района Новгородской области, в большом красивом доме, построенном ещё дедушкой Матвеевым Никифором, отцом нашей матери. В нём проживали наш отец Кондратьев Сергей Иванович, 1914 года рождения, инвалид (без ноги, умер в 1987 году), мать Кондратьева

Александра Никифоровна, 1912 года рождения (умерла в 1992 году), дочь Юлия, 1936 года рождения (тогда ей было 5 лет, умерла в 1990 году в возрасте 54-х лет) и двухлетняя дочь Тамара, 1939 года рождения.

В августе 1941 года немцы оккупировали территорию Батецкого района, поэтому наша семья вынуждена была покинуть свой дом и уйти в лес, в партизанский отряд, так как немцы уже захватили и деревню Столбец. На тот момент мать ждала третьего ребёнка. 15 августа 1941 года в землянке партизанского отряда в семье Кондратьевых родилась третья девочка – Лилия. Кормить её было нечем, она всё время плакала от голода. Так наша семья, как и другие односельчане, жила почти год, до начала 1942 года в лесу, в землянках партизанского отряда. В начале 1942 года партизан предали люди, которые уже работали на немцев полициями. Они сообщили немцам о месте нахождения отряда, в феврале 1942 года отряд попал в плен к немцам, и нас всех насильно вывезли в Германию, в рабство на принудительные работы в лагерь № 246 города Цизар (земля Бранденбург). С нами была ещё сестра матери Матвеева Екатерина Никифоровна. Загнали всех в дощатые тёмные бараки, окружённые со всех сторон колючей проволокой высотой до трёх метров, охраняемые фашистскими карателями с автоматами и большими страшными сторожевыми собаками, оскал зубов которых остался в нашей памяти до конца дней. С нами в бараке находились также украинцы и белорусы. Родителей заставили принудительно работать на железной дороге в депо Гутебано, а детей оставляли в бараках, откуда нельзя было выйти, нельзя плакать, болеть, что-то просить, на что-то жаловаться. В любое время суток всех часто выгоняли из барака, держали часами под дождём, на морозе, направляя на нас дуло автоматов, в окружении страшных собак, били плётками, унижали, называли «русскими свиньями» и тут же расстреливали за малейшую провинность. Кормили похлёбкой-баландой: водой с лебедой и шпинатом. Мы постоянно хотели есть, спать, болели. Душу выматывали бесконечные жуткие налёты самолётов, бомбёжки и обстрелы. Казалось, будто бы

вся земля горит и гудит. Это всё отражалось на нашем здоровье. Весь этот ужас наша семья пережила в Германии с 23 февраля 1942 года по 24 августа 1945 года.

В феврале 1945 года в бараке за колючей проволокой, на территории фашистской Германии в г. Оснабрюк (Земля Нижняя Саксония) родилась наша сестра Галина – дитя этой бесчеловечной войны.

Освободили нас американцы. В августе 1945 года наша семья вернулась из Германии на Родину в деревню Столбец Батецкого района, пережив за три с лишним года ужас рабства и унижения. Но там нас тоже не ждали и относились не как к односельчанам, а как к врагам народа, как будто мы были вывезены в Германию по доброй воле, а не насильно. Нам говорили: «От вас немцем пахнет». Нас притесняли, оказывали недоверие, наши родители заставляли нас молчать, не говорить о том, что мы были насильно вывезены в Германию.

В 1950-е годы мы переехали в Тосно и перевезли дом. Отец работал по найму: рубил дома, выполнял кузнечные заказы. Люди расплачивались продуктами.

Мать у нас была очень ласковой, трудолюбивой и хорошей хозяйкой (а в семье было 8 детей!).

*Александра Никифоровна Кондратьева
с детьми.*

*На фоне памятника Кирову в
Тосно – сестра Юля.*

Она 15 лет проработала в Тосненской ЛММС.

Родители помогали нам учиться, привили нам серьёзное отношение к работе и уважение к людям. У каждой из нас сложилась своя жизнь. Мы получили образование, работали, растили детей и внуков, пережили радости и утраты, но когда мы вспоминаем период нашего детства, украденного фашистами и проклятой войной, до настоящего времени всё дрожит внутри. В нашей семье от голода, холода, нервного истощения в детском возрасте у всех развились тяжёлые хронические заболевания, а сестра Юля рано ушла из жизни (в 1990 г.). Мы все инвалиды, не познавшие детства. Как и раньше, мы поддерживаем друг друга в трудные моменты.

**СКРЯБИНА
ТАМАРА МИХАЙЛОВНА,**

*работница железнодорожных станций
Стекольный и Човолисино.*

О моём военном детстве

Я родилась 14 марта 1933 года в деревне Кайболово Тосненского района.

В 1941 году, когда началась война, мне было восемь лет. Отца – Трофимова Михаила Фёдоровича – сразу взяли на войну. Мы остались с мамой Екатериной

Александровной, бабушкой Дашей и братом Борисом, 1929 года рождения. Когда фронт приблизился к деревне Кайболово, все жители ушли в лес, в землянки. Пока шли бои, летали снаряды и свистели пули.

Когда всё утихло, мы вернулись в деревню. Поля и огороды были смешаны с землёй, всюду валялись трупы, убитые лошади. У нас в хозяйстве ещё была корова и другая живность. Вскоре стали наездами появляться немцы. Отобрали у людей всё, что было: коров и всё остальное, что ещё сохранилось. Вот тогда и начался страшный голод. Мама приносила мясо от убитых лошадей, варили и ели его без соли. Пилили дрова и из опилок и травы пекли лепёшки. Из крапивы варили щи. Собак и кошек всех съели. Люди умирали семьями. У нас умерла бабушка Даша (мамина мать). Брат Борис пошёл в лес за травой, а в лес ходить было запрещено, и не вернулся. Может быть, немцы посчитали его партизаном и застрелили. Нашли его только через год, положили в ящик одни косточки и похоронили.

Потом немцы поселились в Кайболово постоянно. Нас из домов выселили, и я с мамой жила в бане. Стали нас гонять на работу, и взрослых, и детей-подростков. Зимой в лесу рубили сучья и плели щиты, которые ставили вдоль дорог от снежных заносов. Летом строили дороги, таскали камни, песок. Ходили пешком до деревень Поги и Новолисино. За работу нам давали кусочек хлеба и по две «галетины».

А в октябре 1943 года собрали всех людей в центр деревни, подогнали машины, погрузили всех, кто в чём был. Привезли на станцию Новолисино и поместили в товарных вагонах, без питья и пищи. Везли долго. Приехали в Латвию на станцию Стенца (Станда?). Выгрузились из вагонов. Стали приезжать хозяева на лошадях за работниками. Взяли и нас: маму, бабушку Екатерину (свекровь мамы), меня и тётю Фёклу с дочкой

Ниней. Привезли на хутор Мазмакстнирки. Поселили всех в одной комнате. Спали на полу. Стали работать. Взрослые обрабатывали поля, косили сено, ухаживали за скотом. А я и троюродная сестрёнка Нина пасли коров, гусей, свиней.

По рассказам мамы и моим воспоминаниям, взрослых забрали немцы на работы в лагерь, а я и бабушка остались у хозяина. Однажды прошёл слух, что детей и стариков будут увозить в Германию. Маме каким-то чудом удалось убежать из лагеря. Шла лесами, болотами и всё-таки успела застать нас на хуторе. Вскоре, действительно, хозяин нас отвёз в Кулдигу (на берегу реки). Там уже было много людей, ожидали пароход. Охраняли немцы с собаками. И вдруг начался у немцев переполох. Забегали, засуетились. Подъехали машины и стали увозить людей. Оказалось, что наши войска перекрыли путь. Так мы попали в лагерь, названия которого я не помню. В лагере маму угоняли на работу, а я и бабушка сидели за колючей проволокой. Находились в лагере до тех пор, пока не были освобождены нашими войсками в мае 1945 года. Отвезли на станцию, посадили в вагоны, и мы поехали на Родину. Нас привезли на станцию Госно. Из Госно шли пешком до деревни Кайболово. Дом наш немцы сожгли при отступлении, и нам с мамой пришлось уехать в Форносово. Жилья не было. Нас поселили в деревне Новолисино, в бане. Потом дали нам немецкий бункер на две семьи.

До войны я не училась, может быть потому, что в нашей деревне школы не было. Школа находилась в деревне Куньголово, там учился мой брат Борис. За время войны я научилась читать и писать на обрывках газет и клочках бумаги. После возвращения пошла учиться во второй класс школы в деревне Поги. Учеников было мало, и все четыре класса учились вместе в две смены. Были две учительницы: Раиса Петровна и Евгения Тимофеевна. В Форносове я пошла в школу в третий класс.

Здесь нас учила Ольга Константиновна Алексеева.

Так как мы были переростками, в пятый класс пошли не все ученики. Некоторые устроились работать. Помню наших учителей: по русскому языку и литературе – Малетину (Медведеву) Евдокию Прокофьевну, по математике и геометрии – Стрижову (Баранову) Антонину Дмитриевну, по истории – Фролова Владимира Сергеевича (он же был директором школы), по физике – Татьяну Хрисанфовну, по физкультуре – Гаранькина Григория Васильевича, по немецкому языку – Косякову Ольгу Михайловну. Наш самый первый выпуск состоялся в 1951 году.

После окончания школы поехала поступать в Ленинградский техникум лёгкой промышленности, но не прошла по конкурсу. Да и маме трудно было меня содержать. И пошла я работать на станцию Новолисино учеником оператора. Потом меня направили в Ленинград на курсы по подготовке дежурных по станции. После курсов проработала два года на станции Стекольный, потом вернулась на станцию Новолисино, где и трудилась до самой пенсии. В 1989 году тяжело заболела мама, за ней требовался уход, и мне пришлось уволиться.

В 1956 году вышла замуж за Скрябина Нафанаила Семёновича, он работал в Ленинграде столяром. Мы прожили с ним 34 года, до его трагической гибели. Вырастили двух детей, сына Колю и дочь Люду, построили дом. Сейчас у меня уже три внучки и внук. Дети живут в Петербурге, зимой я живу в семье у дочки, а летом – в Форносове, в своём доме, занимаюсь огородом.

*Записала Ермоленко Татьяна Симоновна,
заведующая Форносовской поселковой библиотекой.*

СУХАНОВА
РОЗАЛИЯ ИОСИФОВНА,

бывшая малолетняя узница Жмеринского гетто, окончила Ленинградский медицинский стоматологический институт, работала по специальности, заведовала стоматологическим отделением Пюссенской поликлиники

Это страшное слово - война!

Родилась я, Суханова Розалия Иосифовна, на юго-западе Украины в городе Жмеринка Винницкой области в 1932 году. Семья была большая, дружная – четверо детей. Сколько себя помню, в семье вечерами было весело. Сестра играла на гитаре и пела, очень хорошо пел отец, так что по вечерам, особенно зимой, скучно не было – пела вся семья.

В тот день, 22 июня 1941 года, всё было, как в обычные выходные. Сестра готовилась к экзаменам, братья после завтрака убежали к друзьям. А мы с отцом пошли в кафе-мороженое, мама занялась своими делами.

После кафе зашли навестить папиного друга-фотографа. Сфотографировались, побеседовали и пошли домой. Заметили, что на Центральной площади у репродуктора толпится много людей, и решили подойти. Люди стояли притихшие, хмурые, внимательно слушали

радио. Выступал Молотов (тогда он был министром иностранных дел).

– Война! – это слово пронзило, как стрела. Мы хорошо знали, что оно значит, так как у нас в городе было много эмигрантов – поляков, которые бежали из оккупированной Польши. Буквально на следующий день сестра пришла из техникума и стала собирать чемодан: их училище в полном составе уезжало на фронт, ведь там имелся полный набор медиков.

Через несколько дней начались бомбёжки, особенно ночью, потому что у нас в городе находился большой железнодорожный узел и все воинские эшелоны формировались и проходили здесь. Во время дневных бомбёжек мама нас заталкивала под русскую печку и накрывала своим телом. Благодаря маме мы и остались живы.

15 июля мы проводили отца на фронт. Остались я, брат и мама. По дороге из военкомата, где провожали отца, встретили знакомого дедулю, который сторожил детский сад. Он предложил нам уйти на ночь в его семью – они жили на окраине города. Мы собрали кое-какие вещи, документы и ушли в Заречье. Всю ночь в городе слышны были взрывы: это наши, отступая, взрывали все важные объекты. На рассвете проснулись от грохота моторов. Немцы, как на парад, въехали в город на мотоциклах и машинах – без единого выстрела! Так мы оказались в оккупации.

Начался грабёж, грабили не только немцы, но и местное население. Все магазины, базы, – всё было разграблено.

Настали чёрные дни: магазинов нет, да и денег тоже не было. Единственный кормилец – огород, а при наличии денег и вещей – и рынок. Так прожили лето, а в ноябре евреев согнали со всего района, обнесли колючей

провоолокой несколько улиц, сделали выходы, где находился патруль.

Раз в неделю выпускали на рынок с белой повязкой и шестиугольной звездой на ней (звезда Давида – символ еврейства). Меняли нехитрый скарб на продукты. На буднях все взрослые шли на работу – куда кого определяют. Мужчины разбирали завалы, очищали дороги от завалов, женщины работали на полях. А мы оставались одни. У нас по соседству жили две учительницы – Эсфира Давыдовна и Бронислава Петровна. Они занимались с нами. Все занятия были устные, ведь не было ни бумаги, ни чернил. Они учили с нами по памяти Пушкина, Лермонтова. Учили считать, складывать устно и таблицу умножения. Я её помню с тех пор. Так мы «учились». Надо сказать, что после освобождения меня взяли сразу в 4-ый класс, хотя до войны я окончила только первый.

На территории гетто распоряжалось своё «начальство»: были и полицейские, и главный «директор» – эмигрант из Румынии. Его называли доктор Гершман. Почему доктор, не знаю, видимо, учёное звание.

Порядок в этом лагере был такой: по утрам всех собирали возле управы и раздавали наряды, в конце недели подводили итоги. Кто провинился – наказывали, кого шомполами, кого сажали в карцер. «Свои» полицейские вынюхивали «крамольников» – коммунистов и комсомольцев, многих из них казнили, других увозили якобы в тюрьму, но мы их никогда больше не видели. Очень доставалось молодым девушкам, их увозили, насиловали. За любую провинность – порка. Вот так жили в постоянном страхе и панике. В любой момент можно было ожидать и надругательства, и смерти.

Заставляли работать и подростков. Мой младший брат работал на кухне в жандармерии: колот и носил дрова и воду, мыл кастрюли. За это он получал миску похлёбки.

Иногда давали кое-что домой, вот он нас и подкармливал. А однажды взяли его живой мишенью по натаске овчарок. Нарядили в ватные брюки и телогрейку и велели бежать, следом пустили голодных собак, те и вырвали кусок брючины вместе с частью голени. Брата отправили домой. Мама, как могла, лечила его. Так вот и выживали.

Но пришёл 1944 год, наши войска наступали, начались снова бомбёжки, уже нашими самолётами, а бомбы не разбирают, куда падают. В один из таких дней бомба попала в наш дом, к счастью нас не было дома. Остались в чём были. На пепелище подобрали что могли, жили в сарае, все дома были плотно заселены. Хорошо, что в марте дни тёплые, солнечные, а ночью топили буржуйку – железную печку.

17 марта нас всех согнали в большой дом, бывшее фабрично-заводское училище. Там при немцах был госпиталь. В коридорах лежали трупы фашистов. Окна и вход на верхние этажи были заколочены. Мы почувствовали запах бензина – это немцы снаружи обливали стены, окна, выход. Но началась бомбёжка, бомбили долго, немцы разбежались. И это нас спасло.

А утром услышали грохот – отрывали доски наши солдаты, совсем мальчишки.

– «Выходите, товарищи!», – услышали мы. Что здесь началось! И слёзы, и радость, и поцелуи! Вышли, а возле входа стоит пулемёт, брат с другом подхватили его и побежали вместе с солдатами. Два дня мы ждали брата, думали, что он погиб, но нет, он вернулся грязный, голодный, но улыбающийся: «Мама, мы спасли наш вокзал!»

У нас в Жмеринке был старинный вокзал, построенный ещё в XVIII веке. Так вот на крыше сидел пулемётчик и обстреливал все вокруг. Мальчишки знали все ходы и выходы на вокзале и помогли солдатам

пробраться на чердак, где сидел пулемётчик. Те его и взяли!

Хочется отметить, что в беде люди добрее! Помогали, чем могли, делились последним. Ещё после освобождения было много и бомбёжек, и обстрелов – немцы неохотно отдавали позиции. Не зря говорят – терпение и труд всё перетрут. Так оно и было. Потихоньку все наладилось. С войны вернулись отец и сестра, а старший брат погиб. Началась мирная жизнь.

Студентка 4 курса

В 1951 году я поступила в Ленинградский государственный медицинский стоматологический институт.

После окончания института в 1956 году попала в г. Сольвычегодск Архангельской области, работала стоматологом, вышла замуж в 1959 году, родила дочь.

С июня 1960 г. я переехала жить в город Тосно, работала сначала детским стоматологом. Кабинет был маленький, работали в две смены с педиатром: в первую смену я, а во вторую смену – педиатр. Затем переехали в заново отремонтированное здание. Первый этаж отдали под стоматологическое отделение. Этим отделением я и стала заведовать, разъезжала по району, проверяла, как работают специалисты, давала советы, подняла вопрос о профилактике заболеваний полости рта, добилась открытия в Фёдоровской школе стоматологического кабинета. Имею несколько юбилейных медалей.

С 1971 года я живу в деревне Фёдоровское, мне предоставили трёхкомнатную квартиру, но пришлось разменяться, так как дети выросли и обзавелись своими семьями. При помощи немецкой Комиссии по еврейским материальным искам к Германии «Клеймс Конференс»,

которая выделяла деньги бывшим узникам немецких лагерей, мы смогли купить себе отдельную квартиру.

Своим детям, внукам я не рассказываю о пережитом, они, конечно, знают обо всех страданиях, что выпали нашей семье, но затрагивать эту тему никому не хочется, теревить страшные воспоминания очень тяжело.

Несколько раз я выступала в Фёдоровской школе, рассказывала о тех страшных днях своей очень тяжёлой жизни в детстве. Выступала в Фёдоровской сельской библиотеке на Международном дне освобождения узников фашистских концлагерей.

ФАДЕЕВА
ЛЮДМИЛА ЛЕОНИЦОВНА,

*детский поэт, член Союза российских писателей и
Союза писателей Санкт-Петербурга. Родилась в
Саблино, была членом литературного объединения
«Мосненская сторонка», автор более 15 книг.*

**«...Детство осталось на обочине
страшной дороги войны»
(Отрывки из повести о детстве «Милая Мойтя»)**

Война шла не только через наши поля, города и сёла, она шла через души людей. Через души детей. Их детство осталось на обочине страшной дороги войны. Каким образом, несмотря на всё, что было, людям удавалось оставаться людьми? Как начиналась жизнь моего поколения, чьё раннее детство пришлось на те годы?

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Конечно же, мне всего современнее
Войной крещённое поколение,
Что выросло на лебеде и крапиве,
Где много хороших, да мало красивых.
Где меньше на свете живущих, чем надо:
Концлагерь дымил, леденела блокада...
Мы даже привыкли – отцы у кого-то,
А нам – только их довоенные фото,
Которые в школу несли мы в портфеле,
А вслед одинокие мамы глядели...
Нам старые платяца перешивались,
А мы вырастали, а мы не сдавались!
В нас верили, – мы себя не разбазарим!
И в космос летит наш ровесник Гагарин!..
Гляжу с удивленьем в усталые лица
И вижу: в них вечное детство таится,
Далёкое детство,
Небывшее наше...
Моё поколенье! Да нет тебя краше!

Часть 1. Солнце ласковое

Белое платье

Поляны, поляны – широкие и узкие, с низинками, овражками; заросшие кустарником и просторные – все в цветах. В разные стороны от этих полян вроде бы хаотично, но, если взглядишься, по какому-то интересному плану разбегаются чистые улицы с нескучными, разнообразными домиками в один-два этажа: Льва Толстого, Пушкинская, Лескова. Наша – улица Гоголя. В моём восприятии с раннего детства в одно слово: «Гоголячетыре».

Это наш посёлок Ульяновка, он же – станция Саблино по большой, ныне Октябрьской, а раньше Николаевской, знаменитой железной дороге между Санкт-Петербургом и Москвой. Самая главная улица посёлка – Советский проспект (до революции – Графская дорога) – расположилась негордо по краю посёлка, но все три километра до Тосны-реки идёт почти по прямой. Не теряя её из виду, петляет – похожая на маленький ручеёк – речка Саблинка. Где-то на подходе к устью она, всё такая же маленькая, образует трёхметровый водопад и вдруг становится похожей на горную речку. Берега её здесь высоки, каменисты и очень живописны. Тут и впадает она в тихую и задумчивую Тосну, уже прошедшую свой неплохой тоже водопад. Тосна – приток Невы. На её берегах находилась усадьба поэта А.К. Толстого «Пустынька», известен и Тосненский водопад.

...Мы с мамой идём через одну из полян по тёплой тропинке встречать с работы папу. Земля в цветах и трескучих кузнечиках. Ощущение: всегда есть и будет такая. Солнце неяркое, но ласковое. Ощущение: всегда есть и будет такое. Мне почти три года. Мои маленькие

*Дедушка Иван Фёдорович Зайцев и
бабушка Анна Васильевна Зайцева.
1940-е гг.*

ноги ступают неторопливо, но уже уверенно. Рука – в руке моей молодой мамы. Ей двадцать три года. Она в белом лёгком платье. У меня нет сомнения, что все мамы на свете молодые и в белых лёгких платьях. Из репродуктора на столбе с улицы Володарского (в прошлом – Конка), к которой мы подходим, несётся:

Где-то за Нарвской заставой
Парень идёт молодой...

Убеждение: «парень молодой» – это мой папа. Его мы идём встречать с работы. Он работает фрезеровщиком на Ижорском заводе в городе Колпино.

*Мама Прасковья
Ивановна Фадеева*

...Мы с мамой идём по тёплой тропинке встречать папу... Зачем-то памяти угодно, чтобы я так хорошо запомнила этот момент своей жизни. Вслушавшись во время, могу, кажется, услышать голос моей молодой мамы. Сейчас ей восемьдесят три года и живёт она там же, в Ульяновке-Саблино, правда, уже не на «Гоголя четыре»... Но вот голоса папы, умершего от голода весной 42-го года по этому незабвенному адресу, как ни вслушиваюсь, ни затаиваюсь, ни напрягаю сердце, – не слышу. Не слышу...

Гул.

Меня непривычно разбудили среди ночи. Ярko горит лампа. Взрослые бегают, торопятся, говорят громко и тревожно. А мне всё это только интересно и любопытно. Меня быстро заворачивают в тёплое одеяло. Мама хватает свёрток и бежит к двери. С нами папа и ещё кто-то: наверное, бабуся Лиза. Папа хочет взять меня на руки, но мама, плача, не отдаёт. Откуда-то доносится нарастающий гул. Зловеще, густо: «Ууу-у-у!». И вот гул становится совсем близким! Над нами! И это уже не гул, а снижающийся вой! Что-то вспыхивает, ужасно гремит, коротко и сильно бухает. И это совсем рядом с нами! По поведению и крикам взрослых я понимаю, что нам грозит что-то страшное, но я в это не верю и хочу сказать им из своего тёплого одеяла, что они ошибаются! Всё будет хорошо! Ведь земля была вся в цветах и трескучих кузнечиках, ведь солнце ласковое всегда есть и будет!..

Но зловещий тёмный гул той ночи августа 1941 года всё-таки нарушил нерушимое: проник в меня. Я даже сейчас могу без напряжения его вспомнить. Только теперь я знаю, что люди за свою жизнь научатся, помня, не вспоминать. Чтобы жить.

Коричневые вагоны

Блёклый низкий лес по краю железной дороги где-то в Эстонии. На путях длинные коричневые дощатые вагоны. Из них только что высадили нас. Женщины тащат свои пожитки. Худенькие ребятишки жмутся к ним. Никто никуда не торопится. Стою и гляжу на вагоны. Почему-то стараюсь их запомнить, словно кто-то заставляет меня это сделать. Зачем-то памяти угодно, чтобы я запомнила и этот момент своей жизни, как тот – с ласковым солнышком, с мамой в белом платье... Как будто эти коричневые вагоны

увезли в небытие моего папу – «парня молодого», только что родившуюся сестрёнку Валечку, добрую сухонькую бабуся Лизу, которая на мою просьбу что-нибудь нарисовать всегда рисовала мне девочку, обязательно в клетчатой юбочке и с корзинкой... Увезли моё детство, мою счастливую юность, здоровье, красоту, оставив голод, лишения, болезни... Ничего не случилось только с моими весёлыми кудрями, которые создают беспорядок на моей, уже седой, голове и по сей день.

А ведь в этих вагонах нас просто привезли «из карантина», как все называли жизнь за колючей проволокой на нарах. Высадили прямо в лесу. Завтра придут зажиточные хуторяне-эстонцы и будут набирать себе работников.

Вагоны уехали, и мы остались ждать своей участи под открытым небом. Я удивляюсь: почему нет солнца? Ведь ещё день... Низкое небо заплакало серенькими слезами. Мама, секунду поколебавшись, велела мне залезть под куст и развесила надо мной наше бесценное тёплое одеяло. Дождинки дружно заплясали по нему, безжалостно превращая в ветошь.

Мы провели в этом лесу двое суток. Наконец приехали «хозяева». Мы с мамой и тётя Нюра, старшая мамина сестра, с сыном Геней, который был ещё младше меня, к счастью, попали к одному хозяину. Потом же, довольно скоро, оказались в числе работников некоего Барона, «самого главного немца» (кстати, голландца по национальности).

Лето 1943 года. Осенью мне будет пять лет.

Часть 2. «На самой кромке жизненного поля».

В этом мире

Мир был сер, прост и малоинтересен. Я помню, что где-то, совсем рядом, были – съевшие всё прекрасное в нём – страх и отчаяние. А может, это мне только кажется, что помню? Наслушалась взрослых... Но что я помню точно – это большой беспросветный голод.

Мне три года. Передо мной наша чёрная сковородка, а на ней жареные крупинки молотой конины, раздобытой где-то мамой по большой удаче. Я заранее знаю их несъедобность и безвкусоность, не ем, плачу. Но мама просит съесть хоть немного. Я пытаюсь есть...

...Через наш посёлок немцы гнали стадо давно не доенных коров, обезумевших от перегоревшего в вымени молока. Разрешено (или приказано?) было местным жителям подоить этих коров... На наших окнах стоят банки давно забытого мной молока. Мамы нет дома. И я, голодная, пью и пью это молоко. Ночью страшно болит живот. Мама в кухне зажигает лампу и открывает в нашу тёмную комнату дверь. Свет врывается тревожным лучом. Мама что-то кипятит или греет в кастрюльке, даёт мне выпить. Но у меня тоскливое убеждение, что всё бесполезно и я умру сейчас от этой дикой боли. Я плачу. Мама тоже плачет и говорит: «Нет! Нет!».

...Был снижающийся вой самолётов над товарными вагонами, в которых нас везли в Эстонию. Коричневые вагоны, набитые такими же, как мы с мамой, женщинами и детьми...

А вот сейчас тихо. Только дорога, рядом с которой прямо крыльцом к ней – стоит наш барак, пылит и пылит, гудит день и ночь от военных машин немцев. Мой мир – наша комната в бараке, где, кроме мамы и меня, ещё тётя

Нюра с Геней. Их общая кровать стоит вплотную к нашей с мамой кровати. Через длинный стол в той же комнате-кровати другой тётки Нюры (она очень старая) и двух её дочерей. Тех я вижу редко: они всё время на работе (как и наши мамы). А вот с «ненашей» тёткой Нюрой имею возможность побеседовать:

– Тётя Нюра, какая ты страшная, – говорю я ей.

– Людочка, разве я страшная?

– Нет, ты не очень страшная, – спохватываюсь я и стараюсь исправить положение, – а вот с нами в карантине была похожая на тебя, так вот она была страшная.

Над этим миром опрокинута серо-голубая чашка неба, которая не очень далеко касается краями земли. По земле ходят люди: мы, барачные, которым ничего нельзя, и немцы, которым всё можно. Барон – самый главный, он живёт в красивом доме с садом. Нас иногда сгоняют в большую комнату этого дома смотреть кино. Кино просто неинтересное, там просто убивают на войне людей. Мы, дети, сидим на полу, глазеем, ничего не понимая. Мамы стараются поскорее уйти: там, в кино, показывают, как убивают наших. Может быть, там как раз убивают дядю Петю, мужа тётки Нюры, он ведь на фронте.

Что-то во мне силится найти выход из этого плоского недоброго мира. Найти если не бесконечный, то хотя бы дальний путь, по которому потечёт поток сознания. Мой возраст призывает меня пылливо и жадно вглядываться в мир – по определению учёных, «к пяти годам в ребёнке заложена вся информация об окружающем мире». А мне скоро шесть лет.

Окружающий мир... Что такое книга, я уже забыла. И что такое игрушка – тоже. А что такое конфета – вообще не знаю. Но почему-то, откуда-то помню вкус пирожного: пирожное – это такой рассыпающийся от вкусности

брусочек. Пи-рож-но-е... Рассыпается... И ещё с довоенных времён: котлета. Кот-ле-та, кот-ле-та... Что-то жареное, маленькое и во вкусной водичке... Пирожное-то я потом попробую, и брусочком, и другое, хотя так и не встречу того, придуманного мной, вкуса его... С котлетой сложнее. Мой испорченный голодом живот уже никогда не позволит мне без боли съесть такую котлету...

Мама работает в свинарнике Барона. Бойтся что-то сделать не так. Однажды её подопечная породистая свинья придавила одного из многочисленных своих поросят. А Барон, как назло, привёл гостей в свинарник. Похвастаться. Увидев случившееся, он схватил за задние ноги дохлого поросёнка и ударил им маму по лицу. Потом мама мне, уже взрослой, рассказала об этом случае. И прибавила: «Если б не ты, я бы не пожалела себя, всё бы ему высказала! Но я знала, что ты, маленькая и беззащитная, ждёшь меня. И я стерпела...».

Наши

Было ещё одно особое слово, которое любили все в нашем бараке, – «наши». У меня и сейчас готовы появиться слёзы, когда я его, тогдашнее, означающее только одно: «наши войска», вспоминаю. В последнее время оно говорилось шёпотом, со счастливым лицом. Ещё оно означало тогда: треугольничек очень долгожданного письма, предчувствие какой-то тёплой волны, которая накроет, омоет, сделает счастливыми всех нас!.. Наши!

Мама рассказала мне потом, что было накануне. Сначала немцы начали угонять скот. И «маминых» свиней тоже. Потом по дороге непрерывным потоком пошла их военная техника.

И вот как-то, проснувшись августовским утром 44-го, все мы в бараках и местные эстонцы обнаружили, что

немцев нет! Барона-то не видели уже давно. Пустившись в разведку, осмотрели его пустой дом, за садом – свежевырытый вместительный ров... С ужасом поняли, что это – наша общая могила и пустой она осталась лишь потому, что очень быстро наступали наши. Ни немцев, ни наших. Барачные собрали узелки с документами, взяли кое-какую еду и ушли в лес. На всякий случай...

Мы провели в лесу три дня. На разведку каждый день ходили мальчишки постарше. И вот на четвёртый день они прибежали, крича: «Наши! Наши!». А по дороге уже ехали наши мотоциклисты!

Дальше я помню так: в нашу комнату в бараке набилось много военных. Эти военные всю войну были где-то, не с нами. Реальнее всего они были в песне:

Тёмная ночь,
Только пули свистят по степи...

Эти военные не спускали с рук нас, детей. И все плакали от счастья. И наши мамы, и «страшная» тётя Нюра, и обе её дочки. Все обнимались, целовались. Слезы были в глазах военных. Они задавали нам, детям, простые вопросы и не слушали ответов, совали нам в руки что-то съестное. Мне было непривычно хорошо, без обычной глухой тревоги. Слегка беспокоило только одно: мама сказала, что наши пришли навсегда. Их так много... Как же мы разместимся теперь в нашем бараке?

Вот тогда один из бойцов подарил мне яркую игрушку, которая была похожа на куклу. Но это была не кукла, это был смешной мальчик в разноцветных штанах и красном колпачке. Он весь блестел от новизны. Он улыбался. Я спросила у мамы: «Кто это?» – «Это клоун», – ответила мама с грустью, понимая, что этим ничего мне не сказала. В свои почти шесть лет я не знала, кто же такой клоун... Но это был человек! И я приняла его под свою

опеку. Чтобы сократить расстояние между таким блестящим им и такой серой мной, назвала его по-свойски: Кловка (вроде – Генька).

– Орловские?! Орловские?!, – стоя у крыльца, кричала «страшная» тётя Нюра на дорогу, по которой шли и шли наши войска. Нам же не пришлось кричать, чтобы встретить земляка. Он появился перед мамой, неся на руках меня, худущую и лёгкую, с лохматой головой. Мои глаза сияли.

– Иду, слышу, ребяташки по-русски говорят, – объяснил он ей. – Ваша дочь сказала, что вас зовут Паня и что вы из Саблино. Я – саблинский!

С нашими пришли и новые песни: «Бьётся в тесной печурке огонь», «На позицию девушка провожала бойца». Я поняла, что их и до этого знали все, но громко запели только сейчас. Это были другие песни. Они мне казались такими же блестящими, как мой Кловка.

Мне кажется, что первое послевоенное лето было вообще первым летом в моей шестилетней жизни. Я взахлёб знакомилась с травами, деревьями, даже с лужами!

*Возле родного дома
после войны. 1951 г.*

С подругой Олей

*1 класс Ульяновской семилетней школы.
Люда Фадеева – справа от учительницы
Антонины Васильевны. 1947 г.*

Люда. 1949 г.

Когда в первый класс пошла моя дочь Лена, я вспомнила себя – первоклашку. У меня было всё совсем-совсем не так...

...На поляне, между длинным одноэтажным зданием школы и почти таким же сараем, собралось в тот день множество худеньких бледных ребятшек разного возраста. Кто в чём, в цветных платьицах, в фуфайках, в застиранных рубашечках. У одной девочки накинута на плечи вязаный платок весь в дырках. Я лично – в белом платье в синий горошек с короткими рукавами и в новеньких кирзовых сапогах на вырост. Мама купила на барахолке это платье, а дедушка мне к школе старательно сшил детские сапоги...

Нас ведут в классы. Класс – огромная комната с двумя большими окнами. Окна застеклены наполовину, остальное – фанера. Стены в классе бревенчатые, тёмные, пустые. На передней стене – чёрная доска. Ближе к ней – учительский стол, а перед ним – в три колонки – новенькие деревянные парты! В дальнем углу круглая печка. Мы рассаживаемся по партам...

**ФИЛИПОВА
ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА,**
*работница железнодорожной
станции Новолисино.*

Выжили в этом лагере просто чудом...

Людмила Васильевна (до замужества Ефремова) родилась 20 декабря 1937 года на Псковщине и до войны жила в деревне Полуяково Карамышевского района.

Немцы пришли очень быстро, въехали в деревню на мотоциклах и сожгли все дома. Мама Елизавета Тимофеевна ушла в партизанский отряд, а дети вместе с бабушкой Агафьей поселились в землянке недалеко от деревни. Но немцы настигли и там. Маленькая Люда помнит, что была осень, холодно, их выгоняли из землянок раздетых, подгоняя штыками, люди шли босые, без галош, а немцы ехали на лошадях.

Погнали в другую деревню, грозились всех сжечь. Когда улеглись на ночлег, одна женщина, которая знала бабушку Агафью, подошла к ней и показала, куда нужно уходить, чтобы попасть к партизанам, и тайком их выпустила. Побежали к реке, стали искать переправу, кругом лежали трупы. Немцы быстро обнаружили беглецов и вернули обратно. Но вскоре всех отправили в Карамышево, а потом повезли в Германию, в товарных вагонах. Пока ехали, три раза попали под бомбёжки, пытались бежать, но немцы всё равно всех собирали обратно. Довезли до местечка Дуйсбург в Германии, там

определили в лагерь. Первым делом погнали в баню на дезинфекцию: немцы очень боялись вшей.

В лагере держали за колючей проволокой. Мать и тётю гоняли на работу. Люда помнит, что в этом лагере от горя и страха бабушка Агафья сошла с ума и там погибла, родные даже не знали, где она была похоронена.

Выжили в этом лагере просто чудом. Кормили какой-то баландой – водой, в которой плавала скользкая трава. От такой еды у маленькой Людочки началась дизентерия, которая до того её измучила, что девочка совсем перестала есть. Маме на работе давали немного хлеба, она сэкономила эти крохи для детей. Может, благодаря этим хлебным корочкам ребёнок остался жить, дизентерия прекратилась.

Ещё осталось в памяти ребёнка, как их строем водили в баню, одежду дезинфицировали чем-то, похожим на стекловату, бельё становилось колючим, и всё тело чесалось, невозможно было ни сесть, ни лечь – так было больно. Выколачивали эту стекловату, чтобы одежду можно было носить.

Освободили их лагерь американцы, посадили в вагоны, довели до Эльбы. Когда открыли вагоны, хорошо покормили. Особенно запомнились американские галеты, которые показались необыкновенно вкусными.

Вернулись на Псковщину, жить было негде, окрестные деревни сгорели, опять пришлось ютиться в землянках. Двоюродная сестра матери жила в г. Пушкин под Ленинградом, позвала к себе, помогла маме устроиться на работу на станцию Новолисино. От этой работы семье дали жильё на Вотчино в одноэтажном бараке типа казармы. Во время войны там жили немцы, Люда помнит, что отмывала деревянные стены и полы от копоти и грязи несколько раз. В 1948 году пошла в школу, ходила пешком по узкоколейке. Помнится, что какое-то время жили на станции Стекольное, потом опять вернулись в Форносово и до 1959 года жили в железнодорожной казарме, рядом со

станцией Новолисино, так как мама работала железнодорожной рабочей.

В 16 лет Людмила устроилась на работу в Ленинграде на завод алюминиевой и эмалированной посуды. Работа была тяжёлой, трёхсменной, но Люда была счастлива, что имела работу и могла заработать собственную копейку, лишь бы был свой кусок хлеба, лишь бы не было войны.

В 1959 году она вышла замуж за Филиппова Толю, он тоже был со Псковщины, работал на Форносовском торфопредприятии. Родились сыновья Саша и Лёша. В город на работу ездить стало тяжело, устроилась на станцию Новолисино. Жили на улице Погинской в доме родителей мужа, было небольшое подсобное хозяйство: корова, поросята, гуси, огород. Летом любили ходить в лес, благо весь посёлок им окружён. Собирали ягоды, грибы, они росли в округе в избытке. Были молодые, сил на всё хватало, жили взахлёб: с ночной смены придут – надо сено заготовливать для животных, ухаживать за ними; и в огороде работы полно, и по дому, крутились с 5 утра до 12 ночи, а утром вставали, как новенькие, и опять за работу.

Людмила считает, что молодость – это замечательное время, жаль, что она прошла.

В 1978 году муж Людмилы получил квартиру в Тосно, на улице Боярова, и до 2003 года, пока он не умер, жили там. А потом она перебралась опять в Форносово, поближе к детям и внукам. И вот уже десять лет как постоянно проживает в любимом посёлке. Хотя и Тосно всегда вспоминает с тёплым чувством: хороший и удобный для проживания городок.

*Записала Ермоленко Татьяна Симоновна,
заведующая Форносовской поселковой библиотекой.*

Содержание

	Стр.
Зиновьева Г.И.	3
Предисловие	
Ковалевская Н.П.	7
«Мы не хотим, чтоб это повторилось...»	
Бойцова О.	11
О проекте	
Колесов Б.В.	13
Спасибо за поездку	
Ильина И.Т.	15
Нас восхитил Юсуповский дворец!	
Воспоминания бывших малолетних узников фашизма	
Бекжанова Н.А.	19
Когда земля уходила из-под ног...	
Беляева Т.П.	23
Я помню: началась война...	
Бибиков В.П. и Бибикова Н.М.	29
Из истории жизни супругов Бибиковых	
Васильева Л.М.	38
Нас лишили всех радостей детства...	
Григорова Е.М.	48
Испытания войной	
Гудкова М.Ф.	62
Приходилось делать что приказывали	
Забойкин Н.П.	66
Под чёрным крылом войны	
Ильина И.Т.	77
«Память о войне сидит, как заноза...»	
Китаева З.К.	103
Пропавшее детство	
Колесов Б.В.	108
Хотелось выжить...	

Макаров М.Я.	122
Музыка как судьба	
Максимова В.П.	132
Очень хотелось домой	
Мина З.С.	135
Мы были детьми суровой войны	
Мыльцева З.М.	138
О том, что было пережито...	
Паэгле С.М.	142
Не сломленные войной	
Планина Л.В.	145
У каждого своя война	
Подольская В.Н.	151
Война в нашей судьбе	
Пчёлкина В.А.	154
Я помню, как всё это было...	
Савельева В.И.	161
Пережитое – забытое	
Сашилина Е.Г.	171
Горечь детских судеб	
Семёнов М.Н.	181
Оборванное детство	
Сёстры Кондратьевы	187
Не познавшие детства	
Скрябина Т.М.	190
О моём военном детстве	
Суханова Р.И.	194
Это страшное слово – война!	
Фадеева Л.Л.	199
«...Детство осталось на обочине страшной дороги войны» (Отрывки из повести о детстве «Милая Мойтя»)	
Филиппова Л.В.	211
Выжили в этом лагере просто чудом...	

Германский фонд «Память, ответственность и будущее» является собой совместную инициативу государства, общества и частного бизнеса. Задача фонда – сохранение памяти о преступлениях национал-социализма и претворение в жизнь проектов, направленных на укрепление взаимопонимания между народами. Фонд поддерживает международные проекты в области **критического рассмотрения истории, выступления за демократию и права человека, гуманитарных мер для жертв национал-социализма.**

Фонд учреждён в 2000 г. для выплаты компенсаций бывшим подневольным работникам. Выплаты были завершены в 2007 г. Более чем 1,66 миллиона человек в 98 странах мира получили в общей сложности 4,37 миллиарда евро. Капитал Фонда в объёме 5,2 миллиарда евро предоставили германское государство и частные предприятия. Для поддержки проектов в качестве учредительного капитала было забронировано 358 миллионов евро.

Некоммерческая организация, чья цель – **сделать благотворительность эффективной.** Фонд объединяет интересы всех сторон, участвующих в благотворительной деятельности, помогает частным лицам принять личное участие в благотворительности, компаниям – добиться максимальной эффективности социальных инвестиций, некоммерческим организациям – получить финансовую и консультационную поддержку.

Российский филиал фонда – CAF Россия – успешно работает в Москве с 1993 г. Ежегодно осуществляет около сорока программ в сотрудничестве с крупнейшими российскими и международными компаниями и фондами, направляя на реализацию социальных проектов более 6 миллионов долларов.

CAF в Интернете: www.cafussia.ru, www.cafonline.org.

Отпечатано в Муниципальном образовательном автономном учреждении «Центр информационных технологий»
187000, Ленинградская область, г. Тосно, ул. Чехова, д. 8;

тел./факс: (815 61) 22-575

Электронная почта: tsn@lokos.net

www.lokos.net

Тираж: 350 экз.